

КАЗАНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Журнал основан в июне 2018 года
2018, том 1, № 3 (3)

Международный научный журнал

Учредители: Сакаева Лилия Радиковна, Тахтарова Светлана Салаватовна,
Хабибуллина Эльмира Камилевна

Издатель: Автономная некоммерческая организация «Институт культурного наследия»
ИНН 1655080432: ОГРН 1041621009660

Адрес издателя: ул. Кремлёвская, д. 10/15, г. Казань, Респ. Татарстан, Россия, 420111

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций РФ. **Свидетельство о регистрации:**

ПИ № ФС 77 – 72979, дата регистрации: 06.06.2018

Форма распространения: печатное СМИ (журнал)

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Языки публикуемых материалов:

русский, татарский, английский, немецкий, французский, турецкий, китайский, испанский, итальянский

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

С.С. Тахтарова – доктор филологических наук, доцент (г. Казань, Россия)

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

Л.Е. Бушканец – доктор филологических наук, доцент (г. Казань, Россия)

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

Л.Р. Сакаева – доктор филологических наук, профессор (г. Казань, Россия)

ШЕФ-РЕДАКТОР

Д.Р. Сабирова – доктор педагогических наук, доцент (г. Казань, Россия)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

А.А. Шарипова (г. Казань, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Л.Е. Бушканец – доктор филологических наук, доцент (г. Казань, Россия)

Х. Девели – доктор наук, профессор (г. Стамбул, Турция)

А.Г. Калинина – кандидат педагогических наук, доцент (г. Н. Новгород, Россия)

Г.К. Кенжетгаева – кандидат филологических наук, доцент (г. Павлодар, Казахстан)

П. Коста – доктор наук, профессор (г. Потсдам, Германия)

В.А. Митягина – доктор филологических наук, профессор (г. Волгоград, Россия)

Е.А. Морозкина – доктор филологических наук, профессор (г. Уфа, Россия)

А.В. Сафарян – кандидат филологических наук, профессор (г. Ереван, Армения)

Ф.Г. Фаткуллина – действительный член Российской Академии Естественных наук,
доктор филологических наук, профессор (г. Уфа, Россия)

В.И. Шахоский – доктор филологических наук, профессор (г. Волгоград, Россия)

Адрес редакции: ул. М. Межлаука, д. 3, каб. 117, г. Казань, Россия, 420008

Телефон: +7 (843) 221-33-21, **Е-mail:** kazan-linguo@mail.ru

Дата выхода в свет: 29.12.2018. Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 70x108 1/16. Тираж 500 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии Издательства Казанского университета

Адрес: ул. Профессора Нужиной, 1/37, г. Казань, Россия, 420008

Телефон: +7 (843) 233-73-59, +7 (843) 233-73-28

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции
Редакция не несёт ответственности за содержание публикаций

Распространяется бесплатно

© Казанский лингвистический журнал, 2018

KAZAN LINGUISTIC JOURNAL

The journal was founded in June 2018

2018, vol. 1, No. 3 (3)

International scientific journal

Founders: Sakaeva Liliya Radikovna, Takhtarova Svetlana Salavatovna,
Khabibullina Elmira Kamilevna

Publisher: Autonomous non-profit organization "Institute of cultural heritage": INN 1655080432: OGRN 1041621009660

Publisher's address: 10/15, Kremlin str., Kazan, Rep. Tatarstan, Russia, 420111

The number of the certificate media: PI № FS 77 – 72979, registration date: 06.06. 2018, the shape of the distribution: print media (magazine), territory of distribution: Russian Federation, foreign countries.

Languages of published materials: Russian, Tatar, English, German, French, Turkish, Chinese, Spanish, Italian

CHIEF EDITOR

S.S. Takhtarova – Doctor of Philology, Associate Professor (Kazan, Russia)

EXECUTIVE EDITOR

L.E. Bushkanets – Doctor of Philology, Associate Professor (Kazan, Russia)

SCIENTIFIC EDITOR

L.R. Sakaeva – Doctor of Philology, Professor (Kazan, Russia)

PRESS AND EDITORIAL MANAGER

D.R. Sabirova – Doctor of Pedagogics, Associate Professor (Kazan, Russia)

EXECUTIVE SECRETARY

A.A. Sharipova (Kazan, Russia)

EDITORIAL BOARD

L.E. Bushkanets – Doctor of Philology, Associate Professor (Kazan, Russia)

P. Costa – Doctor of Science, Professor (Potsdam, Germany)

H. Develi – Doctor of Science, Professor (Istanbul, Turkey)

F.G. Fatkullina – Full member of the Russian Academy of Natural Sciences,
Doctor of Philology, Professor (Ufa, Russia)

A.G. Kalinina – Candidate of Pedagogics, Associate Professor (G. N. Novgorod, Russia)

G.K. Kenzhetaeva – Candidate of Philology, Associate Professor (Pavlodar, Kazakhstan)

V.A. Mityagina – Doctor of Philology, Professor (Volgograd, Russia)

E.A. Morozkina – Doctor of Philology, Professor (Ufa, Russia)

A.V. Safaryan – Candidate of Philology, Professor (Yerevan, Armenia)

V.I. Shakhovskiy – Doctor of Philology, Professor (Volgograd, Russia)

Address of editorial office: room 117, 3 M. Mezhlauk str., Kazan, Russia, 420008

Phone: +7 (843) 221-33-21, **E-mail:** kazan-linguo@mail.ru

Date of publication: 29.12.2018. Offset paper. Printing is digital. Format 70x108 1/16. Edition of 500 copies

Printed from the finished layout in the printing house of Kazan University publishing House

Address: 1/37, Professor Nuzhina str., Kazan, Russia, 420008

Phone: +7 (843) 233-73-59, +7 (843) 233-73-28

Reprinting of materials is allowed only with the written permission of the editorial Board

The editors are not responsible for the content of publications

Available free of charge

© Kazan linguistic journal, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

<ul style="list-style-type: none"> • Лингвистика и межкультурная коммуникация 	
Е.В. Крайнюченко. Синтаксическая неоднозначность конструкции « <i>-ip+fil</i> » в турецком языке.....	5
А.Д. Фоминых. Медицинская терминология как способ метафоризации в общественно-политическом дискурсе английского языка.....	16
И.Я. Балабанова. Ценностно-ориентированные функции рекламного текста (на материале французского и русского языков).....	22
Р.М. Фахретдинов. Некоторые особенности цветовосприятия во французском и татарском языках.....	32
Г.М. Нуртдинова. Лакуны татарских бытовых реалий в английском языке как показатели разницы концептосфер.....	43
О.К. Мельникова. Жанрово-видовая дифференциация языкового творчества в интернете и рунете.....	50
И.Г. Ахметзянов, Н. К. Муллагалиев. К вопросу о сравнительно-сопоставительном исследовании географических названий татарского и английского языков с религиозным компонентом.....	57
<ul style="list-style-type: none"> • Литературоведение и лингвокультурология 	
Е.А. Бажанова. Тема смерти в поэзии Б. А. Чичибабина.....	63
Р.Н. Сабирова, Д.В. Тябина. Образ Драупади как символ призыва к действию в культуре Индии.....	71
И.С. Абрамовская, К. Егорова, Т. Князева. «Быт» и «Бытие» русской усадьбы в поэзии Г.Р. Державина.....	80
А.А. Кирпичникова. Языковые особенности постмодернистского романа и специфика его перевода (на примере романа В. Пелевина «Generation “П”» и его перевода Э. Бромфилда).....	88
Э.В. Шустова. Интерпретация романа «Властелин Колец» Дж. Р. Р. Толкина в России на примере рассказа Б. Б. и Н. Б. Жуковых «Экскурсия».....	96
<ul style="list-style-type: none"> • Инновационные методики и компетентностный подход в преподавании иностранных языков 	
Е.В. Гутман. Влияние международной образовательной интеграции на развитие профессиональной иноязычной компетенции студентов.....	101
Е.С. Хованская, Н.В. Маклакова. Игровые приемы и формирование грамматической компетенции студентов в обучении английскому языку.....	106
А.В. Агеева, М.С. Лукина. Кросс-культурный аспект подготовки переводчиков.....	113
Н.Ф. Плотникова, Н.Г. Сигал. Метод проектов при обучении иностранному языку в ВУЗе.....	121
Е.Г. Линючкина. Использование технологии портфолио при итоговой оценке знаний студентов по курсу «академическое письмо» на английском языке.....	125

CONTENT

- **Linguistics and Intercultural Communication**

E. V. Krainiuchenko. Syntactic ambiguity of the construction «-ip+fiil» in Turkish language.....	5
A.D. Fominykh. Medical terminology as a way of metaphorization in social and political discourse.....	16
I.Y. Balabanova. Value-oriented function of advertising texts (on the material of French and Russian languages).....	22
R.M. Fakhretdinov. Features of color perception in the French and Tatar languages.....	32
G. M. Nurtdinova. Lacunas of Tatar culture specific notions in English	43
O.K. Melnikova. Genre and generic differentiation of language creativity on the internet and runet.....	50
I.R. Akhmetzyanov, N.K. Mullagaliev. Comparative and contrastive study of geographical names with religious component in the Tatar and English languages.....	57

- **Literary and Cultural Linguistics**

E.A. Bazhanova. The theme of death in the poetry of Boris Chichibabin.....	63
R.N. Sabirova, D.V. Tyabina. Draupadi's image as a symbol of call to action.....	71
I.S. Abramovskaya, K.M. Egorova, T.S. Knyazeva. "Byt" and "being" Russian manor in G.R. Derzhavin's poetry.....	80
A.A. Kirpichnikova. The linguistic features of postmodernism novel and its translation specificity (the case of the novel "Generation "p" by Victor Pelevin and its translation by A. Bromfield).....	88
E.V. Shustova. Interpretation of "The lord of the rings" by J.R.R. Tolkien in Russia as exemplified in "The excursion" by B. And N. Zhukovy.....	96

- **Innovative Methods and Competence Approach in Teaching Foreign Language**

E.V. Gutman. The formation of university student's professional foreign language competence in international educational integration.....	101
E.S. Khovanskaya, N.V. Maklakova. Formation of students' grammatical competence by means of game.....	106
A.V. Ageeva, M.S. Lukina. Cross-cultural specifics of training translation / interpreting.....	113
N.F. Plotnikova, N.G. Sigal Implementation of system-performance approach using a project method when teaching a foreign language to university students	121
E.G. Linyuchkina The use of a portfolio technology for the final test of knowledge of students on the course "academic writing"	125

ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 811.161

СИНТАКСИЧЕСКАЯ НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ КОНСТРУКЦИИ «-IP+FIL» В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Е.В. Крайнюченко

alyona-kray@yandex.ru

Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск, Россия

Аннотация. Статья посвящена описанию одного из случаев синтаксической неоднозначности в турецком языке – сочетания деепричастия на -Ip с последующим глаголом – и возможных вариантов его интерпретации в турецкой и российской грамматических традициях.

Ключевые слова: омонимия, многозначность, аналитическая форма глагола, фразеологизированный глагол, асимметрия языковых знаков.

Для цитирования: Крайнюченко Е.В. Синтаксическая неоднозначность конструкции «-ip+fil» в турецком языке // Казанский лингвистический журнал. 2018. Том 1, № 3 (3). С. 5–15.

SYNTACTIC AMBIGUITY OF THE CONSRTRUCTION «-IP+FIL» IN TURKISH LANGUAGE

E. V. Krainiuchenko

alyona-kray@yandex.ru

Piatigorsk State University, Piatigorsk, Russia

Abstract. The article is devoted to the description of one of the cases of syntactic ambiguity in the Turkish language – a combination of a gerund in -Ip followed by a verb – and possible variants of its interpretation in Turkish and Russian grammatical traditions.

Keywords: homonymy, ambiguity, analytical form of verb, phraseological verb, linguistic sign asymmetry.

For citation: Krainiuchenko E.V. Syntactic Ambiguity of the Consrtruction «-ip+fil» in Turkish Language // Kazan Linguistic Journal. 2018. Vol. 1. No. 3 (3). Pp. 5–15.

Любому естественному языку присуща неоднозначность языковых знаков, в основе которой лежит асимметричный дуализм (по С.Карцевскому), т. е. наличие двух (и более) означаемых у одного означающего, проявляющийся в языке в виде полисемии, омонимии, дублетных форм и синкретичных явлений. В XX в. в российской лингвистической традиции наибольший интерес вызывала лексическая и грамматическая омонимия [Маслов; Апресян; Зализняк], а основная задача виделась в разграничении явлений полисемии и омонимии, выявлении причин возникновения и способов образования словесных омонимов, разработке

единообразных принципов подачи подобных языковых единиц в словарях. Однако омонимичные явления могут наблюдаться на любых уровнях языка. Еще в 60-х гг. прошлого столетия Ю.С. Маслов писал о целесообразности «исходить из значительно более широкого понимания омонимии и омонима, чем то, которое необходимо сохранить в практике лексикографической работы» и понимал под омонимией «всякое тождество звучания двух (или нескольких) разных означающих как на «уровне» слов, так и на «уровне», с одной стороны, морфем или морфемосочетаний, а с другой – словосочетаний» [Маслов, с. 198]. Несмотря на это, интерес к синтаксической омонимии возрос лишь в последние десятилетия XX – начале XXI вв. и был связан с разработкой методов распознавания неоднозначных единиц естественного языка при автоматической обработке и машинном переводе [Гладкий, Головня, Ермаков, Ножов, Шаляпина, Гатауллин]. И, хотя и появились работы, посвященные теоретической стороне вопроса [Гладкий, Муравенко, Шкурко], нельзя говорить об общепринятом едином подходе к классификации синтаксических омонимов.

В данной статье автор, вслед за Е.В. Муравенко, под синтаксической омонимией подразумевает случаи, когда в одном словосочетании/предложении можно «по-разному выделить или грамматически по-разному проинтерпретировать члены предложения и/или по-разному установить или проинтерпретировать синтаксические связи между ними» [Муравенко, с. 153].

В российской тюркологии вопрос многозначности рассматривался в рамках лексикографических исследований В.В. Радлова, Э.В. Севортыяна, А.А. Юлдашева, обзорных и сопоставительных трудах Н.А. Баскакова, Н.К. Дмитриева. В последние десятилетия появились работы, описывающие лексическую омонимию как в турецком, так и в других тюркских языках [см., напр., Саттарова, Тузжу; Голубева, Семенова; Гузеланы и др.], в то время как синтаксическим омонимам посвящены лишь отдельные статьи [Мушаев, Шкурко, Musayev, с. 207–237].

В турецкоязычных источниках тема неоднозначности затрагивается лишь при описании омонимичных аффиксов и лексических единиц, а их классификация не подвергалась специальному изучению. Кроме того, сам термин «омонимия» до сих пор не имеет единообразия в словарях, существуя в двух вариантах: *eşeslilik* [Vardar, с. 95; İmer, с. 122] и *eş seslilik* [Karaağaç, с. 376; Korkmaz, с.130].

Целью данной статьи является описание одного из случаев синтаксической неоднозначности в турецком языке – сочетания деепричастия на *-Ip* с последующим глаголом – и возможных вариантов его интерпретации. Такие конструкции могут представлять: 1) аналитическую форму глагола; 2) фразеологизированный глагол (составную лексему); 3) свободное словосочетание. Рассмотрим каждый из этих случаев отдельно.

§ 1. «Деепричастие на *-Ip* + глагол» как аналитическая форма глагола

В турецкой грамматической традиции сочетание деепричастия на *-Ip/ -A/-I* с последующим глаголом описываются обычно в терминах *kurallı birleşik fiiller* или *tasvir fiilleri/ tasvirî fiiler* и рассматриваются как один из видов сложных глаголов (*birleşik fiiller*), а не как аналитические формы [Banguoğlu, с. 488; Korkmaz, с. 200; Karahan, с. 77; Ediskun, с. 228; Karaağaç, с. 204]. Более того, сам

термин «аналитическая форма глагола» не употребляется турецкими лингвистами, а конструкции подобного рода описываются либо как сложные слова, либо как перифрастические формы, относящиеся к синтаксическим явлениям [Крайнюченко, с. 28–29]. Что касается функциональных особенностей, то практически до начала XXI в. грамматисты говорили о приобретении смысловым глаголом в подобных сочетаниях некоторых оттенков значения, таких как, «длительность, непрерывность», «быстрота или легкость» выполнения действия и т.п.; однако количество и определения этих «оттенков» также варьируется [Ergin, с. 387; Banguoğlu, с. 488–493; Bilgeci, с. 280–282; Edisku, с. 228–229; Karahan, с. 77; Karaağaç, с. 204; Korkmaz, с. 724–725].

В последние десятилетия, после знакомства с исследованиями европейских, американских и российских лингвистов в области функциональной грамматики, появились работы, авторы которых рассматривают данные конструкции как способ выражения вида (*görünüş*) или акционсарты (*kılmış*) [Ediskun, с. 228; Korkmaz, с. 709; Bacanlı; Karadoğan]; в научном обиходе все чаще употребляется термин *art fiil*, под которым понимается сложная морфема, объединяющая в себе аффикс деепричастия и вспомогательный глагол [Bacanlı, с. 29; Aslan Demir, с. 68]. Данный подход близок к определению аналитических форм глагола, появившемуся в российской тюркологии в 60-х годах прошлого века: деепричастие на *-Ip* выступает как носитель лексического значения, однако семантика самого аффикса *-Ip* и второго члена сочетания – модифицирующего глагола – предстает переосмысленной, и оба они являются формой выражения нового грамматического значения. Таким образом, вся аналитическая конструкция формализуется, а мы можем говорить о том, что к глагольному корню, носителю лексического значения, присоединяется сложный формант (Ip+модифицирующий глагол), носитель грамматического значения [Юлдашев, с. 25; Севортыан, с. 235].

В целом вопрос об аналитических глагольных формах в российской лингвистической традиции поднимался еще в XIX в., а в советский период сложно назвать исследователя, который бы отрицал их наличие. Аналитические формы были предметом изучения таких тюркологов, как Л.Н. Харитонов, Н.К. Дмитриев, Н.А. Баскаков, а в 1965 г. вышел сборник статей «Аналитические конструкции в языках различных типов». Таким образом, в отличие от своих турецких коллег, российские грамматисты разграничивают сложные глаголы (как составные лексемы) от аналитических/ акционсартых форм, описывая первые в рамках словообразования, а вторые – словоизменения/ формообразования.

Некоторое несоответствие наблюдается и в отношении определения второго элемента данных сочетаний: большинство турецких грамматистов называет глаголы *vermek, gelmek, gitmek, görmek, durmak, kalmak, yazmak, koymak* вспомогательными (*yardımcı fiiller*) [Ergin, с. 386; Korkmaz, с. 200; Karahan, с. 77; Karaağaç, с. 204; Bacanlı, с. 91], в то время как в русскоязычных источниках употребляются термины «окказионально-вспомогательные» или «модифицирующие» [Кононов, с. 209; Щека, с. 157; Гузев, с. 146], т.к. вышеперечисленные смысловые полнозначные глаголы лишь в этих формах являются носителями служебного значения.

Рассмотрим подробнее конструкции, объединяющие в себе деепричастие на *-Ip* с последующим модифицирующим глаголом.

1.1. Форма *-Ip+dur-* как турецкими, так и российскими грамматистами описывается как способ выражения длительного (затяжного), непрерывного, повторяемого действия: 1) *Koca kalenin hareminde yaşlı, uyurgezer, ağzına bir lokma yemek koymadan dolaşır duruyordu*. (YK, 109) «Заплаканная, [словно] лунатик, она постоянно бродила по гарему огромной крепости, при этом ничего не ела и не пила»; 2) *Gece rüyamda bizim mahalledekilere benzeyen sokaklarda Sabiha'yu arayıp durdum*. (АНТ, 65) «Ночью во сне я все время искал Сабиху на улицах, похожих на наш квартал»; 3) *Kenan, ağabeyimle görüşmem gerektiğini tekrarlayıp duruyordu*. (ОР, 188) «Кенан постоянно повторял, что мне необходимо встретиться со своим старшим братом».

Окказионально-вспомогательный глагол *durmak* способен строить аналитические формы не только с деепричастием на *-Ip*, но и на *-A*, однако они не являются полными дублетами. Первая форма, кроме акционсартового, обладает и определенным прагматическим значением: выражает неудовлетворенность, недовольство говорящего по отношению к описываемой ситуации. К сожалению, эту особенность упоминают немногие тюркологи лишь в рамках обучающих курсов/учебников турецкого языка [см., напр., Yeni Hitit, с. 182], между тем случаи переосмысления первичных грамматических значений во вторичные (производные) могли бы стать темой дополнительного исследования. Большинство же грамматистов просто фиксирует наличие двух параллельных форм, и, не останавливаясь на функциональных отличиях, говорит об их способностях передавать длительность или многократность действия, а З. Коркмаз лишь упоминает, что из пары *-Ip dur-/ -Adur-* в современном турецком языке больше распространена конструкция с *-Ip* [Korkmaz, с. 717].

1.2. Форма *-Ip+kal-* как правило употребляется с глаголами, передающими некое физическое или психологическое, душевное состояние и выражает длительность и интенсивность действия, переход в неподвижность, скованность, «оцепенение» [Маслов, с. 148]: 1) *Ahmet dağına çekilip gidecek, o burada sarayda tek başına, kuyunun dibindeki taş gibi kalıp kalacaktı*. (YK, 54) «Ахмет уйдет в горы, а она [навсегда] останется здесь во дворце совсем одна, словно камень на дне колодца»; 2) *Fakat acısı müzmin bir matem hatırası gibi kalbinde tortulanıp kaldı*. (RNG 'YG', 31) «Однако горечь надолго осталась в его сердце, как печальное воспоминание»; 3) *Sama çarpıp duran bir sinek gibi sıkışıp kalmıştı bu kelimenin içinde*. (EŞ, 46) «От этого слова она почувствовала себя мухой, оставшейся раздавленной на стекле».

Окказионально-вспомогательный глагол *kalmak*, также, как и *durmak* может употребляться как с деепричастием на *-Ip*, так и на *-A*, но, в отличие от *-Ip dur-* и *-Adur-*, эту пару можно назвать дублетными формами.

1.3. Форма *-Ip+gel-* выражает многократное/повторяющееся действие, возможно даже ставшее привычкой или традицией, берущей свое начало в прошлом и длящейся до настоящего времени: 1) *İşte XIX. yüzyılın sonlarından bu yana dallanıp gelen söz sanatlarının kaynağı!* [Gencan, с. 522] «Вот он источник появления новых средств художественной выразительности, постоянно

развивающихся с конца XIX в. и до настоящего времени»; 2) *Yusuf odanın içinde gidip geliyor, gittikçe de kendinden geçiyor, bir tuhaf, eski bir ateş halayı çekiyor gibi oluyordu.* (YK, 58) «Юсуф метался по комнате, постепенно распалаясь стал похожим на огнепоклонника, водящего странный хоровод»; 3) *Binaenaleyh benim evime Sabahattin'in gidip geldiği belliydi.* (SA, 294) «Поэтому и было понятно, что Сабахаттин постоянно ходил ко мне домой».

Данная форма в грамматиках русскоязычных авторов обычно рассматривается в паре с *-Ip git-*, т.к. первая «сигнализирует о протяженности действия из прошлого в настоящее», а вторая – о его длительности с акцентом на будущем [Головня, с.149; Щека, с. 157].

1.4. Значение формы *-Ip+git-*, в отличие от всех вышеперечисленных, определяется не только модифицирующим глаголом, но и формообразующими аффиксами, что является примером переосмысления первичных грамматических значений в производные. Конструкция выражает длительность и многократность при получении аффиксов, так или иначе указывающих на протяженность действия или настоящее время (*-yor, -yordu, -An, -Dık-* и т.п.): 1) *Buraya kadar gelmişken doktora beş dakika uğramazsak ayıp olur, derdi. Onun beş dakikası en aşağı bir saatti. Fakat bazan gece yarısına kadar uzayıp gittiği de oluyordu.* (RNG 'AG', 126) «“Раз уж мы пришли сюда, будет некрасиво, если мы не зайдем к доктору хотя бы на пять минут”, – говаривал он. Но его пять минут равнялись как минимум часу, и визит бывало затягивался до полуночи»; 2) *Senelerden beri sürünüp giden bu davadan ümidi kesmiştim.* [цит. по: Korkmaz, с. 725] «Я уже потерял надежду по поводу этого дела, тянувшегося годами».

В случаях же, когда модифицирующий глагол *gitmek* получает аффиксы прошедшего (категорического) времени, аналитическая форма приобретает совершенно иное значение и выражает окончательную завершенность действия: 1) *Fakat sabahleyin güneş doğunca bu vehimler de silinip gitti.* (RNG 'AG', 53) «Но с восходом солнца эти страхи окончательно рассеялись»; 2) *Saray bittikten sonra, yapıcıbaşı, Paşaya bir mektup bırakarak ortadan yitip gitti.* (YK, 40) «Когда все работы в крепости были завершены, главный строитель, оставив письмо падишаху, исчез».

Данную особенность отмечают в основном российские тюркологи, некоторые турецкие грамматисты даже не включают *gitmek* в список глаголов, способных строить аналитические формы [см., напр., Ergin; Banguoğlu; Gencan; Ediskun; Karaağaç], а значит, мы не можем говорить о сформировавшемся в Турции общепринятом подходе к определению данного грамматического явления.

Как видим, аналитические формы глаголов в турецком языке – яркий пример асимметричных языковых единиц. Способность окказионально-вспомогательных глаголов *durmak, kalmak, gelmek* и *gitmek* сочетаться как с деепричастным аффиксом *-Ip*, так и с *-A* показывает, что нельзя говорить об абсолютной спаянности элементов данной конструкции. Формы *-Ip/-A kal-* и *-Ip/-A gel-* являются дублетными (соответствие двух означающих одному означаемому), *-Ip dur-* наряду с акционсартовым, обладает прагматическим значением и, так же, как и *-Ip git-*, иллюстрирует возможность развития вторичного грамматического значения у аналитической формы.

§ 2. «Деепричастие на *-Ip* + глагол» как фразеологизированный глагол

Вопрос статуса составных лексем в языковой системе является одним из спорных, а потому актуальных в тюркологии. Нас интересуют устойчивые сочетания, включающие в себя деепричастие на *-Ip* с последующим глаголом, обладающие значением, возникшим в результате семантического взаимодействия компонентов, и функционирующие в языке как единая лексема, т.е. являющиеся фразеологизмами: 1) *Nihayet hazırlanma vakti gelip çattı*. (EŞ, 255) «Наконец пришло долгожданное время собираться»; 2) *Eskiden gülüp geçtiğim, ilgilenmediğim bütün bu filmleri neden o kadar severek seyrediyorum, diye düşünüyordum*. (OP, 293) «И я думаю, почему же я с таким удовольствием смотрю все эти фильмы, которые раньше считал неинтересными и недостойными моего внимания»; 3) *Beni dinle Farecik, iki tür erkek vardır: kırıp dökenler ve tamir edenler*. (EŞ, 189) «Послушай меня, Мышка! Есть два типа мужчин: одни все ломают, а другие чинят».

Фразеологизмы с данной структурой практически не были объектом специального исследования. В большинстве турецких грамматик любое глагольное сочетание рассматривается в рамках составных глаголов (*birleşik fiil/eylem*), дальнейшая классификация которых основывается на частеречной принадлежности зависимого от глагола слова. Поэтому даже в работах, авторы которых выделили *anlamca kaynaşmış bileşik fiiller* (составные глаголы, характеризуемые семантическим сдвигом компонентов), описываются лишь фраземы, состоящие из глагола и именной части [см., напр., Gencan, с. 328; Ediskun, с. 246; Korkmaz, с. 744–746]. Фразеологизмы же, содержащие деепричастие на *-Ip*, либо рассматриваются как особый подтип *tasvirî fiiler* [см. §1 данной статьи] на основании структурного с ними сходства [Banguoğlu, с. 493–494; Korkmaz, с. 727], либо в разделе, посвященном деепричастиям, упоминается их способность строить устойчивые сочетания с некоторыми глаголами [Gencan, с. 391; Korkmaz, с. 856]. В этой связи внимание привлекает монография, вышедшая в печать в 2008 г., которая содержит наиболее полный список глаголов, способных строить фразеологизмы, с указанием всех возможных конструкций с каждым из них, включая и фраземы, содержащие деепричастие на *-Ip* [Öztürk].

В российской тюркологии традиционно составными глаголами также называют лишь соединения глаголов с именной частью [см., напр., Кононов, с. 263–274; Щека, с. 154–157]. Однако В.Г. Гузев среди способов глагольного лексемообразования упоминает и словосложение, к которому относит сочетания с деепричастием на *-Ip*, отмечая при этом способность данных лексем выражать «дополнительные акционсартовые характеристики действия» [Гусев, с. 127–128].

На первый взгляд структурное сходство не должно помешать отличать данные фразеологизмы от аналитических форм, т.к. последние строятся при помощи ограниченного набора окказионально-вспомогательных глаголов (*durmak, kalmak, gelmek, gitmek*). Однако наличие фразем, включающих в себя вышеперечисленные глаголы, вынуждает исследователя опираться лишь на семантические характеристики (исключая формальные) для их отграничения от акционсартовых форм: 1) *Hey! Yine dalip gitmişsin! Ne düşünüyorsun?* (информант) «Эй! Опять ты словно не здесь! О чем задумался?»; 2) *Abartılı hayranlık ile abartılı hor görme arasında gidip geliyordu*. (EŞ, 153) «Она металась между двумя крайностями: от высшей степени преклонения к высшему презрению».

§ 3. «Деепричастие на *-Ip* + глагол» как свободное словосочетание

Рассматриваемые нами конструкции в турецком языке могут представлять свободные сочетания в случаях, когда деепричастие на *-Ip* непосредственно выполняет присущие ему функции: 1) характеризует главное действие с точки зрения образа действия, времени, причины и т.д.; 2) обозначает действие, предшествующее или параллельное действию, выраженному последующим глаголом.

3.1. В первом случае деепричастие обозначает действие, предшествующее главному, и является обстоятельством образа действия, состояния, причины, а следующий за ним глагол в личной форме – другим членом предложения, чаще всего сказуемым: 1) *Kazandığını zannedip sevindi.* (информант) «Он обрадовался, посчитав, что выиграл»; 2) *Trene binip gitti.* (информант) «Он уехал, сев в поезд»; 3) *Yemeyimizi yiyip mayıstık.* (информант) «После еды нас разморило».

Следует отметить, что во всех приведенных нами примерах глаголы могут разделяться словом и даже словосочетанием без ущерба для значения и целостности предложения: 1) *Kazandığını zannedip çok sevindi.* «Он **очень** обрадовался, посчитав, что выиграл»; 2) *Trene binip eve gitti.* «Он уехал **домой**, сев в поезд»; 3) *Yemeyimizi yiyip güneşin altında kediler gibi mayıstık.* «После еды нас разморило, **словно кошек под лучами солнца**». Как видим, целостность предложения не нарушается, а деепричастие и глагол являются свободным словосочетанием и, так же, как и в предыдущих предложениях, остаются самостоятельными членами предложения.

3.2. Во втором случае деепричастие выражает предшествующее или параллельное главному действие и заменяет последующую глагольную форму, что позволяет избежать повторения одинаковых аффиксов в однородных сказуемых: 1) *Arkadaşım yanıma gelip oturdu.* (информант) «Мой друг подошел ко мне и сел»; 2) *Biz konuşup gülüştüyorduk.* (информант) «Мы разговаривали и пересмеивались»; 3) *Denizden geçip çayda boğulmak* (поговорка) «Переплыть море и утонуть в речке». В данных примерах деепричастие и глагол обладают своим автономным лексическим значением; отсутствует идиоматизация, характерная для фразеологизмов, и существует потенциальная возможность разделить их третьим словом без потери общего смысла предложения в целом.

§ 4. Способы различения возможных вариантов интерпретации сочетания деепричастия на *-Ip* с последующим глаголом

Отличительной особенностью аналитических форм является ограниченное число глаголов, выступающих в качестве второго элемента конструкции (*durmak, kalmak, gelmek* и *gitmek*). Не менее важен семантический критерий: переосмысление первичного значения аффикса *-Ip* и модифицирующего глагола, и формирование нового грамматического значения, присущего всей конструкции в целом. Применение семантического критерия осложняется тем, что акционсартовые значения окказионально-вспомогательных глаголов, хоть и в скрытом виде, но сохраняют свою внутреннюю связь с их лексическим значением; эту особенность отмечали исследователи не только турецкого, но и других тюркских языков [Харитонов, с. 48; Щербак, с. 136; Юлдашев, с. 21–22].

Наличие двух вариантов (не всегда дублетных) является проблемой дифференциации внутри самой формы, но не мешает нам отграничивать аналитические формы от свободных словосочетаний, учитывая кроме указанных формального и семантического критерия, еще и синтаксический [см. Севортян; Харитонов, с. 47–48; Ганиев, с. 476–476, а также § 3 данной статьи]. Он становится ведущим, если в свободном сочетании присутствует один из глаголов *durmak*, *kalmak*, *gelmek* или *gitmek*, например: 1) *İşim dolayısıyla İstanbul'a gidip geliyorum* (информант) «Я постоянно летаю в Стамбул по работе»; 2) *Markete gidip geleceğim* (информант) «Я схожу в магазин и вернусь». Как видим, в обоих случаях мы имеем дело с конструкцией *gidip gelmek*, однако в первом предложении она является аналитической формой, а во втором – свободным сочетанием.

Отличительной особенностью глагольных фразем является идиоматичность, поэтому семантический критерий будет ведущим при дифференциации фразеологизированных глаголов и аналитических форм. В первом случае семантическим изменениям подвергаются оба компонента, и вся конструкция получает новое лексическое значение; во втором – лишь второй член конструкции теряет лексическое значение, выступая в роли грамматического форманта.

Таким образом, дееспричастие на *-Ip*, предшествующее глаголу, в турецком языке может рассматриваться как показатель того, что перед нами либо аналитическая форма глагола, либо фразеологизированный глагол, либо свободное словосочетание. Несмотря на формальное сходство, мы имеем дело с языковыми явлениями, принадлежащими разным уровням исследования языка, дифференцировать которые помогают формальный, семантический и синтаксический критерии.

Литература

1. Апресян Ю.Д. О регулярной многозначности // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XXX. Вып. 6. М., 1971. С. 509–523.
2. Ганиев Ф.А. Татарская грамматика: в 3-х т. Казань: Наука. 1993, Т. 1.
3. Гатауллин Г.Г. Аналитический обзор методов разрешения морфологической многозначности // Электронные библиотеки. 2016. Т.19. № 2. С. 98–113.
4. Гладкий А.В. Синтаксические структуры естественного языка в автоматизированных системах общения. М.: Наука, 1985. 144 с.
5. Головня А.И. Омонимия как системная категория языка: монография. Мн.: БГУ, 2007. 132 с.
6. Голубева Е.В. Классификация омонимов в калмыцком языке // Научный альманах, 2017, № 12-3 (38). С. 139–142.
7. Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. СПб: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2015. 320 с.
8. Гузеланы Ж.М. Къарачай-малкъар тилини омонимлерини сёзлюгю. М.: Эльбрусид, 2013. 496 с.
9. Ермаков А.Е. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии // Труды Междунар. сем. Диалог 2002: в 2 т. М.: Наука, 2002. Т. 2. С. 23–35.
10. Зализняк А.А. Феномен многозначности и способы его описания // Вопросы языкознания. М., 2004. № 2. С. 20–45.
11. Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого языка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 569 с.
12. Крайнюченко Е.В. Составные глагольные конструкции в турецкой грамматической традиции // *Philology*. Волгоград, 2018/ № 4 (16). С. 27–31.
13. Кузнецов П.И. Учебник турецкого языка. В 2 ч. Ч. 2. Завершающий курс. 6-е изд. испр. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 510 с.
14. Маслов Ю.С. Омонимы в словарях и омонимия в языке (к постановке вопроса) // Вопросы теории и истории языка: Сб. в честь профессора Б.А. Ларина. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1963. С. 128–202.
15. Муравенко Е.В. Что такое синтаксическая омонимия // Лингвистика для всех. Летние лингв. школы 2005 и 2006. М.: МЦНМО, 2010. С. 154–159.

16. *Мушаев В.Н., Абдуллаев С.Н.* Об изучении синтаксических омонимов (на материале монгольских и тюркских языков) // Вестник калмыцкого университета. 2016. № 4 (32). С. 109–114.
17. *Ножов И.М.* Морфологическая и синтаксическая обработка текста (модели программы). М.: Наука, 2003. 140 с.
18. *Саттарова З.М.* Возникновение омонимов в результате семантического развития слова (на материале крымскотатарского языка) // Культура народов Причерноморья, 2006. № 92. С. 57–60.
19. *Севортян Э.В.* Грамматические и семантические признаки аналитических конструкций в отличие от свободных словосочетаний в тюркских языках // Аналитические конструкции в языках различных типов (Сборник статей). Москва; Ленинград: Наука, 1965. С. 233–239.
20. *Семенова Е.В.* Омонимы в современном якутском языке // Автореф. ... канд. фил. наук. – Инст. гум. иссл. и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН, 2013. 20 с.
21. *Тузжу К.* Природа возникновения омонимов в кыргызском и турецком языках // Символ науки, 2016. № 1. С. 102–105.
22. *Харитонов Л.Н.* Формы глагольного вида в якутском языке. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 179 с.
23. *Шалыпина З.М.* Трехмерная стратификационная модель языка и его функционирования: к общей теории лингвистических моделей. М.: Вост. лит., 2007. 480 с.
24. *Шкурко Е.В.* О принципах классификации синтаксических омонимов // Вісник Дніпропетровського університету, 2013. С. 310–315.
25. *Щека Ю.В.* Практическая грамматика турецкого языка. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 666 с.
26. *Щербак А.М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Глагол. Л.: Наука, 1981. 183 с.
27. *Юлдашев А.А.* Аналитические формы глагола в тюркских языках. М.: Наука, 1965. 275 с.
28. *Aslan Demir S.* Türkmencede Kılınış İşlemcisi Olarak Art-Fiiller. Türkbilgi, 2013/26. P. 67–90.
29. *Vacanlı E.* Güney Sibiry Türk Dillerinde Birleşik Fiillerle ilgili Teorik Sorunlar.// Uluslararası Sosyal Aratırmalar Dergisi, 2013. С. 6, № 24. P. 27–33.
30. *Vacanlı E.* Kılınış Kategorisi ve Kılınışsal Belirleyici Olarak Yardımcı Fiiller.– Ankara: ASAL Yayın ve Bilişim, 2009. 297 p.
31. *Banguoğlu T.* Türkçenin Grameri. – Ankara: TDK, 2007. 628 p.
32. *Bilgegil M.K.* Türkçe Dilbilgisi. – İstanbul: Dergah Yayınları, 1992. 295 p.
33. *Ediskun H.* Türk Dil Bilgisi. – İstanbul: Remzi Kitabevi, 2004. 408 p.
34. *Ergin M.* Türk Dil Bilgisi. – İstanbul: Bayrak Basım Yayım, 2013. 407 p.
35. *Gencan T.N.* Dilbilgisi. – Ankara: TDK, 1979. XV, 602 p.
36. http://www.tdk.gov.tr/index.php?option=com_bilimsanat&arama=kelime&guid=TDK.GTS.5be3f6614ad2b1.41227324 (дата обращения 08.11.2018).
37. <https://www.youtube.com/watch?v=c7NRvKmk5Cg&t=132s> (дата обращения 08.11.2018).
38. *İmer K., Kocaman A., Özsoy A.S.* Dilbilim Sözlüğü. Boğaziçi Üniversitesi Yayınevi, 2011. 351 p.
39. *Karaağaç G.* Dil Bilimi Terimleri Sözlüğü. Ankara: TDK, 2013. 936 p.
40. *Karadoğan A.* Türkiye Türkçesinde Kılınış. Ankara: Divan Kitap, 2009. 168 p.
41. *Karahan L.* Türkçede Söz Dizimi. Ankara: Akçağ Yayınevi, 2018. 192 p.
42. *Korkmaz Z.* Dil Bilgisi Terimleri Sözlüğü. Ankara: TDK, 2017. 260 p.
43. *Korkmaz Z.* Türkiye Türkçesi Grameri. Şekil Bilgisi. Ankara: TDK, 2017. 1027 p.
44. *Musayev M.M.* Türk ədəbi dillərində mürəkkəb cümlə sintaksisi. Bakı: Kitap ələmi, 2010. 404 p.
45. *Öztürk D.* Türkiye Türkçesinde Anlamca Kaynaşmış-Deyimleşmiş Birleşik Fiiller. Ankara: TDK, 2008. 1094 p.
46. *Vardar B.* Açıklamalı Dilbilim Terimleri Sözlüğü. –İstanbul: Multilingual, 2007. 300 p.
47. *Yeni Hitit 3.* Yabancılar için Türkçe Ders Kitabı. Ankara: TÖMER, 2009. 197 p.

Сокращения названий литературных источников

- YK:* Y. Kemal ‘Ağrı Dağı Efsanesi’ – İstanbul, Cem Yayınevi, 1972. 143 p.
- AHT:* A.H. Tanpınar ‘Sahnenin Dışındakiler’ – İstanbul: Dergah, 2014. 373 p.
- OP:* O.Pamuk ‘Masumiyet Müzesi’ – İstanbul: İletişim Yayınevi, 2008. 600 p.
- RNG ‘YG’:* R.N. Güntekin ‘Yeşil Gece’ – Ankara: İnkılap Kitapevi: 2015. 222 p.
- RNG ‘AG’:* R.N.Güntekin ‘Ateş Gecesi’ – Ankara: İnkılap Kitapevi: 2015. 326 p.
- EŞ:* E. Şafak (Çeviren Omca A. Korugan) ‘Havva’nın Üç Kızı’ – İstanbul: Doğan Egmont, 2016. 424 p.
- SA:* S. Ali ‘İki Gözüm Ayşe’ – İstanbul: Bilgi Yayınevi, 1997. 319 p.

References

1. Apresyan Yu.D. *O regulyarnoy mnogoznachnosti* // Izvestiya AN SSSR. Otdeleniye literatury i yazyka. T. XXX. Vyp. 6. M. 1971. P. 509–523. (in Russian).
2. Aslan Demir S. *Türkmencede Kılınış İşlemcisi Olarak Art-Fiiller*. Türkbilgi, 2013/26. P. 67–90. (In Turkish).

3. Bacanlı E. *Güney Sibiryа Türk Dillerinde Birleşik Fiillerle ilgili Teorik Sorunlar // Uluslararası Sosyal Aratırmalar Dergisi*, 2013. C.6, № 24. P. 27-33. (in Turkish).
4. Bacanlı E. *Kılınış Kategorisi ve Kılınışsal Belirleyici Olarak Yardımcı Fiiller*. Ankara: ASAL Yayın ve Bilişim, 2009. 297 p. (in Turkish).
5. Banguoğlu T. *Türkçenin Grameri*. Ankara: TDK, 2007. 628 p. (in Turkish).
6. Bilgegil M.K. *Türkçe Dilbilgisi. İstanbul: Dergah Yayınları*, 1992. 295 p. (In Turkish).
7. Ediskun H. *Türk Dil Bilgisi. İstanbul: Remzi Kitabevi*, 2004. 408 p. (In Turkish).
8. Ergin M. *Türk Dil Bilgisi. İstanbul: Bayrak Basım Yayım*, 2013. 407 p. (In Turkish).
9. Ermakov A.E. *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnyye tekhnologii // Trudy Mezhdunar. sem. Dialog 2002: v 2 t. M.: Nauka. 2002. T. 2. P. 23–35.* (in Russian).
10. Ganiyev F.A. *Tatarskaya grammatika: in 3 v. Kazan: Nauka. 1993. T. 1.* (in Russian)
11. Gataullin G.G. *Analiticheskiy obzor metodov razresheniya morfologicheskoy mnogoznachnosti // Elektronnyye biblioteki*. 2016. T.19. № 2. P. 98–113. (in Russian).
12. Gencan T.N. *Dilbilgisi*. Ankara: TDK, 1979. XV, 602 p. (in Turkish).
13. Gladkiy A.V. *Sintaksicheskoye struktury estestvennogo yazyka v avtomatizirovannykh sistemakh obshcheniya*. M.: Nauka. 1985. 144 p. (in Russian).
14. Golovnya A.I. *Omonimiya kak sistemnaya kategoriya yazyka: monografiya*. Mn.: BGU. 2007. 132 p. (in Russian)
15. Golubeva E.V. *Klassifikatsiya omonimov v kalmytskom yazyke // Nauchnyy almanakh. 2017. № 12–3 (38). P. 139–142.* (in Russian).
16. Guzelany Zh.M. *Karachay-malkar tilni omonimlerini sezlyugyu*. M.: Elbrusoid. 2013. 496 p.
17. Guzev V.G. *Teoreticheskaya grammatika turetskogo yazyka*. SPb: Izd-vo St. Peterb. gos. un-ta. 2015. 320 p. (in Russian).
18. http://www.tdk.gov.tr/index.php?option=com_bilimsanat&arama=kelime&guid=TDK.GTS.5be3ff6614ad2b1.41227324 (дата обращения 08.11.2018) (in Turkish).
19. <https://www.youtube.com/watch?v=c7NRvKmk5Cg&t=132s> (дата обращения 08.11.2018) (in Turkish).
20. İmer K., Kocaman A., Özsoy A.S. *Dilbilim Sözlüğü. Boğaziçi Üniversitesi Yayınevi*, 2011. 351 p. (in Turkish).
21. Karaağaç G. *Dil Bilimi Terimleri Sözlüğü*. Ankara: TDK, 2013. 936 p. (in Turkish).
22. Karadoğan A. *Türkiye Türkçesinde Kılınış*. Ankara: Divan Kitap, 2009. 168 p. (in Turkish).
23. Karahan L. *Türkçede Söz Dizimi*. Ankara: Akçağ Yayınevi, 2018. 192 p. (in Turkish).
24. Kharitonov L.N. *Formy glagolnogo vida v yakutskom yazyke*. M.-L.: Izd-vo AN SSSR. 1960. 179 p. (in Russian).
25. Kononov A.N. *Grammatika sovremennogo turetskogo yazyka*. M.-L.: Izd-vo AN SSSR. 1956. 569 p. (in Russian).
26. Korkmaz Z. *Dil Bilgisi Terimleri Sözlüğü*. Ankara: TDK, 2017. 260 p. (In Turkish).
27. Korkmaz Z. *Türkiye Türkçesi Grameri. Şekil Bilgisi*. Ankara: TDK, 2017. 1027 p. (in Turkish).
28. Kraynyuchenko E.V. *Sostavnyye glagolnyye konstruksii v turetskoy grammaticheskoy traditsii // Philology. Volgograd. 2018. № 4 (16). P. 27–31.* (in Russian).
29. Kuznetsov P.I. *Uchebnik turetskogo yazyka*. In 2 v. Ch. 2. Zavershayushchiy kurs. – 6-e izd. ispr. M.: AST: Vostok-Zapad. 2007. 510 p. (in Russian).
30. Maslov Yu.S. *Omonimy v slovaryakh i omonimiya v yazyke (k postanovke voprosa) // Voprosy teorii i istorii yazyka: Sb. v chest professora B.A. Larina. L.: Izd-vo Leningradskogo un-ta. 1963. P. 128–202.* (in Russian).
31. Muravenko E.V. *Chto takoye sintaksicheskaya omonimiya // Lingvistika dlya vsekh. Letniye lingv. shkoly 2005 i 2006. M.: MTsNMO. 2010. P. 154–159.* (in Russian).
32. Musayev M.M. *Türk adabi dillerinde mürakkab cümlə sintaksisi*. Bakı: Kitap ələmi, 2010. 404 p. (in Turkish).
33. Mushayev V.N. Abdullayev S.N. *Ob izuchenii sintaksicheskikh omonimov (na materiale mongolskikh i tyurkskikh yazikov) // Vestnik kalmytskogo universiteta. 2016. № 4 (32). P. 109–114.* (in Russian).
34. Nozhov I.M. *Morfologicheskaya i sintaksicheskaya obrabotka teksta (modeli programmy)*. M.: Nauka. 2003. 140 p. (in Russian).
35. Öztürk D. *Türkiye Türkçesinde Anlamca Kaynaşmış-Deyimleşmiş Birleşik Fiiller*. Ankara: TDK, 2008. 1094 p. (In Turkish).
36. Sattarova Z.M. *Vozniknoveniye omonimov v rezultate semanticheskogo razvitiya slova (na materiale krymskotatarskogo yazyka) // Kultura narodov Prichernomoria. 2006. № 92. P. 57–60.* (in Russian).
37. Semenova E.V. *Omonimy v sovremennom yakutskom yazyke // Avtoref. ... kand. fil. nauk. – Inst. gum. issl. i problem malochislennykh narodov Severa Sibirskogo otdeleniya RAN. 2013. 20 p.*
38. Sevortyan E.V. *Grammaticheskoye i semanticheskoye priznaki analiticheskikh konstruksiy v otlicheye ot svobodnykh slovosochetaniy v tyurkskikh yazykakh // Analiticheskiye konstruksii v yazykakh razlichnykh tipov (Sbornik statey)*. Moskva; Leningrad: Nauka. 1965. P. 233–239. (in Russian).
39. Shalyapina Z.M. *Trekhmernaya stratifikatsionnaya model yazyka i ego funktsionirovaniya: k obshchey teorii lingvisticheskikh modeley*. M.: Vost. lit., 2007. 480 p. (in Russian).
40. Shcheka Yu.V. *Prakticheskaya grammatika turetskogo yazyka*. M.: AST: Vostok-Zapad. 2007. 666 p. (in Russian).
41. Shcherbak A.M. *Ocherki po sravnitelnoy morfologii tyurkskikh yazikov. Glagol*. L.: Nauka. 1981. 183 p. (in Russian).
42. Shkurko E.V. *O printsipakh klassifikatsii sintaksicheskikh omonimov // Visnik Dnipropetrovskogo universitetu. 2013. P. 310–315.* (in Russian).

43. Tuzhhu K. *Priroda vozniknoveniya omonimov v kyrgyzskom i turetskom yazykakh* // Simvol nauki. 2016. №1. P. 102–105.
 44. Vardar B. *Açıklamalı Dilbilim Terimleri Sözlüğü. İstanbul: Multilingual, 2007. 300 p. (in Turkish).*
 45. Yeni Hitit 3. *Yabancılar için Türkçe Ders Kitabı.* Ankara: TÖMER, 2009. 197 p. (In Turkish).
 46. Yuldashev A.A. *Analiticheskiye formy glagola v tyurkskikh yazykakh.* M.: Nauka. 1965. 275 p. (in Russian).
 47. Zaliznyak A.A. *Fenomen mnogoznachnosti i sposoby ego opisaniya* // Voprosy yazykoznaniya. M. 2004. № 2. P. 20–45. (in Russian).

Sources

- YK: Y. Kemal ‘Ağrı Dağı Efsanesi’ – İstanbul, Cem Yayınevi, 1972. 143 p.
 AHT: A.H. Tanpınar ‘Sahnenin Dışındakiler’ – İstanbul: Dergah, 2014. 373 p.
 OP: O.Pamuk ‘Masumiyet Müzesi’ – İstanbul: İletişim Yayınevi, 2008. 600 p.
 RNG ‘YG’: R.N. Güntekin ‘Yeşil Gece’ – Ankara: İnkılap Kitapevi: 2015. 222 p.
 RNG ‘AG’: R.N. Güntekin ‘Ateş Gecesi’ – Ankara: İnkılap Kitapevi: 2015. 326 p.
 EŞ: E. Şafak (Çeviren Omca A. Korugan) ‘Havva’nın Üç Kızı’/ İstanbul: Doğan Egmont, 2016. 424 p.
 SA: S. Ali ‘İki Gözüm Ayşe’ – İstanbul: Bilgi Yayınevi, 1997. 319 h.

Автор публикации

Крайнюченко Елена Владимировна – кандидат филологических наук, кафедра восточных языков и культур, Пятигорский государственный университет, г.Пятигорск, Россия.

E-mail: alyona-kray@yandex.ru

Author of the publication

Elena V. Krainiuchenko – Candidate of science, Department of oriental languages, Piatigorsk State University. Piatigorsk, Russia.

E-mail: alyona-kray@yandex.ru

Поступила в редакцию: 1.11.2018.

Принята к публикации 12.11.2018.

МЕДИЦИНСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ КАК СПОСОБ МЕТАФОРИЗАЦИИ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

А.Д. Фоминых

madfox11@yandex.ru

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются особенности функционирования медицинской терминологии в общественно-политическом дискурсе, анализируются механизмы создания образности и метафоричности путем переноса прямого значения медицинского термина на понятия, присущие совершенно, на первый взгляд, не смежной области функционирования языка, такой как общественно-политический дискурс. Также в статье проведен анализ и классификация типов метафорических моделей в процессе речевой деятельности человека, выявлены характерные особенности употребления медицинской терминологии, проанализирована актуальность данной терминологии и целесообразность ее использования. В публицистике и разговорной речи метафора с использованием медицинского терминологического компонента создает ценность сообщения благодаря возникающим ассоциациям, вызываемым переносным употреблением слова, что обеспечивает важнейшую функцию как публицистики, так и разговорной речи, – убеждения и эмоционального воздействия. Метафора дополняет содержание текста и речи и вносит оценочный компонент, при этом, медицинская терминология представляет собой пласт лексики, хорошо приспособленный к метафоризации. Она составляет достаточно объемный пласт общепотребительной лексики вне зависимости от медицинских знаний и тем самым способствует созданию образности и метафоричности высказывания с учетом выраженной прагматики.

Ключевые слова: общественно-политический дискурс, медицинская терминология, метафора, оценочный компонент, прагматическое воздействие

Для цитирования: Фоминых А.Д. Медицинская терминология как способ метафоризации в общественно-политическом дискурсе // Казанский лингвистический журнал. 2018. Том 1, № 3 (3). С. 16–22.

MEDICAL TERMINOLOGY AS A WAY OF METAPHORIZATION IN SOCIAL AND POLITICAL DISCOURSE

A.D. Fominykh

madfox11@yandex.ru

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract. The article discusses the features of the medical terminology functioning in the socio-political discourse. It analyzes the mechanisms for creating figurativeness and metaphoricity by transferring the direct meaning of the medical term to concepts that are completely inherent, at first glance, not related areas of language functioning, such as socio-political discourse. The article also studies and classifies the types of metaphorical models in the process of human speech activity, reveals the characteristic features of the medical terminology use, analyzes the relevance of this terminology and the expediency of its use. In journalism and colloquial speech, the metaphor with the medical terminological component creates the value of a message due to the emerging associations caused by the figurative use of the word, which provides the most important function of both journalism and colloquial speech, persuasion and emotional impact. The metaphor complements the content of text and speech and introduces an evaluative component, while the medical terminology is a vocabulary layer well adapted to metaphORIZATION. It makes up quite an extensive layer of commonly used vocabulary, regardless of medical knowledge, and thus contributes to the creation of figurativeness and metaphorical expressions with regard to pronounced pragmatics.

Keywords: socio-political discourse, medical terminology, metaphor, evaluative component, pragmatic impact.

For citation: Fominykh A.D. Medical Terminology as a Way of Metaphorization in Social and Political Discourse // Kazan linguistic journal. 2018. Vol. 1, No. 3 (3). Pp. 18–22.

Актуальность темы заключается в непрестанном интересе к понятию дискурса в лингвистической науке, выявлению характерных особенностей его содержания, которые обозначаются довольно четко в общественно-политическом дискурсе. Одной из таких особенностей является использование медицинской терминологии, которая выполняет свои функции не только в медицинской отрасли, но и в других сферах деятельности человека. Так как общественно-политический дискурс и медицина актуальны в связи с остротой проблем данных сфер, медицинская терминология актуализируется в текстах общественно-политической тематики. Вместе с тем, медицинская терминология служит источником обогащения языка в области общественно-политического дискурса, поскольку служит созданию образности высказывания.

Цель исследования заключается в изучении роли медицинской терминологии в общественно-политических текстах, выявлении определенных особенностей и закономерностей ее функционирования, в анализе значений, которые принимают медицинские термины в различных источниках немедицинской направленности, а также в анализе процесса метафоризации медицинской лексики.

Исходя из поставленной цели, необходимо выполнить следующие задачи:

1. Проанализировать фигуральные значения медицинской терминологии в общественно-политических текстах, основные функции и закономерности ее использования, а также степень освоенности определенных медицинских терминов в немедицинских текстах.

2. Систематизировать примеры функционирования медицинской лексики в общественно-политическом дискурсе по степени прагматики.

3. Сформулировать определенные характеристики функционирования медицинской лексики по коннотации.

В современной лингвистике *дискурс* рассматривается как ситуативно обусловленная речевая деятельность человека (Н.Д. Арутюнова, Т.А. Ван Дейк, В.В. Красных, А.С. Кубрякова, М.Л. Макаров, Ю.Д. Степанов, Д. Шифрин и др.), а *концепт* как ментальная структура, обеспечивающая эту деятельность (В.И. Карасик, М.В. Никитин, Н.Н. Полюжин, А.М. Приходько, И.А. Стернин и др.).

К методам исследования относятся метод сравнительного и сопоставительного анализа, метод сплошной выборки, а также метод классификации.

Осмысление общественно-политического дискурса в его взаимосвязи с проблемами современной терминологии происходит в современной лингвистической науке на фоне неубывающего интереса к проблематике различных видов и аспектов дискурса, поскольку понятие дискурса довольно сложное, трудно поддающееся определению. Оно часто встречается в современной лингвистике, философии, семиотике, социологии, психологии и других науках. Данный термин был введен американским лингвистом Зеликом Харрисом в 1952 году в рамках

названия его научной работы. Под дискурсом он понимал фрагменты речи, в которых встречаются морфемы [Harris, 1952, P. 1–30].

В разных источниках встречаются различные толкования данного термина. Так, Н.Д. Арутюнова рассматривает *дискурс* как последовательный текст в совокупности с такими факторами, как экстралингвистические социокультурные, прагматические, психологические и другие; текст, взятый в понятийном аспекте; речь, которая будет рассматриваться как целенаправленное социальное действие, как компонент, который принимает важное участие во взаимодействии людей и механизмах их сознания (иначе говоря, когнитивных процессах). Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь» [Арутюнова, 1990, с. 136–137]. Из данного определения можно сделать вывод, что дискурс не может существовать вне общества, вне языка, вне речи, поскольку, как известно, язык проявляет все свои функции и свойства непосредственно в общении, во взаимодействии людей друг с другом. Так и дискурс существует только ситуативно, служит взаимодействию людей между собой, а также осуществлению когнитивных процессов. Поэтому можно говорить о том, что понятия «общество», «язык», «речь» и «дискурс» неразрывно связаны между собой. Известный русский социолингвист и лингвокультуролог В.И. Карасик выделяет институциональный и персональный дискурс [Карасик, 2000, с. 5–20]. Иначе говоря, это статусно-ориентированный и личностно ориентированный виды дискурсов. Согласно определению Ван Дейка, институциональный дискурс – это общение в рамках сложившихся в обществе институтов как взаимодействие, порожаемое самой деятельностью того или иного социального института. Персональный дискурс подразумевает общение знающих друг друга людей [Ван Дейк, режим доступа: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>].

В.В. Красных внесла свой вклад в типологию дискурса, предложив довольно инновационную мысль. Она предлагала рассматривать типологию дискурса исходя из национальной принадлежности. Так, следует выделять русский, немецкий, французский, итальянский и другие виды дискурса. В свою очередь в разных странах эти виды дискурса имеют определенную «модификацию». То есть, в каждой стране есть поэтический, политический, медицинский и другие «модификации» дискурса. Поскольку В.В. Красных изучала русскую филологию, в своей научной деятельности она опиралась непосредственно на русский язык. По ее мнению, русский дискурс представляет собой вербализованную совокупность речевой и мыслительной деятельности, которую следует понимать как одно целое процесса и результата, которая обладает как лингвистическим, так и экстралингвистическими планом и осуществляется на русском языке представителями русского национально-лингвокультурного сообщества [Красных, 2003].

Стоит отметить, что для политического дискурса характерна высокая степень манипулятивности, при которой выбору слов уделяется особое внимание с целью максимального воздействия на слушающего. В.А. Маслова подчеркивает тот факт, что политики используют язык в целях манипуляции таким образом, чтобы это было незаметно для представителей народа. Иногда роль языка как манипулятивного инструмента открыто нивелируется самими политиками, хотя

остается очевидным, что власть на самом деле активно использует данный инструмент для своего утверждения [Маслова, 2008, с. 43–48]. В.А. Маслова также предлагает такой вид манипуляции, как языковая игра. Она поясняет, что игра в данном случае – это генератор смысла. Й. Хейзинга видел в языковой игре источник культуры [Хейзинга, 2001].

В политическом дискурсе посредством языка достигается прагматический эффект путем использования различных языковых приемов и инструментов для убеждения, раскрытия своей позиции. Так, определенный эффект достигается непосредственно при помощи лексических средств, содержащих оценочный компонент, лексических приемов, передающих образность высказывания, а также специальных терминов, не присущих политической тематике, к которым и относятся медицинские термины. Так, по мнению Е.В. Пикаловой это связано с тем, что в медицинской терминологии заложены большие оценочные возможности. Медицинская лексика, употребленная в метафорическом значении, не теряя связи с конкретной семантикой, представляет собой реальности, близкие любому человеку. В ней заложены большие оценочные возможности [Пикалова]. Любому человеку, даже далекому от политики или экономических и социальных проблем общества, понятны такие определения как транспортный коллапс или артерии города в отношении дорожной ситуации. Часто проблемы ассоциируются с тем или иным заболеванием, и описываются как зубная или головная боль, а надоевший человек «сидит в печенках». Поскольку медицинская терминология чаще всего обращается к описанию проблем со здоровьем, в переносном значении медицинские термины также приобретают отрицательную окраску. Общество то захватывают вирусы, то его лихорадит. Мир сходит с ума, а от нерешенных проблем «кипят мозги». При этом, сами проблемы «торчат как бельмо на глазу». Посредством медицинской лексики можно доступно выразить свое отношение к происходящим событиям, к политике государства и отдельным представителям власти, называя принятые законодательные акты «беззубыми», описывая развитие экономики как находящееся в «зачаточном состоянии», а форму развития государства – латентной. Зачастую экономика нуждается в реанимации или идет на поправку. Также отрицательную коннотацию в отношении политических и экономических изменений в обществе выражают и сами названия болезней. Например, мигрень – болезнь всей страны – «Мигрень» нечистых рук. Президент рассказал, как бороться «с головной болью государственного масштаба». Слово сочетание «мигрень» нечистых рук вмещает две метафоры: первая – уже названа – переносное значение слова мигрень, то есть «проблема» (значение обнаружено посредством уже известного выражения головная боль – «проблема»); вторая – нечистые руки (это выражение, можем предположить, тоже заимствовано из медицинской сферы, так как представляет отрасль гигиены) в политическом дискурсе употребляют со значением «взятка» [Российская газета].

В политический дискурс современной прессы также внедряют терминологические единицы медицинской сферы, которые представляют отрасль онкологии: опухоль, метастаз, наверное, чтобы подчеркнуть остроту вопроса и его нерешенность, ведь политические реалии принимают признаки сложной болезни, с появлением метастаз – неизлечимой, например:

Онкология метастаз власти; А под всем этим «пахнут» плохо скрытые деньги, полученные от заказчиков очередной партийной опухоли на теле больного общества. [Али, с. 107–118]

Язык прессы, радио и телевидения отражает общественно-политическую жизнь в государстве. Постоянно меняющаяся политическая ситуация вызывает интерес исследователей в этом направлении и порождает все более яркие сравнения процессов, происходящих в обществе с жизнедеятельностью организма, т.е. представителей данного общества. Функциональный аспект исследования лексического состава общественно-политического дискурса крайне важен, поскольку «использование терминов в переносном смысле служит одним из главных и постоянных источников обогащения лексического состава языка. Также переосмысленные значения передают и вскрывают социальные проблемы, передавая моральное состояние общества или социума через описание физиологических отклонений, нравственное здоровье – через описание физического здоровья, отрицательные признаки – через симптомы болезней, психологическое состояние – через нейрофизиологическое, описывающее либо норму, либо отклонение от нее. Исходя из прагматики высказываний с использованием медицинской терминологии, данные высказывания можно отнести скорее к отрицательно окрашенным, поскольку они выражают негативную оценку, такую как осуждение, иронию, гиперболизацию проблемы, упрек, побуждение к радикальным действиям, неодобрение, порицание и многое другое. Особенность медицинских терминов, используемых с переносным значением, заключается в актуализированной сочетаемости, отображающей новые ситуации и повседневные явления, происходящие в обществе. Таким образом, медицинская терминология используется с целью создания образности высказывания и способствует развитию прагматических смыслов.

Литература

1. Али А.Х. Функционирование медицинской и бытовой лексики в политическом дискурсе печатных и электронных СМИ XXI века // Научный форум: Филология, искусствоведение и культурология: сб. ст. по материалам III междунар. науч.-практ. конф. № 1(3). М., Изд. «МЦНО», 2017. С. 107–118.
2. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.
3. Ван Дейк Т.А. К определению дискурса URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm> (дата обращения: 04.11.18)
4. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.
5. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М: ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.
6. Маслова А.В. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? // Политическая лингвистика. 2008. № 1. С. 43–48.
7. Пикалова Е.В. Медицинская лексика в метафорическом использовании: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Воронеж, 2013. 37 с. URL: <http://www.disscat.com> (дата обращения: 04.11.18)
8. Российская газета – издание Правительства Российской Федерации URL:<https://rg.ru> (дата обращения: 04.11.18)
9. Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий; пер. с нидерл. В.В. Ошиса. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 352 с.
10. Harris Z., Discourse analysis // Language, 1952. V. 28 № 1. P. 1–30.

1. Ali A.Kh. *Funktsionirovaniye meditsinskoy i bytovoy leksiki v politicheskoy diskurse pchatnykh i elektronnykh SMI XXI veka* // Nauchnyy forum: Filologiya, iskusstvovedeniye i kulturologiya: sb. st. po materialam III mezhdunar. nauch.-prakt. konf. №(3). M.: Izd. «MTsNO». 2017. P. 107–118. (in Russian).
2. Arutyunova N.D. *Diskurs* // Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar. M.: Sovetskaya entsiklopediya. 1990. P. 136–137. (in Russian)
3. Harris Z. *Discourse analysis* // Language, 1952. V.28 № 1. P. 1–30. (in English).
4. Karasik V.I. *O tipakh diskursa* // Yazykovaya lichnost: institutsionalnyy i personalnyy diskurs. Volgograd: Peremena. 2000. P. 5–20. (in Russian).
5. Kheyzinga Y. *Homo ludens. Chelovek igrayushchiy*; per.s niderl. V.V. Oshisa. M.: EKSMO-Press. 2001. 352 P. (in Russian).
6. Krasnykh V.V. “Svoy” sredi “chuzhikh”: mif ili realnost? M: ITDGK “Gnozis”. 2003. 375 P. (in Russian).
7. Maslova A.V. *Politicheskoye diskurs: yazykovyye igry ili igry v slova?* // Politicheskaya lingvistika. 2008. № 1. P. 43–48. (in Russian).
8. Pikalova. E.V. *Meditsinskaya leksika v metaforicheskom ispolzovanii*: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: Voronezh. 2013. 37 p. URL: <http://www.disserscat.com> (data obrashcheniya: 04.11.18) (in Russian).
9. *Rossiyskaya gazeta – izdaniye Pravitelstva Rossiyskoy Federatsii* URL:<https://rg.ru> (data obrashcheniya: 04.11.18) (in Russian).
10. Van Deyk T.A. *K opredeleniyu diskursa* URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm> (data obrashcheniya: 04.11.2018) (in Russian).

Автор публикации

Author of the publication

Фоминых Анна Дмитриевна – старший преподаватель кафедры теории и практики перевода, Казанский федеральный университет, ул. Кремлевская, 18, 420008, г. Казань, Россия.

Fominykh Anna Dmitrievna – senior lecturer, the Department of Translation Theory and Practice, Kazan Federal University, Kremlevskaya str 18, 420008 Kazan, Russia.

E-mail: madfox11@yandex.ru

E-mail: madfox11@yandex.ru

Поступила в редакцию: 12.11.2018.

Принята к публикации: 22.11.2018.

ЦЕННОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ФУНКЦИИ РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

И.Я. Балабанова

Irina.Balabanova@kpfu.ru

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация. В настоящее время реклама активно внедряет в массовое сознание определенную, в большинстве своем, прозападную модель поведения, что выходит за рамки ее экономической функции и выступает в роли транслятора социокультурных и идеологических ценностей, в связи с чем проблема данной статьи становится актуальной. Задачей настоящего исследования является лингвистический и культурологический анализ рекламных текстов на французском и русском языках в сопоставительном ракурсе с целью выявления приоритетов названных активно контактирующих социумов. Выдвинутый в данной статье аспект позволяет рассмотреть проблему с точки зрения выявления языковых средств, оказывающих как положительное, так и нежелательное воздействие на массовую, прежде всего, молодежную аудиторию. Основными результатами проведенного исследования следует считать установление социально-аксиологических доминант франкоязычного и русскоязычного этносов, выявление набора социокультурных ценностей – их универсальных и уникальных характеристик. Проследив процессы функционирования речевых средств в рекламных текстах разноструктурных языков, можно прийти к выводу, что реклама актуализирует для каждого члена социума морально-этические и идеологические нормы поведения - при этом с одной стороны, апеллируя к унифицированным высокодуховным ценностям, а с другой оказывая влияние на процессы их трансформации. Практическая ценность состоит в том, что материал может быть применен на практических занятиях по лексикологии и стилистике французского языка, страноведению и культурологии, а также в курсах по теории массовой информации и коммуникации. Полученные результаты могут быть использованы для дальнейшего изучения национально-культурной специфики лексики франкоязычных и русскоязычных СМИ, отдельные выводы будут способствовать повышению действенности рекламы в сфере развития малого и среднего бизнеса на уровне международного партнерства.

Ключевые слова: лингвистика, дискурс, рекламный текст, русский и французский языки.

Для цитирования: Балабанова И.Я. Ценностно-ориентированные функции рекламного текста (на материале французского и русского языков) // Казанский лингвистический журнал. 2018. Том 1, № 3 (3). С. 22–31.

VALUE-ORIENTED FUNCTION OF ADVERTISING TEXTS (ON THE MATERIAL OF FRENCH AND RUSSIAN LANGUAGES)

I.Y. Balabanova

Irina.Balabanova@kpfu.ru

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract. Currently, advertising actively introduces into the mass consciousness a certain mostly pro-Western model of behavior that goes beyond its economic function and acts as a translator of sociocultural values, in connection with which the problem of this article becomes relevant. The purpose of this research is to analyze the linguistic and cultural studies of advertising texts in French and Russian in a comparative perspective in order to identify the priorities of these actively contacting societies. The main aspect of this study allows us to consider the problem from a linguistic point of view and to identify linguistic means that have both a positive and undesirable impact on the mass audience, primarily the youth audience. The main results of the study should be considered as the establishment of socio-axiological dominants of the French-speaking and Russian-speaking ethnic groups, the identification of a set of sociocultural values as well as their universal and unique characteristics. When observing the processes of speech activities in advertising texts of languages of different structures, we can come to the

conclusion that for each member of the society the advertising actualises moral and ethical and ideological norms of behavior. Moreover on the one hand it appeals to collective moral and cultural values, and on the other hand it has a strong influence on the processes of their transformation. The practical value is that the results of the research can be applied in the courses of the lexicology and stylistics of the French language, the regional geography and the history of culture, along with of the theory of mass information and communication. The research findings can be used for the further study of the national and cultural peculiarities of the vocabulary of French-speaking and Russian-speaking media, and the particular conclusion will contribute to improve the effectiveness of advertising in the development of small-to-medium business at the level of the international partnership.

Keywords: linguistics, discourse, advertising text, Russian and French language.

For citation: Balabanova I.Y. Value-Oriented Function of Advertising Texts (On the Material of French and Russian Languages) // Kazan linguistic journal. 2018. Vol. 1, No. 3 (3). Pp.22–31.

Лингвистическое образовательное пространство базируется на предмете изучения – языке как достоянии народа, обеспечивающем его жизнедеятельность, с одной стороны, и на знаниях, а также аксиологических доминантах, ценностно-нравственных и эмоциональных установках, заложенных в нем. Однако настоящий, переходный период развития русского социума характеризуется рядом журналистов и деятелей культуры как период «нулевых ценностей», отрицательно-оценочного настроения, что связывается с перемещением критериев и норм, сменой плюсов на минусы, смещением истинного, реального и нереального.

Если материальные ценности связаны обычно с предметами потребления, то духовные, ориентирующиеся на мораль, не всегда акцентированы, так как современное общество, характеризующееся как потребительское, ориентируется на богатство, деньги, материальные блага и т.п., в то время как духовные ценности нередко теряют свою значимость. В связи с этим становятся актуальными проблемы нравственности и экологии языков и культур, что, в свою очередь, активизирует ценностно-концептуальную парадигму исследования речевой деятельности, в том числе и рекламного дискурса.

Ценностная картина мира представлена совокупностью концептов – отвлеченных понятий, зафиксированных в целом ряде работ Д.С. Стернина, В.И. Карасика, Ю.С. Степанова, С.Г. Воркачева и др. Имеет место выделение концептов, к которым отнесены *дух, добро, правда, благо, красота*, касающихся интеллектуальной сферы, как *душа, стыд, радость, счастье*, связанных с эмоциями человека и, наконец, такие как *воля, личность* [Ходякова 2005, с. 98–100].

Одним из каналов акцентирования духовных ценностей является реклама, которая непосредственно воздействует на адресата и пропагандирует те или иные ценности (здоровье, безопасность, благополучие, самореализация, любовь, патриотизм и т.д). Показательно и то, что современная реклама сочетает в себе общечеловеческие ценности и ценности современного потребительского общества, что позволяет ей формировать мнения, взгляды и установки ее потребителя, демонстрируя традиции, менталитет, стереотипы того или иного этноса. По мнению французского рекламиста А. Дейяна «...реклама не является наукой; она продукт культуры и ее зеркало, отражающее нормы, убеждения, систему ценностей» [Дейян 2003, с. 124]. При этом, с одной стороны, в рекламных посланиях заложен культурный код нации, ее эстетические стандарты, но с другой, они выполняют роль транслятора новых тенденций и инноваций, выполняя параллельно воспитательную и формирующую функции.

Удовлетворяя взыскательные вкусы своего потребителя, реклама принимает различные формы и образы и, прежде всего, это образ довольного жизнью, искрящегося счастьем благополучного индивида. В работах отечественных исследователей описаны способы репрезентации мужских и женских образов в рекламе (Ж.Чернова, И. Грошев). Естественно, что культурные и социальные ожидания по отношению к мужчине и женщине разнятся. Так, женщина в представлении общественности – это идеальная домохозяйка, хорошая мать и жена (либо женщина-соблазнительница), обладательница привлекательной внешности и неизменно позитивного настроения. Мужчина всегда успешен профессионально, крепок телом и духом, душа компании и почитаемый глава семьи (либо красавец и разбиватель сердец).

Рекламный текст с целью наибольшего воздействия на адресата, как правило, должен отличаться известной образностью, нестандартностью, игрой слов в плане пересечения буквальных и переносных значений, что стимулирует его метафоричность и экспрессивность. Французские авторы весьма часто прибегают к использованию различных стилистических приемов, ибо «на европейских берегах Атлантики сам акт продажи вызывает подозрение. Люди редко верят продавцам. Поэтому реклама здесь очень театральная, а рекламные аргументы косвенные, окольные, если можно так выразиться. Реклама во Франции – чистая драматургия» [Дрю 2002, с. 15]. Как пример вспомним риторические вопросительные предложения, начинающиеся с лексемы КТО – (QUI), ответ на которые, видимо, должен быть очевиден для потребителя. *Qui peut faire meilleure impression? (Epson) – Кто может произвести лучшее впечатление? Qui peut te battre? (Croustibat); Qui peut résister à un tel luxe? (Lanvin); Qui mieux que Renault peut entretenir votre Renault?; Qui vous comprend mieux qu'Epson?*

В других случаях ответ может быть получен с использованием оборота *parce que* – дабы привести еще более весомые аргументы в пользу приобретения товара. Примечательно, что классическое построение фразы не подразумевает построение предложения с данного оборота. *Parce qu'on ne plaisante pas avec le Plaisir (Président) – Потому что с удовольствием не шутят: Parce que le monde bouge (Crédit); Parce que l'eau que vous buvez est aussi importante que l'air que vous respirez (Evian); Parce que c'est bon (Pasquier).* И, наконец, когда все аргументы исчерпаны: *Parce que. (Crémère).*

Действенность рекламы не всегда становится большей при нагнетании привычных стандартизированных оценочных лексем со знаком «плюс» (прекрасный, великолепный, уникальный) – более востребованными оказываются рекламы нестандартного типа, способные повлиять на чувства и поступки адресата. Так, дорожная реклама *Ne toropissez! Тебя ждут дома!* непременно воздействует на водителей. Что касается французской рекламы, то она характеризуется большей метафоричностью и остроумием *Alcool au volant: choisissez votre destination – l'enfer, la morgue, le centre de réanimation (Алкоголь за рулем: выбирайте направление – ад, морг, реанимация); T'as voulu texter au volant? Voici ton nouveau forfait illimité (Захотел написать смс? Вот твой безлимитный пакет)* на фоне погребальной урны и букета роз; *T'as voulu rouler vite? Voici ton nouveau bolide (Захотел ехать быстро? Вот твой новый болид)* на фоне инвалидной коляски.

Французский социум во многом отличается от российского в соотношении желаемое/возможное, поскольку молодое западное поколение более ответственно за свои поступки и поведение, соотнося их с реальным финансовым обеспечением и личной ответственностью за состояние дел, иначе интерпретируя понятия «хочу» и «могу», в то время как в русской действительности акцент делается на «хочу».

Синтез слова и изображения неизменное свойство успешной рекламы, не только описывающей, но и показывающей, внедряющей в сознание необходимость следовать ее советам и наиданиям [Барт, с. 298–299], тем более, что в современном мире акцент делается на слухе и зрении, но не на разуме.

Христианская традиция, на протяжении сотен лет прививавшая многим поколениям высокие идеалы Истины и Добра (порой без согласия верующих), в последние столетия утратила свою значимость и влияние на умы и судьбы людей. XX и XXI столетия охарактеризованы сменой нескольких исторических вех и парадигм, что не могло не сказаться на восприятии действительности социумом, способном воспроизвести рекламные тексты нижеследующего содержания, сопроводив их соответствующим изображением:

Особенный, парижский шик — полный порока, сибаритства, шальных денег и сумасшедших, но изысканных при этом, вечеринок. Временные рамки задали яркие цветовые сочетания, неоновое кружево и обилие тонких декоративных цепочек. Парижский шик передали детали костюма, заставляющие вспомнить о танцовщицах кабаре. Несколько моделей с фигурными прорезями и бандажными элементами — явный оммаж девушкам Бонда, эталонам красоты десятилетия. (vogue.ru/fashion/news/Plenitelnyy_gedonizm).

Более того, смещение этических приоритетов и эрозия фундаментальных ценностей ознаменовало появление рекламных текстов нового характера, не просто покоряющих красивой картинкой или изящным слогом, вкрадчиво обволакивающим сознание, но и открыто пропагандирующих отказ от общепринятых норм поведения.

Телекоммуникационная сеть «Билайн» в своей рекламной кампании апеллирует к целому вороху человеческих недостатков – ложь, желание провоцировать чувство зависти, отсутствие сопереживания и т. п.:

– Остаемся! Что на работу писать? – Пиши: укусила сова, температура 43, работаю по интернету. – Сова? – Ну или соври что-нибудь.

– Раздражай их! Пусть все видят, как тебе хорошо! Ты достанешь всех!

– Бессердечно стабильный интернет.

Чувство зависти - одно из сильнейших в человеческой натуре, на чем не преминули сыграть и другие создатели рекламы: *Все-таки хорошо, что вы не срываете стикер «Монополия» в Макдональдс, потому что это значит, что в квартире вместо вас буду жить Я и сделаю там все по-своему. Кстати, друзей на дачу на новой машине тоже вместо вас повезу Я. Ну, а миллион я потрачу вызываясь быстро (телереклама 2018).*

Hoff. Другие уже покупают (телереклама 2018)

– лень: *Тяни до последнего (Авито 2017)*

– жадность: *Спасибо на хлеб не намажешь (банк Тинькофф 2017)*

– подмена понятий: *Непреходящие ценности (фото Анны Курниковой в купальнике, журнал Maxim 2017)*

– вседозволенность:

Смартфону можно все (Билайн 2017 телереклама)

Бери от жизни все. Outventure (телереклама 2017)

К числу наиболее востребованных и перспективных относится функционально-коммуникативный аспект изучения и преподавания языков, который стимулируется развитием антропоцентрической лингвистики, теорией речевой деятельности и речетворчества.

По мнению В.В. Морковкина, «педагогическая лингвистика представляет собой область языкознания, в которой язык описывается не в себе и не для себя, а с учетом того, что такое описание должно в максимальной степени отвечать потребностям обучения этому языку как средству передачи своих и восприятию чужих информационных состояний» [Морковкин, 1986, 216]. С этих позиций современный этап функционирования языка выдвигает задачи исследования речетворчества в социальных сетях, в том числе и текстов рекламы в связи с массовой вовлеченностью молодого поколения во всемирную паутину. Рекламные послания в соцсетях представляют собой неисчерпаемый источник информации с точки зрения тематического подбора материала как по лингвистическим, так и страноведческим или культурологическим дисциплинам. Так, например, для русского и французского отправителя характерны вопросительные и восклицательные конструкции, а также местоимение «Я» при описании эмоционального, чаще всего позитивного состояния. Персонализация рекламы за счет местоимения «Я» позволяет указать на свои предпочтения и размышления, связанные с товарами и покупками и незаметно вовлечь адресата в зону своих желаний.

Свитишот @original и мое лицо, которые кратко расскажут всю суть...Может и Новый Год в нем встретить?

Je ne suis pas la seule à avoir enfilé ma tenue de fêtes: mon parfum Flowerbomb de @viktorandolf fragranness'est lui aussi glissé dans son habit de lumière en édition limitée, parfait à déposer au pied du sapin. Et vous, vous avez fini vos cadeaux de Noël?

Эти туфли @hogl-russia с камнями Swarovski – моя находка на Новый год! Уже моя вторая пара обуви от Högl, очень люблю качество у этого бренда.

louiseebelpandoraCes derniers temps je ne mets rien sur ma peau à part les huiles de chez @darphin, car rien de tel pour bien s'hydrater l'épiderme quand vient l'hiver...De plus, j'adore leur parfum, c'est pour moi une odeur rassurante désormais!

Заметим, что русский контент порой злоупотребляет восклицаниями, что свидетельствует о большей эмоциональности и использовании лексем разговорной окраски.

Ребята, всем привет!! Часто вижу грустные комментарии про дороговизну всяких штук для блогинга. Согласна! И нашла очень недорогой телефончик от @opporussia! Если вам хотелось

бы такой пишете в комментах! И пожалуйста, почаще публикуйте свои селфи – хочу вас почаще видеть!!!

СТИИИИИКОСЫ! Ура, я безумно рада, что наконец-то могу представить вашему вниманию Стикеры, про которые я так долго вам рассказывала! Стикер пак а5 формата, с матовой ламинацией и вырубкой – можно клеить хоть куда, хоть на лоб, хоть на ноутбуки, хоть на блокнотики!

Французские послания не столь экспрессивны, а скорее ориентированы на спокойное и продуманное общение:

Journée internationale du pull de Noël (ou une journée comme les autres du mois de décembre pour moi) Celui-ci est mon préféré de 2017 (un @boden_clothing que j'adore) Et vous, dites moi que vous aviez votre plus beau pull aujourd'hui ! Continuez de m'envoyer vos photos sur Instastory, j'adore. Bonne soirée! (Международный день рождественского свитера (или любого другого декабрьского денька для меня). Вот этот мой любимый в 2017 (обожаю @boden_clothing). Расскажите мне про ваш любимый свитер! Продолжайте отправлять мне свои фотографии на Instastory, обожаю ♥ Хорошего вечера!)

Je porte le manteau le plus mignon du monde! Il vient de chez @misspatina. J'aime tant ce genre de pièces un peu décalées! Il vous plaît? Bon dimanche soir à tous les amis ! (Я ношу самое милое в мире пальто! От @misspatina. Мне так нравятся эти немного сдвинутые штучки! А вам нравится? Хорошего воскресного вечера, друзья!)

Русские рекламные послания предпочитают непосредственное подталкивание к действию:

С продукцией @riche.cosmetics я знакома уже два года. Попробовала практически все продукты, которые есть у бренда, конечно же, я не удержалась, когда увидела новинки и заказала себе сыворотку Sebit & Oil control. И могу сказать – работает! Бегите в сторис, там расскажу все подробней).

Устроила дома неоновую вечеринку. А мою любовь к Бэтмэну вы и так знаете – она безгранична. Есть у вас любимый супергерой? Если да, то почему? Если вдруг вопросы откуда лампа – то вам к ребятам @homeneon

Ботильоны от Senso- мой заряд вдохновения на эту зиму. Хотите выиграть красавцев Senso или обувь любого другого бренда &porta9spb? Участвуйте в нашем совместном конкурсе.

Интересно, что правила пунктуации не соблюдаются и во французском и русском контенте нарочито, а в роли точек и запятых выступают так называемые эмодзи – символы графического языка, где вместо слов используются сочетания картинок разного характера.

Не устану повторять, насколько сильно я люблю @danielwellington совсем недавно у меня появилась новая модель часов, вместе с которыми я получила дополнительный ремешок в подарок для меня не менее важную роль играет упаковка товара и вы только посмотрите какие праздничные и стильные коробочки подготовили @danielwellington к Новому году, мне кажется это идеальный подарок для кого-то близкого и себя мой промокод на скидку 15%, не благодарите.

Passion Bordeaux. Les boucles d'oreilles sont de @hm, le rouge à lèvres bouteille de vin est un cadeau génial de mon amie @la.belle.otero (c'est un produit coréen), et les superbes rouges à lèvres sont de chez @bobbibrown, ils font un rendu sheer très sensuel, avec des teintes allant du vermillon au pourpre.

Примечательно, что среди французских пользователей социальных сетей хорошим тоном считается упоминание каких-либо художественных или музыкальных произведений:

Le rouge est vraiment devenu ma couleur favorite, c'est fou comme elle m'obsède ! Je l'aime vif et puissant comme sur ce manteau @mango (trouvé sur vinted grâce à @darcize), qui réponds si bien au portrait de mademoiselle de Lancey peint par Carolus-Duran et qui se trouve aujourd'hui dans les belles galeries du Petit Palais. Autre nouveautés, ces bottines de vinyle de chz @maisonernest, qui sont si parfaites que je peux déjà vous dire qu'elle seront vite incontournables ! (...как это пальто от @mango, что так похоже на пальто Мадемуазель Лансе, написанном Карлосом Дюраном...)

Également sur la photo, mon journal favori de Anais Nin, il est si intense que je ne peux en lire que quelques pages de temps à autre, car après cela je me sens profondément troublée et agitée. La première fois que je l'ai ouvert, c'était dans le métro, une dame âgée à côté de moi m'a dit « il va beaucoup vous plaire », c'était un joli moment....Avez-vous des livres comme celui qui vous traversent l'âme ? (мой любимый дневник Анаис Нин...)

Makemylemonade Ce petit t-shirt qui m'a été offert cet été par la créatrice @elisehameau dont j'adore l'univers, avait parfaitement sa place dans mon rdv #ditesleavecuntshirt ... Il me fait penser à la chanson de Juliette Armanet « À la folie » entre mille d'autres choses ... (эта футболочка...мне напомнила песню Жюльет Армане...)

La vie en rouge avec le déjà iconique rouge à lèvres Rouge d'Armani de @armanibeauty, dont la teinte va parfaitement avec cet Instamatic que la marque m'a offert. Comme je suis obsédée par le rouge en ce moment, j'ai commencé une petite série de Polaroid sur ce sujet, et ça m'amuse beaucoup ! Vous sentez l'atmosphère Twin Peaks? (...Губная помада Красный Армани...Чувствуете атмосферу Твин Пикс?)

En amour pour le collier de ma copine @argumentbijoux et de @chacokofficial bravo les gars! Comme si Picasso, Matisse et Klee s'étaient lancés dans les bijoux!(... как если бы Пикассо, Матисс или Клее взяли за бижутерию!)

Суммируя вышеизложенное, подчеркнем, что к числу авторских находок представляется возможным отнести следующее:

- выдвижение и разработка проблематики, связанной с ценностными установками социумов в их культурологическом преломлении;
- подключение к лингвометодическому материалу реклам, извлеченных из соцсетей;
- сопоставительный характер исследования позволяет выявить специфику изучения речи в условиях многоязычия.

Новая мораль декларирует превосходство личного интереса над общественными, внушает человеку стремление потворствовать собственным капризам, что постепенно приводит к расшатыванию внутреннего стержня, неизменным итогом чего становится кризис духа,

эгоцентризм, растушевывание высших ценностей, так как понятие долга и совести обесцениваются, ибо эти понятия заведомо не несут в себе удовольствия и наслаждения жизнью.

Поскольку реклама отличается положительной окраской, то негативное, (с точки зрения вечных ценностей социумов) может восприниматься как нечто возможное, желательное, соответствующее духу времени. Сопоставительный анализ рекламных текстов на русском и французском языках свидетельствует как о сходных аксиологических и эмоциональных ориентациях соответствующих социумов, так и о некоторых тенденциях пересмотра их состава, диктуемых современностью и новыми предпочтениями. Педагогический процесс, ориентированный на вплетение рекламных текстов, может и должен способствовать переориентации учащихся на «вечные ценности», поскольку проблема соотношения материального и духовного, их взаимодействия и разумного дозирования относится к числу вечных для социумов.

Литература

1. *Алексеев М.П.* Русская культура и романский мир. Л.: Наука, 1985. 539 с.
2. *Антология концептов.* М.: Гнозис, 2007. 512 с.
3. *Барт Р.* Риторика образа / Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 297 – 318.
4. *Бережная А.А.* Некоторые особенности рекламного жанра // II Межд. Конгресс исследователей русского языка. Рус. яз.: история, судьбы и современность. Труды и материалы. М.: МГУ, 2004. С. 425.
5. *Вахрушев О.А.* Некоторые особенности современной французской рекламы: эмоциональный компонент // Французский язык и культура Франции в России. XXI век. Н. Новгород, 2004. С.65 – 67.
6. *Гак В.Г.* Эмоции и оценки в структуре высказывания и текста // Вестник МГУ. Серия 9. Филология -1997, № 3. С. 85 – 87.
7. *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М. Изд-во Прогресс, 1995. 480 с.
8. *Гермогенова Л.Ю.* Эффективная реклама в России. Практика и рекомендации. М.: Рус партнёр, 1994. 252 с.
9. *Гольман И.* Реклама плюс. Реклама минус. М.: ООО «Гелла-Принт», 2000. 240 с.
10. *Грошев И.В.* Гендерные образы рекламы // Вопросы психологии. 2000. С. 38–40.
11. *Дейан А.* Реклама. СПб. Нева. 2003. 124 с.
12. *Дрю Ж.-М.* Ломая стереотипы. Разрыв: реклама, ломающая общепринятое, Санкт-Петербург: Изд-во «Питер», 2002, 272 с.
13. *Золотова Г.А., Ониненко Н.К., Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М.: МГУ, 1998. 538 с.
14. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
15. *Клушина Н.И.* Восприятие рекламы // Русская речь. 2001. № 1. С. 65–66.
16. *Клушина Н.И.* Увещательная коммуникация в СМИ // Русская речь . 2002. № 6. С. 59–61
17. *Клушина Н.И.* Искусство оболъщения // Русская речь. 2001. № 4. С. 62–64.
18. *Клюев Е.В.* Речевая коммуникация. Учебное пособие. М.: ПРИОР, 1998. 224 с.
19. *Костомаров В.Г.* К проблеме изучения текстов масс-медиа // Материалы МАПРЯЛ, Болгария, Варна, 2007. С. 124–127.
20. *Лантева О.А.* Претензия одного жанра на преобразование структуры современного русского литературного языка (о силе рекламы) // Русское слово в мировой культуре. Конгресс международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. СПб.: Политехника, 2003. С. 194–200.
21. *Леви Ю.Э.* Вербальные и невербальные средства воздейственности рекламных текстов: Автореферат дис... канд. филол наук; М, 2003. 16 с.
22. *Матанцев А.Н.* Эффективность рекламы М.: Финпресс, 2002. 270 с.
23. *Морковкин В.В.* Русская лексика в аспекте педагогической лингвистики // Конгресс МАПРЯЛ «Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы». М.: Русский язык, 1986. С. 214–228.
24. *Мокшанцев Р.И.* Психология рекламы, М.: Инфра-М. С.129–131.
25. *Номейн А.* Продвижение в соцсетях быстро и легко, Екатеринбург, Издательские решения, 2017. 14 с.
26. *Панда П.* Тексты, которым верят. Коротко, понятно, позитивно. Изд-во «Питер», 2017. 256 с.
27. *Степанов Ю.* Константы: Словарь русской культуры. Изд. 2-е. М.: Академический проект, 2001. 990 с.
28. *Уэллс У.* Реклама: принципы и практика / У. Уэллс, Дж. Бернет, С. Мориарти. СПб.: Питер, 1999. 736 с.

29. Чернова Ж.В. Социальное конструирование гендерных отношений в СМИ // Социология гендерных отношений: уч. пособие под ред. З.С. Саралиевой. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССНЭП) 2003. С. 242–255.

30. Шмелева Т.В. Кодекс речевого поведения // Русский язык за рубежом. 1983. № 1. С. 72–77.

31. Auvray-Pagnozzi B. La langue de pub: le kit de survie de publicitaire Eyrolles. 2012. 266 p.

32. Mattelart A. La Publicité. Paris: La Découverte, 1994. 110 p.

33. Intartaglia J. “Generations pub. De l’enfant à l’adulte, tous sous influence?” de Boeck. 2014. 136 p.

References

1. Alekseyev M.P. *Russkaya kultura i romanskiy mir*. L.: Nauka. 1985. 539 p.
2. *Antologiya kontseptov*. M.: Gnozis. 2007. 512 p.
3. Bart R. *Ritorika obraza // Izbrannyye raboty*. Semiotika. Poetika. M.: Progress. 1989. Pp. 297–318.
4. Berezhnaya A.A. *Nekotoryye osobennosti reklamnogo zhanra // II Mezhd. Kongress issledovateley russkogo yazyka. Rus. yaz.: istoriya. sudby i sovremennost. Trudy i materialy*. M.: MGU. 2004. P. 425.
5. Vakhrushev O.A. *Nekotoryye osobennosti sovremennoy frantsuzskoy reklamy: emotsionalnyy component // Frantsuzskiy yazyk i kultura Frantsii v Rossii. KhKhI vek. N.Novgorod*. 2004. Pp. 65–67.
6. Gak V.G. *Emotsii i otsenki v strukture vyskazyvaniya i teksta // Vestnik MGU. Seriya 9. Filologiya -1997. № 3*. Pp. 85–87.
7. Gachev G.D *Natsionalnyye obrazy mira*. Kosmo-Psikhо-Logos. M.: Izd-vo Progress. 1995. 480 p.
8. Germogenova L.Yu. *Effektivnaya reklama v Rossii. Praktika i rekomendatsii*. Germogenova. M.: Rus partner. 1994. 252 p.
9. Golman I. *Reklama plus. Reklama minus*. M.: ООО «Gella-Print». 2000. 240 p.
10. Groshev I.V. *Gendernyye obrazy reklamy // Voprosy psikhologii*. 2000. Pp. 38–40.
11. Deyan A. *Reklama*. SPb: Neva; 2003. P.124
12. Dryu Zh.-M. *Lomaya stereotipy. Razryv: reklama. lomayushchaya obshcheprinyatoye*. Sankt-Peterburg: Piter. 2002. 272 p.
13. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka*. M.: MGU. 1998. 538 p.
14. Karasik V.I. *Yazykovoy krug: lichnost. kontsepty. diskurs*. M.:Gnozis. 2004. 390 p.
15. Klushina N.I. *Vospriyatiye reklamy // Russkaya rech*. 2001. №1. Pp. 65–66.
16. Klushina N.I. *Uveshchevatelnaya kommunikatsiya v SMI // Russkaya rech*. 2002. № 6. Pp. 59–61.
17. Klushina N.I. *Iskusstvo obolshcheniya // Russkaya rech*. 2001. №4. P. 62–64.
18. Klyuyev E.V. *Recheyaya kommunikatsiya. Uchebnoye posobiye*. M.: PRIOR. 1998. 224 p.
19. Kostomarov V.G. *K probleme izucheniya tekstov mass-media // Materialy MAPRYaL. Bolgariya. Varna*. 2007. Pp. 124–127.
20. Lapteva O.A. *Pretenziya odnogo zhanra na preobrazovaniye struktury sovremennoy russkogo literaturnogo yazyka (o stile reklamy) // Russkoye slovo v mirovoy kulture. Kongress mezhdunarodnoy assotsiatsii prepodavateley russkogo yazyka i literatury*. SPb.: Politekhnik. 2003. P. 194–200.
21. Levi Yu.E. *Verbalnyye i neverbalnyye sredstva vozdeystvennosti reklamnykh tekstov: Avtoreferat dis... kand. filol. nauk*. M. 2003. 21 p .
22. Matantsev A.N. *Effektivnost reklamy*. M.: Finpress. 2002. 270 p.
23. Morkovkin V.V. *Russkaya leksika v aspekte pedagogicheskoy lingvistiki // Kongress MAPRYaL «Nauchnyye traditsii i novyye napravleniya v prepodavanii russkogo yazyka i literatury»*. M.: Russkiy yazyk. 1986. Pp. 214–228.
24. Mokshantsev R.I. *Psikhologiya reklamy*. M. Infra-M. P.129-131.
25. Nomeyn A. *Prodvizheniye v sotssetyakh bystro i legko*. Ekaterinburg: Izdatelskiye resheniya. 2017. 14 p.
26. Panda P. *Teksty, kotorym veryat. Korotko, ponyatno, pozitivno*. Peterburg: Piter. 2017. 256 p.
27. Stepanov Yu. *Konstanty: Slovar russkoy kultury. Izd. 2-e*. M.: Akademicheskiiy proyekt. 2001. 990 p.
28. Uells U., Bernet Dzh., Moriarti S. *Reklama: printsipy i praktika*. SPb.: Piter. 1999. 736 p.
29. Chernova Zh.V. *Sotsialnoye konstruirovaniye gendernykh otnosheniy v SMI // Sotsiologiya gendernykh otnosheniy: Uch. Posobiye pod red. Z.S. Saraliyevoy*. M.: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSNEP). 2003. Pp. 242–255.
30. Shmeleva T.V. *Kodeks rechevogo povedeniya // Russkiy yazyk za rubezhom*. 1983. № 1. P. 72–77.

Автор публикации

Author of the publication

Балабанова Ирина Яковлевна – доцент кафедры европейских языков и культур, Казанский федеральный университет, ул. Кремлевская, 18, 420008, г. Казань, Россия.

Irina Ya. Balabanova – assistant professor, Kazan Federal University, Kremlevskaya str. 18, 420008 Kazan, Russia.

E-mail: IrIrina.Balabanova@kpfu.ru

E-mail: Irina.Balabanova@kpfu.ru

Принята к публикации: 23.11.2018.

УДК 81'44 (811.133.1 + 512.145)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЦВЕТОВОСПРИЯТИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ

Фахретдинов Р.М.

roustam@mail.ru

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу лингвистических проблем, связанных с различными способами цветообозначения во французском и татарском языках, в том числе и наименования мастей лошадей. В ходе исследования авторы получили результаты, свидетельствующие о схожести концепта «синий цвет» в татарском и французском языках, отсутствии в обоих языках дихотомии «синий – голубой», а также о целесообразности выделения иппокористики в отдельный раздел лингвистики цвета. Автор разработал уникальный татаро-французский вокабуляр лошадиных мастей, способствующий сохранению столь специфической лексики в активном словарном запасе сопоставляемых языков.

Ключевые слова: лингвистика цвета, цветообозначение, типология разноструктурных языков, французский язык, татарский язык, иппокористика.

Для цитирования: Фахретдинов Р.М. Некоторые особенности цветовосприятия во французском и татарском языках // Казанский лингвистический журнал. 2018. Том 1. № 3 (3). С. 32–42.

FEATURES OF COLOR PERCEPTION IN THE FRENCH AND TATAR LANGUAGES

R.M. Fakhretdinov

roustam@mail.ru

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract: The article is devoted to the analysis of linguistic problems associated with various methods of color terms in the French and Tatar languages, including the names of horse colors. In the course of the study, the authors obtained results indicating the similarity of the “blue color” concept in Tatar and French, the absence of the blue-blue dichotomy in both languages, as well as the feasibility of distinguishing hippocoristics into a separate section of color linguistics. The author has developed a unique Tatar-French vocabulary of horse suits, contributing to the preservation of such specific vocabulary in the active vocabulary of comparable languages.

Keywords: linguistics, color designation, typology of French and Tatar languages, hippocoristics.

For citation: Fakhretdinov R.M. Features of Color Perception in the French and Tatar Languages // The Journal of Kazan Linguistics. 2018, Issue 1, No. 3 (3). Pp. 32–42.

Принято считать, что цветовосприятие – одна из важных характеристик человеческого зрения, с помощью которого мы лучше ориентируемся в окружающей среде и познаём её закономерности [Исхакова, с. 77]. Цветообозначение того или иного языка является знаком культуры, творческой индивидуальности, оно играет важную роль в системе общественного ритуального символизма и имеет ярко выраженное коммуникативное начало. В языке как в зеркале отражаются наши цветоощущения и восприятия [Фрумкина, с. 93]. Фразеология – это

именно тот раздел лингвистики, в котором очень ярко отражается национально-культурное своеобразие цветоощущения языка, так как она тесно связана с культурой, историей и бытом народа, в ней воплощены его дух, характер и образ мышления. Так, некто оказывается белой вороной, другой – черной костью, третью называют красной девицей [Шевцова, с. 95]. В природе же цвет – это объективная реальность, независимая от людей.

Однако в разных языках цвета ощущаются не единообразно. Как отмечает В.Г. Гак, «цвет в разных языках отражается по-разному, наименования красок составляют в каждом языке сложную систему, и системы разных языков обнаруживают показательные расхождения» [Гак, с. 68]. Так, есть языки, которые различают семь цветов радуги, например, русский и некоторые другие славянские языки; большинство же других европейских языков различают только шесть [Светличная, с. 24]. Это происходит из-за того, что тот участок спектра, в котором русские видят два цвета – синий и голубой, в западноевропейских языках обозначается с помощью одной лексемы – blue (англ.), blå (дат.), blau (нем.), blu (ит.), bleu (фр.) и т.д. Они даже звучат одинаково, не смотря на то, что принадлежат к разным ветвям индоевропейской группы языков: германской и романской.

Примечательно, что татарский язык и здесь близок более к европейским языкам, поскольку тоже не делает разницы между «синим» и «голубым», детерминируя данный участок спектра как «зэңгэр». Номинально, конечно же, под ареальным влиянием русского языка, в татарском существует обозначение и для синего цвета – «күк», но оно редко употребляется, потому что вовсе не является прилагательным, первое значение у него – «небо». Соответственно, было бы точнее переводить это слово не как «синий», а как «небесного цвета». А небо, как мы знаем, может быть и голубым, и всех оттенков синего, в зависимости от погоды.

В подтверждение данного тезиса можно привести тот факт, что в татарском фольклоре на одну песню «Күк күгәрчен» (синяя голубка) приходится и «Зэңгэр күлмэк» (голубое платье), и «Зэңгэр төймә» (голубая пуговица), не говоря уже об очень популярном образе «Зэңгэр шәл» (голубая шаль). Зачастую эти колоронимы являются в татарском языке синонимами. Так, «күк яулык» – un foulard bleu (фр.) переводится и как голубой, и как синий платок, а «күк күбәләк» (дословно: синяя бабочка) – la lucène (фр.) – это «голубянка». Поразительное расхождение в цветовосприятии наблюдается на примере «күк жиләк» (дословно: синяя ягода) – une airelle des marais (дословно: болотная черника с французского), а по-русски – «голубика». Данные колоронимы могут взаимозаменяться даже в таких устойчивых выражениях как «күк/ зэңгэр сөт» (дословно: синее/голубое молоко) – обрат – un lait dégraissé (дословно с французского: обезжиренное молоко), «зэңгэр/ күк күзле» – голубоглазый – aux yeux bleus (фр.), или «зэңгэр/күк чәчәк» – василёк, цветок тоже не всегда чисто синий. Как видим, в номинации этого цветка татарский язык опять-таки, в отличие от русского, совпадает с французским – le bleuet, что можно перевести как «синеватый». Интересно, что в татарском языке «синеватый», как и «голубоватый», тоже означают два разных слова с анализируемыми в данной статье корнями: «күксел» и «зэңгәрсу», что вновь показывает то, что разница между этими колоронимами достаточно условна.

Зато в русском и французском языках существует образ l'oiseau bleu – синей птицы, как символа недостижимого идеала.

Более того, иногда этот колороним означает совершенно другой цвет, например: «күк агач» – вовсе не синее дерево, а граб, le charme по-французски. «Күк ала сакал» означает «борода с проседью», то есть вообще-то серого цвета, «күк ала ат» – серый конь в светлых яблоках, а просто «күк ат» будет уже «сивым мерином». Интересно, что по-французски седая борода будет une barbe fleurie, то есть «цветистая» или же argentée, то есть «серебристая», а зачастую просто une barbe grise / blanche (серая / белая борода) безо всякого иносказания! А сама идиома Barbe bleue означает «некоего подозрительно многократно женатого мужчину, все жёны которого умерли». Этот сказочный персонаж Синяя борода известен русскоязычному читателю, но татарскому фольклору абсолютно чужд, поскольку татары более гуманны по отношению к женщине. Зато во французском языке существует очень близкая татарскому народу идиома un menton bleu (буквально: синий подбородок) для детерминации мужчины в годах.

Лишь в одном случае цветоощущения татар ближе к русским в рамках данного концепта: «күк талак итэргэ», буквально: сделать синей селезёнку, то есть избить до синяков. У французов эта колоридиома окрашена в более тёмные тона: être noir de coups, буквально: «быть чёрным от ударов». Видимо, французы более жестоки, не случайно у них даже нет слова «добрый» – для этого эпитета используется bon, то есть «хороший». Интересно, что были и у нас древние времена, когда слова «добрый» и «хороший» были синонимами, но, поскольку добрых русичей становилось всё больше, для этой черты характера понадобилась отдельная лексема. Примечательно, что в татарском языке номинально присутствует лексема, означающая «добрый» – «игелекле», но в речевой практике она употребляется неизмеримо реже, чем «эйбэт», что, является абсолютным синонимом понятия «яхшы» – «хороший». Из чего можно выдвинуть гипотезу, что в настоящее время данный концепт в татарском языке находится ещё на той же стадии, как и в русском языке несколько веков назад. Соответственно, если добрых татар будет становиться всё больше, то логична трансформация словоформы эйбэт в «добрый». Наблюдаемое в данном случае межъязыковое чередование “синий – чёрный” встречается и в самом татарском языке: «күк / кара бөрлегән» (синяя или чёрная костяника), то есть ежевика, le tîgon по-французски. Удалось обнаружить и тот редкий случай, когда лексические наименования во всех трёх анализируемых языках наиболее близки в конкретном семантическом поле: голубой песец – зэнгэр / күк төлке по-татарски и un genard bleu по-французски. Кстати, между двумя последними языками оказывается больше сходства, нежели с русским, поскольку в обоих это животное именуется голубой лисицей.

Что касается более распространённого в татарском языке колоронима – «зэнгэр», то его пристальное типологическое исследование также подтверждает постулируемый нами тезис об условности его прямого значения и большей близости французского языка к татарскому, нежели к русскому. Например: «зэнгэр таш», что буквально означает «голубой камень» – лазурит, le lapis по-французски. На самом-то деле он вовсе не голубой, а тёмно-синий. Время суток между ночью и утром татары красиво называют «зэнгэр таң», и вновь речь идёт скорее о понятии «синяя», нежели

«голубая заря». Примечательно, что и французы видят этот предрассветный час в синем цвете: l'heure bleue. И лишь в случае с колоридиомой «голубая мечта» наблюдается полное единодушие во всех трёх языках: «зэңгэр хыял» – un rêve bleu, но логическое продолжение этой идиомы – «зэңгэр хыялга батырга» (буквально: утонуть в голубой мечте) ещё более сближает татар и французов, которые, в отличие от русских, не «витают в облаках», а nagent dans le bleu, то есть «плавают в (морской) синеве», что характеризует их как более приземлённые народы.

В интернациональной колоридиоме «смотреть сквозь розовые очки» – regarder à travers des lunettes roses в татарском языке неожиданно возникает всё тот же самый голубой цвет: «зэңгэр/ал күзлек аша карарга». Удивительно, что во французском языке тоже существует синонимичный фразеологизм voir tout en bleu/rose – видеть всё не только в розовом, но и в синем цвете.

«Истошный голос» – des cris d'orfraie (буквально: крики орлана) татары тоже видят в цвете: «зэңгэрле–яшлле тавыш», что навеивает мысль о том, что между голубым и зелёным цветом в татарском языке грань тоже размыта, но это уже тема для отдельного анализа в следующей статье. И, наконец, татары, вслед за русскими называют голубых «зэңгэрләр», что удивительно для французов, поскольку les bleus – это игроки их сборной, а для обозначения мужчин нетрадиционной ориентации они используют слово les pédés или la pédale специально женского рода, которое, как и в русском языке, первое значение имеет «педадь». А в единственном числе le bleu означает «новичок» или «новобранец», видимо, потому что их униформа ещё совсем новая и не успела утратить свой синий цвет. Впрочем, и во французском языке удалось найти коррелирующую с русским языком идиому les ballets bleus (дословно: «голубой балет») – оргия с участием мальчиков.

По свидетельству французского историка Мишеля Пастуро, отношение французов к синему цвету менялось с течением времени. Примечателен тот факт, что до XII века в средневековой литературе о нём вообще не было никаких упоминаний [9, с. 26]. Долгое время синий цвет ассоциировался у французов с сильными негативными эмоциями вплоть до того, что одно из значений этого существительного – синяк. Например: avoir du bleu au coeur (буквально: «иметь синяк на сердце»), то есть грустить – «ямансуларга» по-татарски; une peur bleue (буквально: «синий страх») – панический страх («бик нык курку», то есть просто «очень сильный страх» по-татарски); une colère bleue – сильный гнев («бик нык ачу килү» по-татарски); en être bleu (буквально: быть синим от чего-то), то есть быть потрясённым («авыр кичерештэ булырга» по-татарски); n'y voir que du bleu (буквально: видеть в чём-то только синее) – ничего не понимать («бернәрсә дә аңламаска» по-татарски); passer au bleu (буквально: перейти к синему) – утаивать («сер итеп тотарга» по-татарски (буквально: держать в тайне); un bas bleu – «синий чулок» («сөйкемсез хатын» по-татарски, буквально: непривлекательная женщина); une bête bleue (буквально: синяя скотина) – кляча («арык ат» – то есть буквально «уставший конь» по-татарски); любовную интрижку французы сравнивают с une fleur bleue, то есть с «синим цветком» («мәхәббәт мәкере» по-татарски); cultiver la petite fleur bleue – сентиментальничать («тойгыларга бирелергә» по-татарски, что дословно означает «поддаться ощущениям»; papier bleu (буквально:

«синяя бумага») – повестка в суд – «судка чакыру» по-татарски; un vin bleu (буквально: «синее вино») – бормотуха – «начар кызыл шэраб» по-татарски; une zone bleue – место ограниченной стоянки машин; ne pas être bleu de rire (буквально: «не быть синим от смеха» – не иметь желания смеяться, а татары сказали бы: «көлүдән кып-кызыл булмаска» (буквально: «не быть красным от смеха»)); un conte bleu (буквально: «синяя сказка» – бабьи сказки – «эбиләр әкият» или «юк-бар сүз» по-татарски, дословно: слово, означающее «то ли есть, то ли нет»; elle est bleue, celle-là (буквально: «а эта – синяя») – «уйдырма» по-татарски – эка небылица! И, наконец, les diables bleus, то есть буквально «синие черти» – тоска. Примечательно, что русским тоска кажется зелёной («яшел сагыш» по-татарски, но цветоощущение тоски у татар более насыщенное: от «ак сагыш» как эквивалента лёгкой печали до «зэнгәр сагыш» – тоски по несбыточному, к «сары сагыш» – аналогу сплина, и, в конце концов – «кара сагыш» как крайнюю безысходность).

Существуют и многозначные колоридиомы, например: bleu comme la poule à Simon (буквально: синий, как курица Симона) имеет три значения, и все негативные:

- 1) заблудившийся («адашкан» по-татарски);
- 2) в панике, перепуганный («бик нык курыккан» по-татарски);
- 3) консерватор («кадимче» по-татарски).

С последним из них коррелирует колоридиома une Chambre bleu horizon – Голубая палата (реакционная палата депутатов во Франции, избранная в 1919 году, названная по цвету офицерских шинелей).

Или un coup bleu (буквально: «синий удар»):

- 1) выстрел в воздух («юкка ату»), то есть буквально «холостой выстрел» по-татарски);
- 2) напрасный труд («файдасызга көч түгү», то есть буквально: «бесполезно проливать силы» по-татарски).

Или une dentelle bleue:

- 1) английские кружева (изготавливаемые в Ковентри) – «инглиз челтәр» по-татарски;
- 2) женщина в голубом – «зэнгәр киемле хатын-кыз» по-татарски.

Или un col bleu (буквально: синий воротничок):

- 1) военный моряк – «хәрби дингезче»;
- 2) рабочий – «эшче».

Или un cordon bleu:

- 1) голубая орденская лента кавалера ордена Святого Духа, то есть «человек с большими заслугами» – «зур кеше» по-татарски;
- 2) искусная кухарка – «эйбэт пешерүче» по-татарски.

И лишь в исключительных случаях этот цвет имеет во французском языке положительные коннотации. В эпоху Возрождения, согласно М. Пастуро, синий цвет стал «королевским» и очень престижным. Отсюда такие колоридиомы как: le sang bleu – «голубая кровь», но «аксөяк» по-татарски, что означает «белая кость», то есть «аристократ»; un ruban bleu – орденская лента – «орден тасмасы» по-татарски; une bibliothèque bleue – рыцарские романы для детей от 4 до 8 лет; un bifteck

bleu – кровавый бифштекс – «канлы бифштекс»; le ciel est bleu partout – буквально: «небо везде синее» – свет клином не сошелся, а в татарском языке – «дөнья киң / иркен», дословно: «мир просторный», или «кайда да бер кояш», дословно: «солнце везде одно и то же». Поскольку Франция омывается морями с трёх сторон, там распространено понятие l'huile bleue (голубое масло) об энергии ветра, приливов и отливов, трансформировавшееся у нас в голубой уголь – «зэңгәр күмер» – уже только об энергии ветра. Зато в русском языке существует колоридиома «голубое топливо» – «зэңгәр ягулык» по-татарски, отсутствующее у французов, не обладающих месторождениями газа. В современном западном обществе, утверждает М. Пастуро, синий цвет является любимым цветом, поскольку символизирует спокойствие и умиротворённость, отсюда возникла идиома les casques bleus – «голубые каски» – «зэңгәр каскалар». В русском языке появилась ещё уникальная колоридиома «голубые береты» – просто les parachutistes во французском языке.

В окружающем нас мире цвет не существует сам по себе. Он всегда привязан к какому-либо классу объектов и не существует как самостоятельный денотат. Он растворен в природе и является ее частью. Например: синее небо, рыжая лиса, черная земля, белый снег, белый или серый заяц [Ахметьянов, с. 8]. Какого же цвета лошадь? Обычно она гнедая, но если конь, то вороной, а мерин – сивый. Как видим, колоронимы, описывающие масти лошадей, достаточно специфичны и не употребляются для цветоименований других предметов или животных. С другой стороны, лишь дилетант может назвать лошадь коричневой или чёрной. Лошадиные масти – тема чрезвычайно интересная, поскольку лошади – одни из самых благородных животных на Земле, уже на протяжении тысячелетий живущие рядом с человеком, приносящие ему неоценимую пользу и, не смотря на современный прогресс, до сих пор украшающие нашу жизнь [Максютова, с. 18]. Человеку ласкает взор не только лошадиная стать и умные глаза, но и её окрас. Следовательно, наличие разнообразных лошадиных мастей неразрывно связано с проблематикой цветовосприятия, некоторые филологи, такие как Шавалиев В.В., выводят их в отдельную цветовую категорию. Г.А. Исхакова, например, насчитывает их более сорока в татарском языке [Исхакова, с. 152]. Р.Г. Ахметьянов утверждает, что раньше их было ещё больше [Ахметьянов, с. 71]. Примерно ту же самую картину мы наблюдаем и во французском языке. В связи с данным разнообразием мастей и возникает главная сложность их анализа, которую отмечала и В.Г. Кульпина [Кульпина, с. 230].

В частности, в наименованиях мастей встречается много алогизмов. Например: сивая масть по-татарски будет «күк», а светло-сивая – не «аккүк», что было бы логично, а «акбүз». А всё дело в том, что кроме лексемы «күк», обычно в татарском языке означающей синий цвет, существует ещё и слово «бүз», со значением «сероватый, пепельный цвет» в то время как пепел по-татарски – вовсе не «бүз», а «көл». Было бы странным, если бы во французском – самом рациональном языке в мире, существовали подобные противоречия. Французский язык уходит от них за счёт метафоричности наименований мастей. Так, «акбүз» по-французски – *perle*, что означает «жемчужина», а «бүз» – *silver*, что значит «серебро» по-английски. Здесь необходимо признать, что французский язык при номинации лошадиных мастей часто прибегает к иностранным заимствованиям, и не обязательно английским. Так, тот же самый этноним «акбүз» может

означать и *perlino* а-ля итальяно, а «ала-тилэ» - пегая лошадь с белой гривой – *palomino*, что созвучно с португальским *palombino*, означающее «белый мрамор», *gabicano* по-испански – «белохвостый». Это масть с белыми подпалинами по бокам и хвостом, *overo* по-испански – масть с тёмными пятнами на белом фоне, *sooty* по-английски – чёрный как сажа, а *dun* – коричневатосерый. Для французов эта цветолексика, видимо, не вызывает больших затруднений, поскольку английский сейчас учат все, а итальянский, испанский и португальский – родственные языки, принадлежащие одной языковой группе – романской. Кроме того, отличие цвета серебра от жемчуга представляется более наглядным, нежели сивого – от светло-сивого.

Аналогично, «бурлы» по-татарски означает и *grivelé* (чалый – серый с примесью другого цвета), и *alezan* (каурый – светло-каштановый). В то время как сам колороним «чалый» происходит от татарского «чал», что и переводится как «седой» и обозначает, в том числе и чалую масть. В итоге, на один термин «чалый» в русском языке приходится два в татарском: «чал» как светло-серый и «бурлы». Очевидна общая этимология татарского и русского колоронимов «бурый» и «бурлы», восходящая к турецкому *bug* – «рыжая масть», в свою очередь, заимствованному от персидского *bōg* – «красно-коричневый». Но, вопреки логике, в обиходе «бурый» по-татарски будет «коңгырт», а именно бурая масть в иппоколористике – «коба». Следует заметить, что и в коричневой части цветового спектра татарский и французский язык одинаково богаче русского: в татарском языке существует колороним «көрән» как цвет корицы или жареного кофе и «коңгырт» как тёмно-бурый, *кызгылт көрән* (буквально: красно-бурый), *коңгырт сары* (жёлто-бурый). Аналогично во французском языке одному русскому колорониму «коричневый» соответствует два: *maillon* и *brun* как «тёмно-коричневый». В русском же языке с течением времени колороним «бурый» заметно потускнел: от красно-коричневого к серо-коричневому в нейтральном контексте.

Именно древность данного пласта лексики может оправдать её не совсем однозначное восприятие. Например, многие ли опишут буланого коня? А ведь это светло-рыжий (жёлтый, по М. Фасмеру) с чёрным хвостом и гривой.

Что касается количества мастей и отмасток, то в современном татарском языке их насчитывается около шестидесяти, а во французском – приблизительно семьдесят. Эту же тенденцию подмечает В.Г. Кульпина и в отношении польского языка, в котором наименований мастей лошадей больше, чем в русском [Кульпина, с. 311].

Для некоторых мастей в татарском языке вообще не нашлось колоронимов. Так, в татарском языке отсутствует номинация для целой группы пегих отмасток, например: *pie noir léopard* – белая лошадь с чёрными леопардовыми пятнами, *pie noir saré* (дословно: с чёрной шляпой-котелком) – белая лошадь с чёрной головой, а маститый конь с белыми пятнами на задних ногах и спине образно называется *pie noir givré* (дословно: пегий чёрный конь, покрытый инеем), а белый с рыжим и чёрной гривой – *pie bai sabino*. В данном случае французский язык заимствует из испанского, на котором *sabino* означает «светло-гнедая». Французы настолько одухотворяют лошадь, что при её описании используют анималистическую метафоричность, поскольку *la pie* по-

французски – сорока. Для восполнения данной лакуны в татарском языке было бы целесообразно назвать белую лошадь с чёрными леопардовыми пятнами «ала каплан». Что касается остальных потенциальных калек, то они пока ещё весьма сомнительны.

Не удалось обнаружить в татарском языке и такие этноцвета как золотисто-буланный – champagne, то есть цвет шампанского, и серо-жёлтоватый – tourdille, этимологически восходящий к существительному le tourd, означающему «сизоголовый дрозд». Калька с французского «шампанский төсе» уже появилась в татарском языке, но пока ещё не в иппоколористике. Что же касается «милэш чыпчыгы төсе», то появление данного этноцвета представляется маловероятным ввиду малой распространённости дроздов в ареале татар.

С другой стороны, во французском языке отсутствует такой этноцвет как «кан жирән» – кроваво-рыжий. Французы, как и все европейцы, вполне обходятся колоронимом «кроваво-красный» – rouge sang, который, в свою очередь, манкируется в тюркских языках. Нет в остальных исследуемых языках и аналогов таких легендарных для татарского народа коней как Акбүзат (буквально: светло-сивый конь) – символ дня, Күкбүзат (дословно: светло-серый конь) – аллегория вечера, Тимеркара (вороной со стальным отливом) – олицетворение ночи. Татары говорят о чередовании времени суток: «Тимеркараны акбүзат куа, акбүзатны күкбүзат куа». Примечательно, что в татарском языке отсутствует аллегория утра, в то время как в остальных языках лишь она и наличествует в виде богини утренней зари Авроры.

В результате мне удалось составить небольшой татаро-русско-французский глоссарий лошадиных мастей:

ак – белая – blanche;

аксыл сары – кремовая – crème;

аксыл жирән – светло – рыжая – rousse claire, palomino charbonnée/ fumée/ cuivrée;

акбүз – светло – сивая – perlino/ pèrle;

ала – пегая (разномастная) – pie;

ала – кола – саврасо – пегий/ булано – пятнистая – pie noire tovero;

ала – тилә – пегая лошадь с белой гривой – pie baie tobiano;

ала күк – пего – сивая – palomino claire;

алма күк – сивая в яблоках – grise tisonnée/ pie alezane overo;

алмачуар – серая в яблоках – grise pommelée;

болан – буланая (светло – рыжая с чёрным хвостом и гривой) – isabelle;

бүз – сероватая – silver;

бүртә – мухортая (гнедая с желтоватыми пятнами) – baie avec les chanfreins blancs;

бурлы – каурая (светло – каштановая) – alezane;

бурлы ала – чало – пегая (с белыми пятнами на тёмно – рыжем фоне) – la floconnée;

бурлы кара – вороно – чалая – gouane;

бурлы күк – сиво – чалая – grise truitée;

бурлы жирән – рыже – чалая – pincharde;

бурлы туры/ туры бурлы – гнедо – чалая – rabicano;
 жирэн ала – рыже – пегая – baillette;
 калтар – чёрно – бурая – argentée;
 кара – вороная – noire morelle/ sooty/ la frisonne;
 кара коба – чёрно – бурая – baie brune;
 кара күк – тёмно – сивая – grise – brune;
 кара – туры – караковая – noire pangarée;
 кашка ат – лошадь со звездочкой во лбу – cheval avec losange/ pelote/ croissant;
 кир ат (борын очлары, аяклары сары төстә) – подласая – arzèle;
 коба – бурая (с белыми вкраплениями) – alezane brûlée;
 ак коба – бледно – бурая – baie claire;
 коба кызыл – муругая (рыже – бурая) – aquilaine;
 коба туры – бурая (тёмно – коричневая с красноватым отливом) – baie foncée;
 кола – соловая (бледно – жёлтая со светлыми хвостом и гривой) – aubère granitée;
 аксыл – кола – светло – булановая – café – au – lait;
 ак кола – бледно – саврасая/ буланая – cremello ;
 куе болан – тёмно – буланая – champagne ambre ;
 кола жирэн – булано – саврасая – dune;
 күк – сивая – grise;
 ак күк – бледно – сивая – grise claire;
 күкбүз – светло – серая – grise claire;
 күк – ала – сиво – пегий – pie grise;
 күк – жирэн – сиво – железовая – grise rousse/ fer;
 сары – саврасая (светлая гнедая с чёрными хвостом и гривой) – louvette/ isabelle fumée;
 саф/ бер төсле – маститая – zaine;
 соры – серая – grise;
 тычкан төсе – мышастая – grise souris / crins lavés;
 тонык сары – палевая – isabelle pangarée;
 тимер – күк – тёмно – сивая/ сивостальная – noire granitée / tourterelle / foncée;
 таргыл – тёмно – рыжая – l'alezane cuivrée / foncée;
 туры – гнедая – baie;
 туры ала – гнедо – пегая – baie granitée / baie cerise;
 туры кола – гнедо – саврасая (красно – коричневая) – baie fumée;
 тәңкә чуар – гнедая в яблоках – baie pommelée/ miroitée / à miroir;
 чагыр – чагравая (тёмно – пепельная) – grise cendrée à noirs;
 чал – чалая (серая с примесью другого цвета) – grivelée;
 чаптар – игреня (светло – рыжая с белесоватыми гривой и хвостом) – balzane ;
 чөлкәр – иссиня – чёрная – bleue – noire;

чуар – чубарая (с тёмными пятнами по светлой шерсти) – truitée / tisonnée / pie baie tobiano.

Как видим, цветовосприятие сильно отличается в исследуемых мною языках, за исключением современных словообразований, когда появившись в одном языке, в процессе глобализации оно быстро калькируется другими языками. Цветообозначения составляют неотъемлемую часть нашего повседневного сознания, обладают различными коммуникативными интенциями, входят в ритуальную символику, являются знаком культуры определённой исторической эпохи. Цвет рассматривается мною как определённый угол зрения на «картину мира», отраженный в каждом отдельно взятом языке через восприятие этого мира носителем языка. Уже древнегреческие философы пользовались цветом для характеристики голоса, душевного состояния и прочих внутренних свойств человека. Это было образным переводом информации с одного языка в другую семиотическую систему, когда непонятное эксплицируется уже известными понятиями.

Изучение фразеологии также затрагивает сферу народной культуры. Фразеологизмы с цветообозначениями – колоридиомы занимают важное место в современных исследованиях, так как отражают особенности менталитета, верования, традиции, систему ценностей того или иного народа. Они представляют собой символы, стереотипы культурного мировидения. Изучение колоронимов во фразеологии отражает национальную специфику французского, других европейских языков, татарского в том числе. В данной статье удалось наглядно продемонстрировать не актуальность дихотомии «синий - голубой» для большинства европейских народов. Примечательно, что и в русском языке существует прилагательное «сине-голубой» например, для описания дали, в котором и наблюдается та самая европейская когезия обоих этих понятий. К сожалению, в силу своей громоздкости, оно мало употребляемо. Правильное и уместное употребление колоридиом придает речи неповторимое своеобразие, особую выразительность, меткость, образность, поэтому результаты данного исследования имеют практическое применение – для успешного преподавания французского и татарского языков, а также в области сопоставительной лексикологии и фразеологии.

Литература

1. *Арапов М.В.* Квантитативная лингвистика. М.: Наука, 1988. 184 с.
2. *Ахметьянов Р.Г.* Некоторые названия лошадей в татарском языке // Советская тюркология. 1975. № 2. С. 69–76.
3. *Ахметьянов Р.Г.* Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. М.: Наука, 1988. 200 с.
4. *Гак В.Г.* Сопоставительная лексикология. М.: Международные отношения, 1977. 264 с.
5. *Исхакова Г.А.* О названиях мастей лошадей в татарском языке // Вестник Чувашского университета № 3. Изд-во: Чувашский гос. ун-т им. И.Н. Ульянова, 2008. С. 151–154.
6. *Кульпина В.Г.* Лингвистика цвета: Термины цвета в польском и русском языках. - М.: Московский Лицей, 2001. 470 с.
7. *Максютова Н.Х.* Терминология коневодства у башкир // Вопросы лексикологии и лексикографии. Уфа, 1983. С. 18–26.
8. *Надергулов У.Ф.* Животноводческая лексика башкир. Уфа, 2000. 185 с.
9. *Пастуро М.* Синий. История цвета. М.: НЛЮ, 2015. 144 с.
10. *Светличная Т.Ю.* Сравнительные лингвокультурные характеристики цветообозначения и цветовосприятия в английском и русском языках: дисс... канд. филол. наук. Пятигорск, 2003.
11. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1987.
12. *Фрумкина Р.М.* Цвет, смысл, сходство. М.: Наука, 1984. 175 с.
13. *Шевцова В.А.* Феномен цвета в русской фразеологии. Сб. научн. ст. // Языки мира – в мир языков. Минск: БГУ, 2006. С. 163–170.

References

1. Akhmetianov R.G. *Nekotoryye nazvaniya loshadey v tatarskom yazyke* // Sovetskaya tyurkologiya. 1975. № 2. P. 69–76. (in Russian).
2. Akhmetianov R.G. *Obshchaya leksika materialnoy kultury narodov Srednego Povolzhia*. M.: Nauka. 1988. 200 p. (in Russian).
3. Arapov M.V. *Kvantitativnaya lingvistika*. M.: Nauka. 1988. 184 p. (in Russian).
4. Fasmer M. *Etimologicheskiy slovar russkogo yazyka*. M., 1987. (in Russian).
5. Frumkina R.M. *Tsvet. smysl. skhodstvo*. M.: Nauka. 1984. 175 p. (in Russian).
6. Gak V.G. *Sopostavitelnaya leksikologiya*. M.: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 1977. 264 p. (in Russian).
7. Iskhakova G.A. *O nazvaniyakh mastey loshadey v tatarskom yazyke* // Vestnik Chuvashskogo universiteta № 3. Izd-vo: Chuvashskiy gos. un-t im. I.N. Ulianova. 2008. P. 151–154. (in Russian).
8. Kulpina V.G. *Lingvistika tsveta: Terminy tsveta v polskom i russkom yazykakh*. M.: Moskovskiy Litsey. 2001. 470 p. (in Russian).
9. Maksyutova N.Kh. *Terminologiya konevodstva u bashkir*// Voprosy leksikologii i leksikografii. Ufa. 1983. P. 18–26. (in Russian).
10. Nadergulov U.F. *Zhivotnovodcheskaya leksika bashkir*. Ufa. 2000. 185 p. (in Russian).
11. Pasturo M. *Siniy. Istoriya tsveta*. M.: NLO. 2015. 144 p. (in Russian).
12. Shevtsova V.A. *Fenomen tsveta v russkoy frazeologii. Sb. nauchn. st.* // Yazyki mira – v mir yazykov. Minsk: BGU. 2006. P. 163–170. (in Russian).
13. Svetlichnaya T.Yu. *Sravnitelnyye lingvokulturnyye kharakteristiki tsvetooboznacheniya i tsvetovospriyatiya v angliyskom i russkom yazykakh*. Diss.... kand. filol.nauk. Pyatigorsk. 2003. (in Russian).

Автор публикации

Фахретдинов Рустам Мэлисович – кандидат филологических наук, доцент кафедры европейских языков и культур Высшей школы иностранных языков и перевода Института международных отношений Казанского федерального университета, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18.

E-mail: roustam@mail.ru

Author of the publication

Rustam M. Fakhretdinov – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Department of European Languages and Cultures in Institute of International Relations at the Kazan Federal University, Kazan, Kremlevskaya str. 18.

E-mail: roustam@mail.ru

Поступила в редакцию: 12.11.2018.

Принята к публикации: 24.11.2018.

УДК 81'44

ЛАКУНЫ ТАТАРСКИХ БЫТОВЫХ РЕАЛИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ КАК ПОКАЗАТЕЛИ РАЗНИЦЫ КОНЦЕПТОСФЕР

Г.М. Нуртдинова

Gulnara.Nurtdinova@ksu.ru

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация. По причине малой степени освоенности татарской действительности английской лингвокультурой остро встает проблема перевода произведений татарской литературы и фольклора на английский язык с целью ознакомления мировой общественностью с ними. Одной из переводческих проблем при этом является проблема передачи безэквивалентной лексики, в том числе татарских культурных концептов на английский язык. Для решения указанной проблемы ставится задача создания английского толкового словаря татарских культурных концептов. В статье представлен фрагмент проекта английского толкового словаря лексико-семантической группы «Бытовые реалии» и расчет величины коэффициента семантической удаленности для данной группы как показатель степени удаленности концептосфер. В ходе исследования применялись методы компонентного и сравнительно-сопоставительного анализов. Результаты показывают степень удаленности концептосфер, причем меньше всего совпадений концептов можно наблюдать в концептосфере «Религия», что объясняется разными условиями исторического развития.

Ключевые слова: эквивалент, безэквивалентная лексика, реалия, лакуна, коэффициент семантической удаленности.

Для цитирования: Нуртдинова Г.М. Лакуны татарских бытовых реалий в английском языке как показатели разницы концептосфер // Казанский лингвистический журнал. 2018. Том 1, № 3 (3). С. 43–49.

LACUNAS OF TATAR CULTURE SPECIFIC NOTIONS IN ENGLISH

G.M. Nurtdinova

Gulnara.Nurtdinova@ksu.ru

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract. Due to the low degree of development of the Tatar reality by the English linguoculture, there is a problem of translating the works of Tatar literature and folklore into English, in order to familiarize the world community with it. One of the translation problems is the problem of translation Tatar cultural concepts into English. To solve this problem, the task to create an English explanatory dictionary of Tatar cultural concepts has been set. The article presents a fragment of the draft of the English explanatory dictionary of the lexical-semantic group “Household Realities” and the calculation of semantic distance coefficient for this group as an indicator of the degree of remoteness of the concept-spheres. During the study, the methods of component and comparative analyses have been used. The semantic distance coefficient for this group made up 8.1, whereas for the ‘Family’ group it made 8.57, for the ‘Food’ group - 9.93, for the ‘Measures and Money’ group 12.7 and for the ‘Religion’ group 12.44. These figures show the degree of remoteness of the concept spheres. The least coincidence of concepts can be observed in the concept sphere “Religion”, which can be explained by different conditions of historical development.

Keywords: equivalent, non-equivalent vocabulary, reality, lacuna, semantic distance coefficient.

For citation: Nurtdinova G.M. Lacunas of Tatar Culture Specific Notions in English // Kazan linguistic journal. 2018. Vol. 1, No. 3 (3). Pp. 43–49.

Одной из задач современной лингвистики является описание мира в языке, то каким образом язык представляет видение мира каждым конкретным народом. Представление о мире преломляется в

культурной картине мира и репрезентируется с помощью языковых единиц. Этими вопросами занимаются такие отрасли науки, как компаративная лингвистика, этнолингвистика, фольклористика, сопоставительная лексикология и др. Поскольку связь между культурой и языком большей частью проявляется в лексической системе языка, то в центре внимания многих ученых находятся лексические единицы, в том числе культурно-маркированные, которые определяются как реалии. Н.А. Фененко считает, что «Реалии выступают как наиболее регулярные и наиболее частотные единицы с национальной спецификой. <...> Участвуя в оппозиции «свой/чужой», реалии становятся одной их составляющих, обеспечивающих взаимопонимание межкультурного диалога как способа и средства поддержания и развития культуры». [Французские... с. 4]. Многие ученые занимались исследованием реалий, это С. Влахов, С. Флорин, В.Г. Гак, Л.С. Бархударов, Г.Д. Томахин, В.С. Виноградов, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров и другие. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров относят реалии к безэквивалентной лексике и дают следующее определение: «Слова, план содержания которых невозможно представить с какими-либо иноязычными понятиями, называются безэквивалентными» [Верещагин, с. 42]. Согласно приведенным этими же учеными данным, безэквивалентная лексика, как правило, составляет небольшой процент от общего лексического состава языка (6–7% в русском языке), но именно она является одним из источников заимствования [Верещагин, с. 51]. Они также делают вывод: «Судить о том, можно ли определенное слово назвать безэквивалентным, допустимо лишь по отношению к какому-либо языку. При этом нередко случается, что слово, являющееся безэквивалентным по сравнению с лексикой языка Б, оказывается полностью эквивалентным применительно к языку В» [Верещагин, с. 45]. То есть эквивалентом реалии в одном языке может быть лакуна, а в другом эта же единица может иметь эквивалент.

Лингвисты Воронежского государственного университета А.А. Кретов и И.С. Воронкова в коллективной монографии «Французские и русские реалии в аспекте теории межъязыковой реноминации» рассматривают статус терминов «реалия» и «лакуна» [Французские...]. Они пишут: «Языковые лакуны, как и языковые реалии – категории контрастивной (конфронтативной) лингвистики. Отсутствие в языке Б явления X, понятия Y или слова Z, представленных в языке А, является R-, C- или L-реалией с точки зрения языка Б» [Французские... с. 33]. Таким образом, культурно-маркированные единицы необходимо изучать на паре конкретных языков. В данной работе мы представляем фрагмент английского толкового словаря, составление которого является начальным этапом параметрического анализа лексической системы татарского языка. Также мы вычисляем величину коэффициента семантической удалённости для ЛСГ «Бытовая лексика», который является показателем разницы концептосфер.

Нами были исследованы татарские народные сказки, записанные со слов жителей татарских деревень и опубликованные на татарском языке в 1940 г. [Татарские...]. Мы выделили реалии методом сплошной выборки. Всего было отобрано 579 единиц. Выбор материала обусловлен тем, что в сказках, как в зеркале, отражаются культура, быт, традиции и история любого народа. Язык сказок содержит большое количество культурно-маркированных языковых единиц, к которым относятся и реалии, являющиеся объектом нашего исследования.

Критерием отбора, согласно методу, разработанному лингвистами Воронежского государственного университета (Н.А. Фененко, А.А. Кретов, И.С. Булгакова и др.), послужило отсутствие эквивалента в английском языке. Различия в вербализации явлений и предметов среды обитания становится очевидной при сопоставлении любых одинаковых ЛСГ двух и более языков [Французские... с. 74]. В данной статье мы подробно рассматриваем одну из лексико-семантических групп татарских реалий «Бытовые реалии» и представляем расчет коэффициентов семантической удаленности для лексических единиц данной группы относительно их коррелятов в английском языке. Отсутствие эквивалентов в английском языке объясняется, главным, образом, разными природными условиями существования. Практически все они представлены описательно в дефинициях татарско-русского словаря и, либо полностью отсутствуют в словарях английского языка, либо представлены их транскрибированные и транслитерированные варианты.

Следующим шагом нашего исследования является определение коэффициента семантической удаленности (КСУ) для ЛСГ татарского языка «Бытовые реалии» относительно их лакун в английском языке. В 1979 году В.В. Налимов [Налимов] разработал метод описания характеристики содержательной стороны толкуемого слова) и, впоследствии ее применил В.Т. Титов [Титов] для вычисления коэффициента семантической удаленности любых пар языков. В соответствии с данным методом, критерием отбора лексической единицы для вычисления коэффициента семантической удаленности, служит следующее положение: если одному слову любого языка соответствует одно слово в метаязыковой части двуязычного словаря, то это значит, что оба языка членят семантическую сферу сходным образом, формируя сходные концепты. Но если для толкования слова требуется несколько слов, то это указывает на отсутствие аналогичного концепта в другом языке. В.Т. Титов делает вывод, что чем больше слов требуется для толкования значений, тем меньше общего у этих концептосфер. [Титов, с. 69]. Для расчета коэффициента семантической удаленности необходимо получить данные о количестве дефиниций в двуязычном словаре и их распределении по количеству слов в дефиниции. Затем требуется вычислить общее количество слов во всех дефинициях. Для этого нужно умножить количество слов каждой дефиниции на количество самих дефиниций и общая сумма итоговой суммы дает нам величину D – сумму всех слов во всех дефинициях. Автор приводит формулу вычисления коэффициента семантической удаленности для конкретного языка: $КСУ = D: Q$, где Q – количество всех дефиниций в словаре.

Ниже мы приводим фрагмент английского толкового словаря татарских реалий, а именно ЛСГ «Бытовые реалии». Необходимо также отметить, что мы рассматриваем в качестве реалий лексические единицы, представленные только именами существительными. Так как на данный момент не существует английского толкового словаря татарских реалий, то дефиниции были составлены автором и отредактированы носителем языка (США). В конце каждой дефиниции представлено количество толкуемых слов (в порядке убывания).

Хэситэ (Hycita) – n. a female breast jewelry put on through a shoulder; Amulet in the shape of a small pocket where the writing of praise poem addressed to beloved girl is located 30;

Зиндан (zindan) – n. prison, jail in eastern countries, originally a deep hole with a wooden or metal grade on the top, where a crime is sitting 24;

Майдан (maidan) – n. open space in or near a town, used as a parade ground or for events such as public meetings; place, square 22;

Базар (bazaar) – n. a market in a Middle Eastern country; sale to raise money for charity 14;

Казан (Kazan) – n. cauldron, very large, round metal pot used for cooking over a fire 13;

Сәндерә (sandarya) – n. a plank bed usually set between a stove and an opposite wall 13;

Тирәз (tiryaz) – n. a small window in a cattle shed or a bath house 12;

Жәйләү (zhaylyau) - n. a summer stand for nodmen, tent for herds in summer 11;

Корык (Koryk) – n. a long stick with a rope loop at the end 11;

Киштә (kishta) – n. a shelf for house things used for bread preserving 10;

Мич (mich) – n. a stove with an oven and a stove bench 10;

Эчмәк (echmyak) – n. a drink; a line for sweat cloth; knitted mittens 10;

Янчык (yanchyk) – n. a small sack, usually for tobacco, tobacco pouch 9;

Жәймә (zhayma) – n. a tablecloth; a sheet; a roll of dough 9;

Шөшле (sheshle) – n. a curve needle for weaving bast shoes 8;

Салаш (salash) – n. a shelter supported by a forest tree 8;

Кара мунча (kara muncha) – a bath house heated by a chimneyless stove 8;

Өй (Iy) – n. home, house, place of family living 7;

Тустаган (tustagan) – n. a wooden ladle or wooden cup 7;

Саба (saba) – n. a jug for water or koumiss 7;

Мунча (muncha) – n. a bath house, a vapor house 7;

Тыккыч (tykkych) – n. a wooden filling knife for caulking 7;

Тамга (tamga) – n. a brand; mark; ear mark; sign 7;

Палас (whole-floor) carpet – n. a carpeting, two-side carpet without pile 7;

Йорт (Yort) – n. house; home; building; establishment; hut 6;

Чәрмә (chyarma) – n. a bag for wedding gifts 6;

Юкагач (yukagach) – n. a long lime stick/pole 6;

Сарай (saray) - n. palace in eastern countries 5;

Камчы (kamchy) – n. a Tatar whip knout 5;

Тырыс (tyrys) – n. a birch bark container 5;

Кәжәнкә (kazhanka) – n. a public wine shop 5;

Чынаяк (chynayak) – n. a china/porcelain cup 5;

Сугымлык (sugymlyk) – n. animals, fattened for slaughtering 5;

Арба (arba) – n. a bullock cart 4;

Баг (Bag) – n. a flower garden 4;

Кулаша (kulasha) – n. tray with handles 4;

Хуржин (hurdjin) – n. a road sack 4;

Игэнэ (Igyanya) - n. a wooden trough 4;

Пулат (pulat) – n. a palace, chambers 4;

Чыгыр (chygyr) – n. a small cart 4;

Чэйнэ (chaunya) – n. a tea house 4;

Тубал (tubyal) – n. a bast basket 4;

Сэке (sake) –n. plank bed 3;

Яргыч (Yargych) – n. peeling mill 3;

Количество толкуемых слов	Реалии	Общее количество
3	2	6
4	9	36
5	6	30
6	3	18
7	7	49
8	3	24
9	2	18
10	3	30
11	2	22
12	1	12
13	2	26
14	1	14
22	1	22
24	1	24
30	1	30
–	Q=44	D=361
–	Kcy =D/Q	–

$$Kcy = 8.2$$

С середины XX века многие российские и зарубежные лингвисты начали заниматься вопросами определения параметров культуры через призму языковых единиц, как носителей информации о культуре. Особый интерес вызывают культурно-маркированные единицы, то есть реалии. На сегодняшний день существует множество определений этого термина, так как он был заимствован из других отраслей науки. Реалии рассматривают такие науки как лингводидактика, лингвострановедение, переводоведение, культурология и др. Но ученые до сих пор не пришли к единому мнению об их статусе и дефиниции. Более того, предпринимались попытки составить классификации реалий, но, к сожалению, единых критериев для их составления также не выработаны. Некоторые зарубежные лингвисты, рассматривают реалии с точки зрения переводоведения. Машади Саид [Said] анализирует способы перевода реалий с индонезийского языка на английский. Как уже было сказано выше, можно ли определенное слово назвать реалией, допустимо лишь по отношению к какому-либо языку. В последнее время многие работы

посвящены способам перевода реалий. Обобщение и систематизацию способов перевода можно найти в статье Морены Брачай [Braçaj]. На самом деле количество способов перевода реалий достаточно ограничено: это транслитерация, транскрибирование, калькирование, экспликация, подбор аналога. Все эти способы имеют недостатки и достоинства, но проблема способов передачи реалий на другой язык так и не решена. Одна из теорий, рассматривающих реалии, является теория реноминации, представленная учеными Воронежского государственного университета. Данная теория позволяет проследить процессы освоения языком «чужой» действительности.

Создание толкового словаря реалий на иностранном языке является одной из задач для решения проблемы передачи реалий. Кроме того, такой словарь позволит выполнить параметрический анализ лексики и рассчитать величину коэффициента семантической удаленности для любых пар языков, а также показать степень удаленности концептосфер. Концептосфера состоит из концептов, которые репрезентируются лексемами. То есть триада «предмет» – концепт – слово» конкретизирует взаимовлияние языков и культур [Французские... с. 5].

В данной статье представлена величина коэффициента семантической удаленности для татарских реалий группы «бытовые реалии» относительно их лакун в английском языке. Также представлена величина коэффициента семантической удаленности, которая составила 8.2. Согласно полученным ранее данным, КСУ для группы «Семья» составил 8.57, для группы «Меры и деньги» – 12.1, для группы еда – 9.93, для группы «Религия» – 12.44. Здесь также представлен фрагмент словаря группы «Бытовые реалии», что является частью проекта английского толкового словаря татарских реалий. КСУ для указанных групп позволяет определить степень удаленности концептосфер, и показывает сферы, где реальность проявляется по-разному для татарского и английского народов и которые могут стать причиной конфликтов из-за отсутствия схожих концептов, номинируемых реалиями.

Литература

1. Braçaj, M. (2015). Mediterranean Journal of Social Sciences 6 (1S1), DOI: 10.5901/mjss.2015.v6n1s1 Pp. 476–480.
2. Longman Dictionary of Contemporary English. Режим доступа: <http://www.ldoceonline.com>
3. Said M. (2016) Translating culture-specific concepts (CSCs) from Indonesian into English. Режим доступа: http://www.academia.edu/19975565/translating_culture-specific_concepts_cscs_from_indonesian_into_english.
4. Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М., 1990. 246 с.
5. Налимов В.В. Вероятностная модель языка: о соотношении естественных и искусственных языков. М., 1979. 304 с.
6. Татарские народные сказки. Книга первая. Татарское книжное издательство. Редакция художественной литературы. Казань, 1958. 359 [на татарском].
7. Туттов В.Т. Общая квантитативная лексикология романских языков. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002. 240 с.
8. Французские и русские реалии в аспекте теории межъязыковой реноминации: монография [и др.] под ред. Н.А. Фененко, А.А. Кретьова. Воронеж: изд.-полиграф. центр Воронеж. гос. ун-та, 2013. 220 с.
9. Электронный словарь АБВУУ Lingvo x3 [Электронный ресурс] (CD-ROM).

References

1. Braaj, M. (2015). Mediterranean Journal of Social Sciences 6(1S1). DOI: 10.5901/mjss.2015.v6n1s1 Pp. 476–480. (In English).
2. Elektronnyy slovar АВВУУ Lingvo x3 [Elektronnyy resurs] (SD-ROM). (In English).

3. *Frantsuzskiyе i ruskiyе realii v aspekte teorii mezhyazykovoy renominatsii: monografiya [i dr.] pod red. N.A. Fenenko. A.A. Kretova.* Voronezh: izd.-poligraf. tsentr Voronezh. gos. un-ta. 2013. 220 p. (in Russian).
4. *Longman Dictionary of Contemporary English.* Rezhim dostupa: <http://www.ldoceonline.com> (In English).
5. Nalimov V.V. Veroyatnostnaya model yazyka: o sootnoshenii estestvennykh i iskusstvennykh yazykov. M. 1979. 304 p. (in Russian).
6. Said M. (2016) *Translating culture-specific concepts (CSCs) from Indonesian into English.*
7. Rezhim dostupa: http://www.academia.edu/19975565/TRANSLATING_CULTURE-SPECIFIC_CONCEPTS_CSCs_FROM_INDONESIAN_INTO_ENGLISH.
8. *Tatarskiye narodnyye skazki.* Kniga pervaya. Tatarskoye knizhnoye izdatelstvo. Redaktsiya khudozhestvennoy literatury. Kazan. 1958. 359 p. [in Tatar].
9. Titov V.T. *Obshchaya kvantitativnaya leksikologiya romanskikh yazykov.* Voronezh: Izd-vo Voronezh. gos. un-ta. 2002. 240 p. (in Russian).
10. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. *Yazyk i kultura.* M. 1990. 246 p. (in Russian).

Автор публикации

The Author of the Publication

Нуртдинова Гульнара Мухтаровна – преподаватель кафедры теории и практики перевода, Казанский федеральный университет, ул. Кремлевская, 18, 420008, г. Казань, Россия.

Gulnara M. Nurtdinova – Department of Translation Theory and Practice, Kazan Federal University, 18, Kremlevskaya str., 420008, Kazan, Russia.

Email: Gulnara.Nurtdinova@ksu.ru

Email: Gulnara.Nurtdinova@ksu.ru

Поступила в редакцию: 10.10.2018.

Принята к публикации: 12.11.2018.

ЖАНРОВО-ВИДОВАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЯЗЫКОВОГО ТВОРЧЕСТВА В ИНТЕРНЕТЕ И РУНЕТЕ

О.К. Мельникова
melnikova.olga@mail.ru

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация. Данная работа посвящена проблеме дифференциации современной словесности, средой бытования которой являются интернет и Рунет. На основе проведенного исследования предлагается выделить две формы словесного творчества, представленного в Сети: фольклор и литература. Ставится задача проанализировать отличительные особенности данных явлений с целью их жанрового и видового разграничения.

В статье раскрывается содержание понятий «интернет-фольклор» и «сетевая литература», а также дается обобщенная характеристика обоих феноменов. В результате изучения характерных признаков фольклорных и литературных произведений, размещенных в интернет-пространстве, выявлено их родовое сходство и некоторые общие черты, обусловленные их виртуальным форматом, которые мешают исследователям четко различать эти явления. Особое внимание обращается на конституирующие черты интернет-фольклора, позволяющие заключить, что данный феномен современной культуры является уникальным и самостоятельным.

Вопрос жанрово-видового разделения словесного творчества остается открытым и требует дальнейших исследований.

Ключевые слова: интернет-фольклор; сетевая литература; интернет; Рунет; словесное творчество; жанры; коммуникация; фольклорные черты.

Для цитирования: Мельникова О.К. Жанрово-видовая дифференциация языкового творчества в интернете и Рунете // Казанский лингвистический журнал. 2019, том 1, № 3 (3). С. 50–56.

GENRE AND GENERIC DIFFERENTIATION OF LANGUAGE CREATIVITY ON THE INTERNET AND RUNET

O.K. Melnikova
melnikova.olga@mail.ru

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract. The work is devoted to the problem of differentiation of the modern verbal art, existing on the internet and Runet. On the basis of the conducted research it is offered to allocate two forms of verbal creativity presented on the web – folklore and literature. The task is to analyze the distinctive features of these phenomena in order to point out their genre and generic dissimilarity.

The article explains the concepts of "internet folklore" and "network literature", and dwells on general characteristics of both occurrences. The study of the characteristic features of literary and folklore works placed on the internet revealed their kinship and common features conditioned by the virtual format, which prevent researchers from clearly distinguishing these phenomena from one another. Particular attention is drawn to the constitutive features of the internet folklore, which prove that this phenomenon of modern culture is unique and independent.

The question of genre-generic division of the verbal art remains open and requires further research.

Keywords: internet folklore; network literature; internet; Runet; verbal creativity; genres; communication; folklore features.

For citation: Melnikova O.K. Genre and generic differentiation of language creativity on the internet and Runet // Kazan linguistic journal. 2019. Vol. 1, No. 3 (3). Pp. 50–56.

Под словесным творчеством понимается искусство слова, которое включает в себя художественную литературу и устное народное творчество. Взаимосвязь и влияние традиционного фольклора и литературы являются бесспорными и многоплановыми и обуславливают неослабевающий интерес исследователей в области лингвофольклористики и литературоведения к проблеме родства двух форм словесности. Известно, что литература возникла намного позже фольклора и всегда в разной степени опиралась на свои фольклорные истоки: на протяжении столетий писатели заимствовали образы, темы, жанры, приемы, сюжеты из народного творчества. Литературный язык постоянно обогащался за счет фольклора. С другой стороны, литературные произведения, проникая в фольклор, благотворно влияли на его развитие. Так, литература «облагородила» фольклорное творчество, добавив в него упорядоченность и стройность слога, рифму и деление на строфы.

Тесная связь фольклора и литературы обусловлена тем, что они «есть продукт поэтического творчества»: «Литература и фольклор прежде всего частично совпадают по своим поэтическим родам и жанрам... Самый факт наличия жанров, возможности классификации здесь и там по жанрам, есть факт, относящийся к области поэтики. Отсюда общность некоторых задач и приёмов изучения литературоведения и фольклористики» [5, с. 159].

Однако поэтика у каждого из этих искусств специфическая. Это позволяет выделять отличительные черты, характерные для фольклорных или литературных произведений.

К основным отличиям традиционного фольклора от художественной литературы исследователи относят следующие их особенности:

1. Основная форма бытования фольклора – устная, тогда как литература, как вид искусства, реализуется в письменной форме.

2. Фольклор передает обобщенные представления человека об устройстве мира. Литература отражает внутренний мир человека, взаимодействие человека с обществом.

3. Фольклорные произведения представляют собой результат коллективного творческого процесса, в котором трудно установить авторство. Литературное произведение написано конкретным человеком, в нем находят отражение индивидуальные авторские мысли, переживания, идеи.

4. Фольклорные жанры имеют четко определенную структуру и единообразный сюжет. В произведениях художественной литературы принципы построения сюжета, выбор образов и приемов определяются автором.

Однако в рамках данного исследования интерес представляют фольклор и литература нового виртуального формата, бытующие в современном интернет-пространстве. Оба феномена сегодня активно изучаются как отечественными, так и зарубежными исследователями, в числе которых М.В. Загидуллина, Л.Р. Ким, С.Н. Петренко, В.Я. Пропп, Д.А. Радченко, Т.И. Суслова, Э. Дж. Аарсет, Т. Дж. Блэнк, С. Броннер, В. Вестеман и др. Анализ существующих работ в данной проблематике выявил необходимость уточнения жанровых и видовых особенностей интернет-фольклора и сетевой литературы с целью их дальнейшего разграничения. Относительную неизученность и сложность

решения данной проблемы видят многие исследователи. В частности, С.Н. Петренко пишет, что «...с позиций современности (или даже „постсовременности“) невозможно претендовать на создание сколько-нибудь „целостной“ концепции, которая неизбежно окажется заведомо неполной и в конечном счете тенденциозной и обскурантистской» [3, с. 146].

Каждый период культурного развития общества характеризуется своими особенностями, которые наделяют его определенной спецификой и отличительными чертами. На формирование культурных особенностей нашего времени большое влияние оказало возникновение и широкое распространение единого информационного пространства – интернет. В эпоху интернета произошла не только виртуализация общения, но и изменение таких культурных явлений, как фольклор и литература.

Подчеркивая ключевую роль интернета в формировании нового интернет-творчества, Т.И. Сулова отмечает: «Виртуальная словесность предлагает сегодня новые оригинальные способы организации слова и текста. Как и в традиционной культуре, вербальное всегда подкрепляется визуальным» [8, с. 125].

Очевидно, что «переход» словесного творчества в интернет-среду оказал влияние на художественные, жанровые, стилистические и языковые особенности фольклора и литературы, что привело, по сути, к формированию новых явлений словесной культуры: интернет-фольклора и сетевой литературы.

Исходным пунктом в сравнительном анализе данных явлений является определение ключевых терминов. Так, интернет-фольклор определяется как «средство межкультурной коммуникации, сохранения культурной преемственности и традиции в условиях глобализации» [7].

Сетевая литература (сетература) – это «один из видов сетевого искусства, основанный на использовании письменности и имеющий в качестве конечного продукта художественное произведение, размещенное в сети Интернет» [4, с. 208].

Несмотря на то что приведенные термины не являются единственно приемлемыми по отношению к фольклору и литературе в интернет-среде, их можно считать общепринятыми и наиболее частотными. Наряду с ними в исследовательской литературе данной тематики широко применяются производные понятия, включающие в себя *интернетлор*, *фолкнет*, *сетевой фольклор*, *сетература*, *кибература*, *электронная литература*, *цифровая литература* и др.

Наличие в составе терминов слов и аффиксов, коррелирующих с интернетом, подчеркивает важную роль виртуального информационного пространства в определении специфики обоих видов словесного творчества, и позволяет выявить их общие черты.

Интернет выступает коммуникативной площадкой для всех его пользователей. Включенность интернет-фольклора и сетературы в интернет-дискурс обуславливает их коммуникативную направленность. Коммуникативность является традиционным и закономерным признаком интернет-фольклора. Коммуникативную природу последнего рассматривают в таких фольклорных жанрах как *интернет-мем*, *фотожабы*, *интернет-поздравления*, *интернет-байки*, *слухи*, *письма счастья* и др. Что касается сетературы, то литературные произведения приобрели

коммуникативный характер только в условиях бытования в интернет-среде. Подобное свойство максимально сблизило сетевую литературу с сетевым фольклором.

Сопоставительный анализ текстов постфольклора и современной литературы позволяет С.Н. Петренко рассматривать их как «некое общее эстетическое поле в рамках современной культуры» [3, с. 146].

Исследователь Л.Р. Ким предлагает изучать сетевую литературу фольклористическими методами, подчеркивая их междисциплинарность, поскольку усматривает наличие фольклорных черт в сетевой литературе (пренебрежение авторством, пластичность, преемственность, актуальность, коллективность): «Опираясь на методы, которыми располагает фольклористика, литературоведение может достичь больших успехов в изучении сетеватурного материала, обладающего значительным типологическим сходством с материалом фольклорным» [2, с. 235].

Еще одним свойством, сближающим оба вида сетевого творчества, является их принадлежность к определенным сообществам и субкультурам. «В интернет-пространстве создаются свои сетевые сообщества со своими художественными вкусами, пристрастиями, этическими нормами и правилами общения, социальными механизмами, строящимися на общности языковой стилистики и культуры» [8, с. 127]. Это описание, данное Т.И. Суловой интернет-фольклору, в равной степени применимо и к сетевой литературе: сегодня в сети существует множество фандомов, поэтических и ролевых сообществ, литературных библиотек, и пр., пользователи которых не только создают литературные произведения, но и общаются, следуют определенным традициям, правилам, используя свой язык и стилистические приемы.

Образование подобных сообществ привело к тому, что в сетеватуре, подобно интернет-фольклору, утрачивается авторство, которое традиционно считалось главной отличительной чертой литературы. Сегодня широко распространено коллективное написание литературных текстов, включение в общую канву произведения комментариев пользователей и интерактивный формат общения всех членов литературного сообщества.

И сетевому фольклору и сетеватуре присуща гипертекстуальность, в силу которой повествование в литературном произведении в интернет-среде теряет линейность и целостность. Это в свою очередь приводит к фрагментарности и незавершенности произведения, синтезу форм и жанров.

Современную сетевую литературу часто критикуют за графоманство, отрицая ее жанровую и родовую принадлежность к художественной литературе в традиционном смысле слова. Однако в научных исследованиях данной тематики широко представлена и другая точка зрения, согласно которой сетеватура представляет собой посмодернистский этап развития литературы, характеризующийся отрицанием традиций, нивелированием роли автора, переосмыслением достижений человечества.

Конституирующим свойством сетеватуры можно назвать отсутствие творчества как такового: сетевые авторы не создают новое, а используют уже существующие архетипы в новом контексте. Этот прием типичен также для интернет-фольклора, где новые произведения создаются по принципу преемственности.

Большую популярность среди виртуальных читателей приобретают удобные короткие литературные жанры (*блоги, миниатюры, дневники-мемуары* и др.), что еще больше сближает сетературу с интернет-фольклором.

Взаимосвязь интернет-фольклора и сетевой литературы подчеркивается многими авторами. При этом границы первого и второго настолько нечетки, что одни и те же жанры и формы интернет-творчества трактуются неоднозначно в разных исследовательских работах. Так, сообщения на форумах и личные блоги принято относить к разновидностям сетературных произведений. Однако, изучая коммуникацию в интернет-форумах, М.В. Загидуллина усматривает в них наличие традиционных фольклорных черт: коллективность, безавторство, устно-письменный (гибридный) формат общения, который «строится по принципам устной речи (хотя и не является стенографированием устного слова и обладает гибридными свойствами)» [1, с. 89]. Неоднозначно трактуются и популярные в Рунете жанры стихов пирожков и порошок, полулитературный и полуфольклорный характер которых позволяет причислять их к сетевой литературе в одних исследованиях и к интернет-фольклору в других.

Специфическое восприятие фольклорного творчества в англоязычной культуре обуславливает возможность «офольклоривания» Википедии в работе В. Вестемана [9, с. 124]. В русской исследовательской традиции данный подход неприемлем, поскольку фольклор, так же, как и художественная литература, должен обладать творческим потенциалом.

Многочисленные примеры путаницы в определении жанровой и стилевой принадлежности тех или иных произведений словесного сетевого творчества в англоязычном интернете и в Рунете объясняются общностью их черт и принадлежностью к феноменам литературного порядка.

Однако их нельзя полностью отождествлять. Во-первых, потому, что система жанров в обоих явлениях все-таки различается. Так, интернет-фольклор включает в себя в основном малые формы: байки, пословицы, поговорки, анекдоты, сказки, поздравления. Сетевой литературе принадлежат в основном более крупные жанры: поэмы, романы, рассказы и др. Во-вторых, несмотря на присутствие фольклорных черт, сетевая литература не обладает достаточной степенью актуальности, злободневности и политическим потенциалом, которые присущи интернет-фольклору. Фольклорные произведения отражают действительность, выражают взгляды аудитории на происходящие события, и в результате приобретают политическую окрашенность, наиболее ярко представленную в жанрах *интернет-мемов, анекдотов и баек*.

Эта особенность сетевых фольклорных произведений объясняет их недолговечность: «Как и в устном бытовании, текст проживает в сети период, когда он более или менее активно распространяется, модифицируется, затем становится общеизвестным и выносится из активного обращения, архивируется» [6, с. 71]. Напротив, сетевая литература может храниться в сети долгое время и, более того, быть опубликована в бумажном варианте (*блоголитература*).

В-третьих, сетературные произведения создаются пользователями для себя (для членов интернет-сообщества), или с коммерческой целью. Интернет-фольклор направлен на широкую аудиторию и распространяется посредством многократных репостов и лайков.

Таким образом, сопоставительный анализ сетевой литературы и интернет-фольклора позволяет заключить, что, несмотря на значительное сходство, эти два явления интернет-творчества являются уникальными и самостоятельными, обладающими достаточным количеством конституирующих черт, которые дают возможность изучать их как отдельные феномены современной культуры.

Литература

1. Загидуллина М.В. Теория интернет-фольклора: коммуникация фольклорного типа и самоидентификация участников крупных форумов // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. Т. 157, № 4. Казань, 2015. С. 86–96.
2. Ким Л.Р. Изучение русской сетевой литературы фольклористическими методами: к постановке проблемы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Ч. 2, № 2(80). Тамбов: Грамота, 2018. С. 232–236.
3. Петренко С.Н. Жанровые традиции постфольклора в поэтике современной русской литературы // Изв. ВГПУ. Актуальные проблемы литературоведения. Вып. № 2 (87). Волгоград, 2014. С. 145–149.
4. Проект Ю. Л. Сетевая литература // *Universum: Вестник Герценовского университета*. СПб, 2012. С. 208–209.
5. Пропп В.Я. Поэтика фольклора (Собрание трудов). М.: Издательство «Лабиринт», 1998. 352 с.
6. Радченко Д.А. Сетевой фольклор как способ осмысления актуальной реальности // *Folk-art-net: новые горизонты творчества. От традиции – к виртуальности*. Сборник статей. М.: ГРЦРФ, 2007. С. 63–75.
7. Савченко А.В., Суслова Т.И. Интернет-фольклор как возможность сетевой культурной самоидентификации // *Connect Universum* 2012. URL: http://connect-universum.tsu.ru/blog/connectuniversum2012_ru/22.html (дата обращения: 10.12.18).
8. Суслова Т.И. Интернет-фольклор как средство коммуникации // *Журналистский ежегодник*. № 4. Томск, 2015. С. 123–127.
9. Westerman W. Epistemology, the Sociology of Knowledge, and the Wikipedia Userbox Controversy // *Folklore and the Internet: Vernacular Expression in a Digital World*. Edited by Trevor J. Blank. University Press of Colorado, Utah State University Press. 2009. pp. 123–158.

References

1. Zagidullina, M.V. (2015). *Teoriia internet-fol'klora: kommunikatsiia fol'klornogo tipa i samoidentifikatsiia uchastnikov krupnykh forumov* [Theory of internet folklore: communication of folklore type and self-identification of the participants of large forums] // *Uchen. zap. Kazan. un-ta. Ser. Gumanit. nauki*. T. 157, № 4. Kazan, pp. 86–96. (In Russian).
2. Kim, L.R. (2018). *Izuchenie russkoi setevoi literatury fol'kloristicheskimi metodami: k postanovke problemy* [The study of Russian network literature by folkloristic methods: to the problem statement] // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Ch. 2, № 2(80). Tambov: Gramota, pp. 232–236. (In Russian).
3. Petrenko, S.N. (2014). *Zhanrovye traditsii postfol'klora v poetike sovremennoi russkoi literatury* [Genre traditions of post-folklore in poetics of modern Russian literature] // *Izv. VGPU. Aktual'nye problemy literaturovedeniia*. Vyp. № 2 (87). Volgograd, pp. 145–149. (In Russian).
4. Proekt, Iu. L. (2012) *Setevaia literatura* [Network literature] // *Universum: Vestnik Gertsenovskogo universiteta*. St. Petersburg, pp. 208–209. (In Russian).
5. Propp, V.Ia. (1998). *Poetika fol'klora (Sobranie trudov)* [The poetics of folklore (a collection of writings)]. Moscow, Izdatel'stvo «Labyrinth», 352 p. (In Russian).
6. Radchenko, D.A. (2007). *Setevoi fol'klor kak sposob osmysleniia aktual'noi real'nosti* [Network folklore as a way of understanding the actual reality] // *Folk-art-net: novye gorizonty tvorchestva. Ot traditsii – k virtual'nosti*. Sbornik statei. Moscow, GRTsRF, pp. 63–75. (In Russian).
7. Savchenko, A.V., Suslova, T.I. (2012). *Internet-fol'klor kak vozmozhnost' setevoi kul'turnoi samoidentifikatsii* [Internet folklore as an opportunity of network cultural self-identification] // *Connect Universum*. URL: http://connect-universum.tsu.ru/blog/connectuniversum2012_ru/22.html (accessed: 10.12.18). (In Russian).
8. Suslova, T.I. (2015). *Internet-fol'klor kak sredstvo kommunikatsii* [Internet folklore as a means of communication] // *Zhurnalistskii ezhegodnik*, № 4. Tomsk, pp. 123–127. (In Russian).
9. Westerman, W. (2009). *Epistemology, the Sociology of Knowledge, and the Wikipedia Userbox Controversy* // *Folklore and the Internet: Vernacular Expression in a Digital World*. Edited by Trevor J. Blank. University Press of Colorado, Utah State University Press, pp. 123–158. (In English).

Автор публикации

Author of the publication

Мельникова Ольга Константиновна – старший преподаватель кафедры иностранных языков для физико-математического направления и информационных технологий Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета,

Melnikova Olga K. – senior lecturer at the Department of foreign languages for Physics, Mathematics and Information Technologies, Institute of International Relations, Kazan (Volga region) Federal University, Mezhlauk str., 3, Kazan, Russia.

г. Казань, ул. Межлаука, д. 3., Россия.

E-mail: melnikova.olga@mail.ru

E-mail: melnikova.olga@mail.ru

Поступила в редакцию 15.12.2018.

Принята к публикации 18.12.2018.

УДК 811

**К ВОПРОСУ О СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ИССЛЕДОВАНИИ
ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ ТАТАРСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ
С РЕЛИГИОЗНЫМ КОМПОНЕНТОМ**

И.Г. Ахметзянов, Н.К. Муллагалиев

ildar-rashit@yandex.ru narkizmoullagaliev@mail.ru

Казанский федеральный (Приволжский) университет, г. Казань, Россия

Аннотация: Данная статья рассматривает топонимы, содержащие в своем составе компоненты религиозного характера, встречающиеся на территории Великобритании и Республики Татарстан в сравнительно-сопоставительном аспекте. В рамках данной работы проводится анализ географических названий с религиозным компонентом с точки зрения лингвистических и культурно-нравственных ценностей народов Англии и Татарстана. Топонимическая система формировалась в сложных естественно-географических, исторических и лингводиалектных условиях. Полная событий история заселения края, сложные и давние контакты с разными народами, разнообразная по природным условиям территория не могли не отразиться на характере географических названий. Особенности ландшафта, растительного и животного мира, названия давних племен и народов, имена первых поселенцев и владельцев, черты социально-экономической и культурной жизни и другие факторы стали основой для образования топонимов. В результате длительного исторического процесса образовалась сложная топонимическая система в виде наслоения географических названий, нередко различного языкового происхождения. В ходе исследования раскрываются особенности вероисповедания, религии и быта. Являясь генетически неродственными языками, английский и татарский языки обнаруживают точки соприкосновения в формировании, развитии и функционировании топонимов.

Ключевые слова: топонимы, Великобритания, Республика Татарстан, сравнительно-сопоставительное исследование, генетически неродственные языки, религия, культурно-нравственные ценности, быт.

Для цитирования: Ахметзянов И.Г., Муллагалиев Н.К. К вопросу о сравнительно-сопоставительном исследовании географических названий татарского и английского языков с религиозным компонентом // Казанский лингвистический журнал. 2018. Том 1, № 3 (3). С. 57–62.

**TO THE ISSUE OF THE COMPARATIVE STUDY OF THE TATAR
AND ENGLISH PLACE NAMES WITH THE RELIGIOUS COMPONENT**

I.R. Akhmetzyanov, N.K. Mullagaliev

ildar-rashit@yandex.ru narkizmoullagaliev@mail.ru

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract: This article deals with the issue of toponyms containing the components of religious nature, found in the territory of Great Britain and the Republic of Tatarstan in a comparative aspect. As part of this work, the analysis of place names with a religious component is conducted on the point of view of the linguistic and cultural-moral values of the peoples of England and Tatarstan. Toponymic system was formed in difficult natural-geographical, historical, linguistic and dialectical conditions. The history of the settlement of the region full of events with complex and long-standing contacts with different peoples, and diverse territory with all its features could not but affect the character of place names. Features of the landscape, flora and fauna, the names of long-standing tribes and peoples, the names of the first settlers and owners, features of socio-economic and cultural life, and other factors became the basis for the formation of toponyms. As a result of a long historical process, a complex toponymic system has emerged in the form of an overlay of place names, often of different linguistic origin. The study reveals features of religion, religious affiliation and life style. Being genetically unrelated languages, English and Tatar reveal common ground in the formation, development and functioning of toponyms.

Keywords: toponyms, the UK, the Republic of Tatarstan, comparative study, genetically unrelated languages, religion, cultural and moral values, life style.

For citation: Akhmetzyanov I.R., Mullagaliev N.K. To the issue of the Comparative Study of the Tatar and English Place Names with the Religious Component // Kazan linguistic journal. 2018. Vol. 1, No. 3 (3). Pp.57–62.

Одним из особенных разделов языкознания является ономастика. Она изучает любые проявления собственных имен, таких как топонимия, гидронимия, антропонимия, этнонимия. Представляя составную часть ономастики и специфическую область лексической системы языка, топонимы, в свою очередь, содержат многогранную и ценную лингвистическую, этнографическую, историко-географическую информацию. Ученый Э. М. Мурзаев, который всю свою жизнь посвятил изучению топонимов, написал, что географические названия вызывают интерес не только у ученых языковедов, историков, географов, но представляют собой сложный лингвистический материал, и интересны для любого увлеченного человека. Являясь народным творчеством, топонимия создавалась веками, а иногда и тысячелетиями [Мурзаев1974, с. 322]. Высокую оценку информационной сущности топонимов отмечал и русский ученый-топонимист В.А. Никонов: «...подчас географические названия – единственное эхо умолкшего языка, исчезли народы, забыт язык, в прахе мощные сооружения, а хрупкое слово названия оказалось прочнее гранита» [Никонов, 1962; с. 9].

Уникальные и многогранные возможности информационного поля географических наименований привлекали и продолжают привлекать к себе внимание ученых со всего мира. Начало интенсивного и глубокого исследования ономастики во всем мире отмечалось в 20-30-х гг. XX века [Zwolinski, 1965; Staszewski, 1959; Ekwall, 1928 и др.].

В татарском языкознании заметный след в изучении ономастики оставили труды Г.Ф. Саттарова, М.И. Ахметзянова, Ф.Г. Гариповой.

Актуальность изучения вопросов ономастики обуславливается предпосылками, связанными с историей развития татарского народа. Система географических названий формировалась в сложных естественно-географических, исторических и лингводиалектных условиях. При этом географические названия отражали целостную картину заселения определенного края, сложные и давние контакты с разными народами, разнообразие территориальных условий проживания в каждой отдельно взятой местности. В результате длительного исторического процесса образовалась сложная топонимическая система в виде наложения географических названий, нередко различного уровня языкового происхождения. У каждого народа сложилась своя история, природа, материальные и духовные ценности, что и составило в совокупности «национальную модель мира», т.е. целостный образ представлений и многообразия видов деятельности человека, тем самым наделяя топоним ролью вместилища знаний о стране, хранителя историко-культурной информации. В.В. Молчановский в своих трудах отмечает, что национально-культурный компонент семантики топонимов отличается особой страноведческой репрезентативностью, богатством культурно-исторических ассоциаций [Молчановский, 1985; с. 28]. Ставя своей задачей реконструкцию картины мира народа, М.Э. Рут,

в свою очередь, подчеркивает, что образная номинация всегда национально специфична в том смысле, что закрепляет в себе исторически сложившуюся в сознании народа – субъекта номинации картину мира [Рут, 1992; С. 127–128].

Лексико-семантические изменения в языке больше, чем какие-либо другие, выражают связь языка с жизнью, деятельностью и прошлым говорящего на данном языке народа. Семантика слов отражает изменения, происходящие на разных этапах развития общества, не исключая и условия жизни. Особенно чётко это свойство обнаруживается в топонимах, как особых знаках культуры.

Топоним, одновременно являясь термином как географическим, так и лингвистическим, играет систематизирующую роль. Основная функция топонимов – номинационно-когнитивная. Топоним есть результат мыслительных процессов, направленных на познание сущности топообъекта. Следовательно, отражая, он несет на себе отпечаток пройденного когнитивного процесса и является знаком, ассоциируемым с соответствующим понятием, изображающим в идеальной форме данный предмет действительности.

В данной работе исследуем английские и татарские географические названия, отражающие религиозные взгляды двух генетически неродственных народов.

Религиозные термины являются отражением религиозных взглядов и общественной жизни того или иного народа. Они помогают понять общественный и политический строй, в котором жил тот или иной народ, в данном случае предки англичан и татар. В ономастике социальные термины широко представлены в антропонимах, таких как «хан», «мелик», «бек», «бей», duke, earl и др., и реже в географических названиях.

Данные названия можно рассматривать в таких подгруппах как:

1. Географические названия, раскрывающие религиозные верования и обычаи;
2. Географические названия, указывающие на статусы служителей церкви и мечетей;
3. Географические названия, обозначающие церковные учреждения, мечети, соборы;
4. Географические названия, называющие святые места.

На территории республики Татарстан можно столкнуться с такими географическими названиями как: *Иманай*, *Рамазан кизлэве*, *Шайтанлы*, *Иблис чокыры*. *Иманай* – от слова иман, *Рамазан кизлэве* – от слова рамазан, *Шайтан* – сатана, *Иблис чокыры* – от слова иблис.

На территории современной Великобритании встречаются очень много географических названий связанных с Богом. Бог переводится на английский как *God* и встречается в таких наименованиях как: *Godmanstone*, *Godmersham*, *Godshill*, *Godstone*, *Godney*.

Религиозные термины, которые часто встречаются в английских и татарских географических названиях: «мулла, хэзрэт, шәкерт, епископ, аббат, священник» и так далее. Например, в татарском языке употребляются топонимы *Абыстай чиимәсе*, *Габдулла мулла кизлэве*, *Ишан пруды*, *Мулла елгасы*, *Пуп елгасы*, *Самат мәэзин суы*, *Шәкертләр күле* и т.д. В английском языке *Abbey Town* (участок земли рядом с аббатством), *Abbotsbury* (укрепленный участок земли аббатов), *Bishopton* (имение или участок земли епископа), *Dunnamanagh* (крепость монахов), *Presthoke* (долина священников), *Monkleigh* (лес или поляна монахов), *Christleton*

(имение или участок земли, принадлежащий христианам).

В Татарстане очень много географических названий со словом мулла: *Габдулла мулла кизлэве, Мулла йылгасы, Мулла кизлэве, Мохэммет мулла чиймэсе, Мулла кыйыгы чокыры, Мулла кузе чокыры, Мулла куле, Мулла чиймэсе*; со словом *хэзрэт*: *Закир хэзрэт чиймэсе, Хэзрэт чиймэсе*; со словом ишан: *Ишан пруды, Иша, Ишанлы*.

В Англии самыми часто встречающимися географическими названиями являются географические названия со словом *Bishop*, который переводится на русский язык как *епископ*: *Bishop's Castle, Bishopsbourne, Bishopsteignton, Bishopstoke, Bishopstone, Bishopsworth, Bishopton*.

Мусульмане, как преобладающее население Республики Татарстан в большинстве давали объектам географические названия, связанные со словом *мечеть*: *Яшел мәчет кизлэве, Мәчет күле суы, Мәчет чиймэсе, Озеро Мечетное* и другие.

В Англии, в стране, где встречаются очень много церквей популярностью пользуется слово *church*, которое встречается в составе многих топонимов: *Church Hill, Church Knowle, Churcham, Churchdown, Churchover, Churchstanton, Churchstow*.

Слово святой переводится на татарский язык как *изге* или *әүлия*, этим и объясняется большое количество географических названия Татарстана состоящих из сочетаний с данными словами: *Изге кизләу, Изгеләр елгасы, Изгеләр суы кизлэве, Изгеләр чиймэсе, Изгеләр узаге, Изге чиймә, Изгиләр, Әүлия чиймэсе, Әүлияләр чиймэсе, Әүлияләр тавы, Әүлияләр кышлары* и другие [Гарипова, 1998; с. 112, 162]. Конечно, каждый из данных топонимов имеет определенный исторический окрас и связан с различными событиями и мифами.

На территории Великобритании много географических названий со словом *holy* или *saint*, так как эти слова переводятся как *священный*. Это такие географические названия как: *Holy Island, Holybourne, Holyhead, Holyport, Holystone, Holywell, Saint Andrews, Saint Andrews Major, Saint Austell, Saint Asaph, Saint Bees, Saint Brides, Saint Antony's college, Saint Anny's college*. Например, в А.Д. Миллз отмечает, что название *Holy Island* (священный остров) дано в ассоциации с христианскими миссионерами, слово *Hollywood*, по утверждению ученого, было дано Норманнами, которые обозначили таким образом лесную поляну, где находилась церковь.

Религиозные слова и термины являются отражением социально – культурной и общественной жизни того или иного народа. Эти слова и термины помогают понять общественный и политический строй, в котором жил тот или иной народ. Изучение данных слов и терминов помогает глубже понять отношение народов к исповедуемой религии, к исламу - у татар, и к христианству у англичан.

Также часто встречаются топонимы, отражающие социальную стратификацию общества, и указывающие на классовую структуру, а также различные слои внутри классов и прослойки между классами. В тюрко-татарских географических названиях встречаются такие социальные термины, как «*таркан*» ~ «*тархан*» в значении «*титул правителя*» [ДТС, 1969; С. 538–539], и «*шах*» в значении «*шах, правитель*» [ДТС, 1969; С. 519]. Также в топонимии Татарстана можно встретить такие социальные термины как *абыстай, бай, би, мулла, хазрат, хужа, султан* и многие другие.

Социальный термин «таркан» ~ «тархан», возможно, представлен в географическом названии Тмуторокань ~ Тмутаракань. Еще в XIX веке И.А. Износков зафиксировал термин *Тархан* в таких географических названиях Ново-Кишитской волости Казанского уезда, как «*Алич-Тархан, Чикенясь*, деревня при речке *Тарханке*, по левой стороне сибирского почтового тракта. Название деревни составлено из слов *алчи, аличи* (татарский) – берущий и *тархан* – человек свободный от платежей и повинностей; *алич-тархан* – сборщик-тархан» [Износков, 1885; с. 3] и в Урахчинской волости Лаишевского уезда, как *Тархановка, Кадряково Малое* при безымянных ключах, по левой стороне Ногайской торговой дороги [Износков, 1895; с. 49]. Социальный термин «тархан» функционирует в настоящее время в составе географических названий *Б. Тарханы, Н. Тарханы, В. Тарханы* Тетюшского района Республики Татарстан. Помимо них можно обозначить такие названия как *Бай елгасы, Хужалар тавы, Султан сазлыгы, Ханнар елгасы* и др.

В английском языке также существует достаточное количество географических названий, раскрывающих социальные формы общества Англии с древних времен. Среди английских терминов следует отметить тот факт, что деление на социальные формы было развито больше, нежели на территории нашей республики. Поэтому не удивительно, что у англичан больше названий с термином король – *king*, королева – *queen*, дворянин – *nobleman*, купец – *merchant*, граф – *earl*, герцог – *duke* и др. Например, *Abbey town* – имение аббатов, *Aldermaston* – усадьба дворянина, *Athelington* – усадьба или деревня принцессы, *Ballinaspick* – город рыцаря, *Charterhouse* – дом монахов, *Earlham* – усадьба графа, *Dukestown* – город герцога и другие.

Социальные термины в составе географических названий дают нам сведения о жизни того или иного народа. Чем больше социальных терминов встречается в том или ином повествовании, тем шире открывается перед нами возможность узнать о нравах и деятельности людей, живших при различных общественных и политических строях.

Хотелось бы отметить, что географические названия возникли в результате творческой деятельности народа в течение длительного времени. Эти названия уходят своими корнями в далекое прошлое английского и тюрко-татарского народа. Необходимость дифференциации географических объектов послужила причиной их номинации. В этом процессе не последнюю роль сыграли и географические особенности объектов, и социальная среда людей, населявших данные территории.

Географические названия, отражающие религиозную жизнь социума, несут информацию о религиозных верованиях, обычаях, обрядах татар и англичан, включая имена язычных богов, культурных и культовых учреждений, культовое место, позднее как обозначения статуса служителей церкви, церковных учреждений, обозначения святые места.

Литература

1. *Ахметзянов М.И.* К этнолингвистическим процессам в бассейне р. Ик (по материалам шеджере) // К формированию языка татар Поволжья и Приуралья Казань, 1985. 168 с.
2. *Гарипова Ф.Г.* Татарская гидронимия (вопросы этногенеза татарского народа по данным гидронимии). Книга первая. Казань, 1998. 570 с.
3. *Древнетюркский словарь.* Л., 1969. 677 с.

4. *Износков И.А.* Список населенных мест Казанской губернии, с кратким описанием их. Лаишевский уезд. Вып.2. / И. А. Износков. Казань. 1895. 408 с.
5. *Износков И.А.* Список населенных мест Казанского уезда, с кратким их описанием. Казань, 1885. 408 с.
6. *Молчановский В.В.* Теоретическая разработка и практическая реализация лингвострановедческого аспекта преподавания русского языка. М., 1985. 289 с.
7. *Мурзаев Э.М.* Очерки топоними. М.: Мысль, 1974. 382 с.
8. *Никонов В.А.* Введение в топонимику. 1962. 180 с.
9. *Рут М.Э.* Образная номинация в русском языке. Екатеринбург, 1992. 148 с.
10. *Саттаров Г.Ф.* Татар исемнэре сузлеге. Казан, 1981. 296 с.
11. *Ekwall E.* English Rower-names. Oxford, 1928. 62 p.
12. *Mills A.D.* Dictionary of British Place Names./A. D. Mills. Oxford university press. 2003. 506 с.
13. *Staszewski J.* Slowik Geograficzny. Warszawa, 1959. 196 p.
14. *Zwolinski P.* Hidronimia Wisly. I. Wroclaw – Warszawa – Krakow. 1965. 348 p.

References

1. Akhmetzianov M.I. *K etnolingvističeskim protsessam v basseine r. Ik (po materialam shedzhere) // K formirovaniuu iazyka tatar Povolzh'ia i Priural'ia.* [To the ethnolinguistic processes in the side of Ik river (on the basis of shedzhere) // To the formation of the language of the Volga region and Ural region Tatars]. Kazan', 1985. 168 p. (In Russian).
2. Garipova F.G. *Tatarskaia gidronimiia (voprosy etnogeneza tatarskogo naroda po dannym gidronimii).* Kniga pervaia. [Tatar hydronomy (the issues of ethnogenesis of Tatar people based on the hydronyms)]. Kazan', 1998. 570 s. (In Russian).
3. *Drevnetiurkskii slovar'* [Ancient Turkic dictionary]. L., 1969. 677 p. (In Russian).
4. Iznoskov I.A. *Spisok naseleennykh mest Kazanskoj gubernii, s kratkim opisaniem ikh.* Laishevskii uezd. Vyp.2. [The list of the settlements of Kazan province with the brief description of Layish district]. Kazan'. 1895. 408 p. (In Russian).
5. Iznoskov I.A. *Spisok naseleennykh mest Kazanskogo uezda, s kratkim ikh opisaniem.* [The list of the settlements of Kazan province with the brief description]. Kazan', 1885. 408 p. (In Russian).
6. Molchanovskii V.V. *Teoreticheskaia razrabotka i praktičeskaia realizatsiia lingvostranovedčeskogo aspekta prepodavaniia russkogo jazyka.* [Theoretical development and practical realization of linguistic and regional aspect of teaching of Russian]. M., 1985. 289 p. (In Russian).
7. Murzaev E.M. *Očerki toponimi.* [The essays on toponymics] M.: Mysl', 1974. 382 p. (In Russian).
8. Nikonov V.A. *Vvedenie v toponimiku.* [Introduction to the toponymy]. 180 p. (In Russian).
9. Rut M.E. *Obraznaia nominatsiia v russkom iazyke.* [Descriptive nomination in Russian]. Ekaterinburg, 1992. 148 p. (In Russian)
10. Sattarov G.F. *Tatar isemnere suzlege.* [Dictionary of Tatar names]. Kazan, 1981. 296 p. (In Tatar).
11. Ekwall E. *English Rower-names.* Oxford, 1928. 62 p.
12. Mills A.D. *Dictionary of British Place Names.* Oxford university press. 2003.506 p.
13. Staszewski J. *Slowik Geograficzny.* Warszawa, 1959. 196p.
14. Zwolinski P. *Hidronimia Wisly.*I. Wroclaw – Warszawa – Krakow. 1965. 348 p.

Авторы публикации

Ахметзянов Илдар Габдрашитович – кандидат филологических наук, доцент, Казанский федеральный университет, 420008, Россия, Казань, Кремлевская, 18.

E-mail: ildar-rashit@yandex.ru

Муллагалиев Наркиз Камилевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель, Казанский федеральный университет, 420008, Россия, Казань, Кремлевская, 18.

E-mail: narkizmoullagaliev@mail.ru

Authors of the Publication

Ildar G. Akhmetzyanov – Candidate of Philology, Associate Professor, Kazan Federal University, 18 Kremlevskaya Str., Kazan, 420008, Russian Federation.

E-mail: ldar-rashit@yandex.ru

Mullagaliev Narkiz K. – Candidate of Philology, Senior lecturer, Kazan Federal University, 18 Kremlevskaya Str., Kazan, 420008, Russian Federation.

E-mail: narkizmoullagaliev@mail.ru

Поступила в редакцию: 10.10.2018.

Принята к публикации: 5.11.2018.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИ

УДК 82

ТЕМА СМЕРТИ В ПОЭЗИИ Б.А. ЧИЧИБАБИНА

Е.А. Бажанова

helene.bazhanova@gmail.com

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация. Данная статья посвящена теме смерти в поэтическом наследии Бориса Алексеевича Чичибабина. Не смотря на возрастающий интерес к лирике поэта, эта тема осталась за пределами исследования литературоведов и филологов: были отмечены смысловые акценты темы смерти в стихотворениях поэта, видение разных жизненных реалий сквозь призму смерти и, наконец, переосмысление таковой под влиянием чувства любви. Раскрытие темы смерти способствуют сопутствующие ей мотивы антисемитизма, жизни и смерти, смерти Родины и вырождения патриотов, спасения души и прочие. Расширяя понимание темы смерти, эти мотивы превращают ее в лейтмотив творчества поэта, позволяют по-новому оценить его творческое наследие. Особое внимание было уделено звукописи и ритмическому рисунку стихотворения «Колокол» как одному из ключевых в творческом наследии А. Б. Чичибабина. Ассоциации, порождаемые звукописью произведения, создают особенный музыкальный фон, благодаря которому оно начинает восприниматься по-иному. Образ колокола, благодаря звуковому повтору, начинает восприниматься как зримый, его смысловое наполнение дополняется новыми коннотациями.

Ключевые слова: Б.А. Чичибабин, тема смерти, звукопись, ассонанс, эвфония, эмоционально-экспрессивная функция, мотив.

Для цитирования: Бажанова Е.А. Тема смерти в поэзии Б.А. Чичибабина // Казанский лингвистический журнал. 2018. Том 1, № 3 (3). С. 63–70.

THE THEME OF DEATH IN THE POETRY OF BORIS CHICHIBABIN

E. Bazhanova

helene.bazhanova@gmail.com

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract. This paper presents the study of the theme of death in the poetic heritage of Boris Alekseevich Chichibabin. Despite the increasing interest in the lyrics of the poet, this issue has remained beyond the research of literary scholars and philologists. Drawing attention to the different stages in the life and work of Chichibabin, the authors note the semantic emphasis of the theme of death in the poet's verses, the vision of different facts of life through the prism of death and, finally, the reinterpretation of the latter, inspired by the feeling of love. The theme of death is developed with the attendant patterns of anti-Semitism, life and death, death of Motherland, degeneration of patriots, salvation of the soul and others. Expanding the understanding of the theme of death, these motives turn it into a leading motive of the poet's work, allow to evaluate his creative heritage in a new way. Special attention is paid to sound and rhythmic patterns of the poem "the Bell" as one of the key works in the creative heritage of A.B. Chichibabin. The associations generated by the sound patterns of the work give rise to a special musical background, thanks to which it begins to be perceived in a different way. The image of the bell, thanks to sound repetition, begins to be perceived as visible, its semantic content is supplemented by new connotations.

Keywords: B.A. Chichibabin, the theme of death, sound pattern, assonance, euphonia, emotionally-expressive function, motive.

For citation: Bazhanova E.A. The Theme of Death in the Poetry of Boris Chichibabin // Kazan linguistic journal. 2018. Vol. 1, No. 3 (3). Pp. 63–70.

Ежегодно в Харькове проводится поэтический фестиваль под названием «Чичибабинские

чтения», на котором встречаются ценители творчества Бориса Алексеевича Чичибабина, люди, знавшие его, студенты филологического факультета и все желающие приобщиться к поэзии. Намечено несколько векторов изучения творчества автора: образный строй, сравнительный анализ поэтических систем, пейзажная лирика, мотив молчания, тема свободы и несвободы и пр. Несмотря на это, творческое наследие поэта остается на сегодняшний день малоизученным. Наш научный интерес сосредоточен на теме смерти в творчестве Б.А. Чичибабина, которая лейтмотивом проходит через все творчество поэта. Мы склонны рассматривать темы стихотворений поэта как продиктованные жизнью, тем более что сам Б.А. Чичибабин говорил в своем интервью: «В стихах я более настоящий, чем я бытовой и житейский» [Чичибабин, 2005, с. 243]. Проанализировав 186 стихотворений Б.А. Чичибабина, мы насчитали 77 из них, в которых явно/скрыто присутствует или упоминается смерть. Лишь в одном стихотворении – «Сними с меня усталость, мать Смерть» – смерть выступает образом живым. Это стихотворение общепринято цитировать как пример непростой судьбы Б.А. Чичибабина, особенно об одном из ее трудных периодов – заключении.

Естественно, присутствует тема смерти в произведениях об антисемитизме и того, к чему он привел:

1) Звериные страсти

и пена вражды на губах.

Безглавые власти

На смерть обрекли Карабах» [Чичибабин, Ранее и позднее, с. 158]

Дрожь и сутулясь,

Над жертвами плачет Аллах.

От пролитой крови

Земля порыжела на треть

(«О, злые скрижали!») [Чичибабин, Ранее и позднее, с. 158-159].

2) <...> Кем смолоду в русскую землю

Еврейская кровь пролита

(«Групповой портрет с любимым артистом и скромным автором в углу») [Чичибабин, Ранее и позднее, с. 165].

3) Не за то ль к нему хранится в праведных любовь,

Что свободных украинцев обратил в рабов?

Не его ль добра отвел, посчитай возьми,

Русских более, чем шведов, полегло костьми?

(«Ещё о Петре») [Чичибабин, Ранее и позднее, с. 157]

4) Вдруг там стрельба и кровь,

и ярость перед схваткой,

и рушащийся кров

над детской кроваткой <...> [Чичибабин, Ранее и позднее, с. 160].

«Как душами мертветь

Живым над тем, что любим?

(«Абхазия – пейзаж с распятым»). [Чичибабин, Ранее и позднее, с. 160]

5) Живу на даче. Жизнь чудна.

Свое повидло...

А между тем ещё одна

Душа погибла.

У мира прорва бедолаг, -

О сей минуте

Кого-то держат в кандалах,

Как при Малюте.

Я только-только дотяну

Вот эту строчку,

А кровь людская не одну

Зальет сорочку [Чичибабин, В стихах и прозе, с. 114].

О заключении Борис Алексеевич не любил говорить. Его отношение к этим годам, условиям, времени вылилось в поэтические строки. Становится жутко, когда проступает через них обреченность: бывшему заключенному заказаны учеба, работа, счастье. Человек, что божья коровка, у него «*короткий век*», ему «*мало годков положила доля*» и «*земля-воровка*» поджидает скоро, но человек спешит любить и трудиться:

Я люблю. Отвяжись.

Я тружуся, братец.

Вот вам смерть.

Вот вам жизнь.

Сами разбирайтесь

(«Диалог о человеке»). [Чичибабин, Ранее и позднее, с. 93].

Даже сон видится поэту через понимание смерти – он не ложится спать, он со своей подругой «тухнет на час», как свеча. Есть надежда, что пока рядом подруга и друзья, то можно жить, не обращая внимания на нужду, недостачу в хозяйстве, работу не по призванию. Время показало, что его культурный уровень оказался недостижим для подруги тех дней – Матильды. Он долгое время не хотел принимать свое и ее духовное несоответствие. Жизнь обнажила эту правду, от нее некуда было скрыться. Наступило одиночество. Когда становится особенно невмоготу, проступают суицидальные мысли:

<...> принять бы яду натоцак,

Принять бы яду

(«Живу на даче. Жизнь чудна»). [Чичибабин Б. А. В стихах и прозе, с.114].

Не только личная судьба претерпевает сложное время, трагическим видится отношение людей к своей Родине в том понимании Б. А. Чичибабина, которому он останется верен всю жизнь: нет настоящих патриотов, они перевелись, продались, они готовы менять духовные ценности на сомнительные блага. Таким

Колокола кладбищенской полыни

Поют им вслед <...>

(«Издавнилось понятие «патриот»). [Чичибабин, Ранее и позднее, с. 140].

Если одни поэты изгнаны, то другие остаются жить, приспособившись к тем условиям, в которых не может и не должна жить крылатая душа поэта:

Клубится кладбищенский сумрак.

У смерти хороший улов.

Никто нам не скажет разумных,

простых и напутственных слов

(«Клубится кладбищенский сумрак»). [Чичибабин, В стихах и прозе, с. 68-69]

Счастлив тот, кто может вернуться на Родину, домой. Счастлив тот, у кого есть кров, родные, семья. Счастлив тот, кто может умереть дома, потому что дом – это не просто слово, это – одна из жизненных человеческих ценностей, которых лишен изгнанник:

О человечество моё!

Позволь бездомному вернуться

домой, в старинное жильё,

где всё родное, всё своё,

где можно лечь и не проснуться <...>

(«О человечество моё!») [Чичибабин, Ранее и позднее, с. 57]

Тема смерти отчетливо просматривается в стихотворениях, посвященных судьбам поэтов старины. Раздумывая над историей, Чичибабин делает неутешительные выводы:

Кажись бы, дело бесполезное,

но в годы памятного зла

поёживалась Поэзия, -

а всё-таки жила!

О, сколько пуль в поэтов пущено,

но радость пела в мастерах,

и мстил за зло улыбкой Пушкина

непостижимый Пастернак

(«Без всякого мистического вздора») [Чичибабин, В стихах и прозе, с.70].

Все в истории повторяется. XX век не исключение – он повторяет преступления прошедших лет. Это большая тема для автора. Он резко критикует подход власти к творчеству,

навязывание идей, о которых следует писать и отбрасывание тех тем, которые предлагаются творческими людьми. Он считает, что нельзя запретами заставить замолчать о главном, о том, чем живут, о чем думают, о чем мечтают. Политика не должна резать крылья творчеству. Творчество не должно касаться политики. Хотя сам Борис Алексеевич признавался, что ему не удается в стихотворениях не касаться политики совсем, она как будто сама появляется в них, когда он не планирует это специально.

Бездушную политиканства

Поэзия – противовес.

На колья лагерей натыканная,

на ложь и серость осерчав,

поворачивается к Великому

человеческие сердца... [Чичибабин, В стихах и прозе, с. 70]

Противопоставлена смерти любовь – единственное, что может спасти человеческую погибающую душу, восстановить, излечить душевные раны. Случайно встретив Лилию Семеновну Карась, Б.А. Чичибабин встретил свою долгожданную любовь, искреннюю, преданную до жертвенности, светлую и радостную. Лиля его воскресила, вдохнула забытое слово счастье, наполнила светом его серую жизнь. Эта поздняя любовь, как якорь для корабля, стала частью его самого, помогла обрести смысл жизни, переосмыслить свое отношение к смерти, зыбкости бытия. Он не стал проповедником, нет. Однако его убеждения пошатнулись: если мир спасет честная, искренняя поэзия, то его самого может спасти искренняя, настоящая любовь, в которую он уже давно перестал верить, которую давно перестал ждать.

Возлюбленная! Ты спасла мои корни!

И волю, и дождь в ликовании пью.

Безумный звонарь, на твоей колокольне

в ожившее небо, как в колокол бью

(«Колокол») [Чичибабин, В стихах и прозе, с.125].

Мы видим в образе колокола слияние грусти, смерти и радости, счастья, поскольку главные моменты православной человеческой жизни, освещаемые церковью, сопровождаются звоном колоколов. В данном случае речь идет о несостоявшемся похоронном звоне (возлюбленная спасла от матери Смерти) и звоне венчального колокола, соединяющего две любящие души (ведь именно любовь подарила ему крылья, о которых он мечтал, а браки, как известно, совершаются на небесах, и образ колокола вмещает в себя и ожившее небо, и души пращуров, и всю Русь).

Стихотворение «Колокол» является одним из особенно ярких примеров звукописи поэта: звуки вторят тексту, расширяют его смысловое содержание, добавляя последнему определённые оттенки. Сливаясь в смысловые единства, они объединяются ритмом и интонацией.

Начинается стихотворение с ассонанса звука [и], говорящего о ликовании и благодарности лирического героя (выразительно-изобразительная функция звукописи):

Возлюбленная! Ты спасла мои корни!

И волю, и дождь в ликовании пью [Чичибабин, В стихах и прозе, с.125].

В следующих строках – ассонанс звука [о]. Повторяемость этого звука порождает ассоциативные удивление и вздохи, как будто О вспоминает о своих мечтах. В данном примере звукопись выполняет эмоционально-экспрессивную функцию:

...в ожившее небо, как колокол, бью.

О как я, тщедушный, о крыльях мечтал,

о как я боялся дороги окольной [Чичибабин, В стихах и прозе, с.125].

После [и] и [о] следует ассонанс [у]:

А пращурь души вдохнули в металл <...>

Да буду и гулок, как он, и глубок,

Да буду, как он, совестлив и мятежен [Чичибабин, В стихах и прозе, с.125].

Эти строки позволяют внимательному читателю (слушателю) не только узнать намерения и желания поэта, но и почувствовать, как это же желание исполняется на его глазах: звук [у] создаёт иллюзию звучащего колокола. Заметим репризы между повторяющимся звуком:

у... у . у ... у

у . у ... у ... у

у . у

Перед нами – особый фон, особая мелодия колокольного звона, которая помогает образу колокола не раствориться при окончании чтения стихотворения, а некоторое время как бы витать в воздухе, невидимо присутствовать во всём своём величии. Эвфония, рассмотренная в данном примере, сообщает сходное звучание смысловым отрезкам фраз стихотворения, выкристаллизовывает поэтический образ колокола, именно на нём акцентирует внимание слушающего (читающего), то есть этот пример звукописи выполняет композиционную функцию.

В Лиле Чичибабин нашёл своё я, свою суть, источник вдохновения:

Без тебя я немог и нищ.

<...> все равно, покуда не подохну,

До конца, хоть ты мне и не догма,

Я тебе – малюсенький – молюсь

(«Сколько б ни бродилось, ни трепалось») [Чичибабин, Ранее и позднее, с. 84]

Удивительной оказывается мера, которой оценивает поэт жизнь – Лилей и стихами:

Я не верю тебе, когда ты проклинаешь меня,

Потому что душа не подвластна летам и болезням,

Потому что люблю, потому что, когда мы исчезнем,

Все стихи замолчат и не будет ни ночи, ни дня [Чичибабин, Ранее и позднее, с.127].

Бедна добром безродственность людская.

Давай умрем, друг друженьку лаская!

И не над нами небо, а внутри

(«Я о любви не верю злым вракам») [Чичибабин, Ранее и позднее, с. 135].

Я боль и смерть из рук твоих приемлю

(«Ты снилась нам, но втайне разумелось») [Чичибабин, Ранее и позднее, с. 136].

<...> а близ тебя и смерть не холодна

(«Иду на зов. Не спрашивай откуда») [Чичибабин, В стихах и прозе, с. 133]

Был стыд прозренья вызовом судьбе,

и я, не смея думать о тебе,

живой молил о милости загробной

(«За чашей бед вкусил и чашу срама») [Чичибабин, В стихах и прозе, с. 132].

Понимая и принимая неизбежность смертного часа, поэт просит возлюбленную предать его прах земле. Земля понимается не как участок земли, предназначенный для погребения, но как некая русская Обетованная Земля:

Когда умру, зарой мой прах в глуби

моей Руси, где гульбища коровьи,

где небо землю молит "Не убий"

(«Услышь моё заветное условие») [Чичибабин, В стихах и прозе, с. 139].

Таким образом, в рассмотренных в данной статье стихотворениях Б.А. Чичибабина можно выделить несколько мотивов: антисемитизм, тяжелая жизнь человека и его ранняя смерть, преследование неугодных власти поэтов, смерть на Родине, спасение от смерти как душевной, так и физической. Эти мотивы подчинены теме смерти, раскрывают и расширяют её, что позволяет называть её одной из главных тем творчества поэта.

Важным для понимания темы смерти являются приемы звукописи. Прямая связь между словом и его звуковой формой порождает новые ассоциативные образы, расширяют смысловое содержание произведений, добавляя им определённые оттенки. Сливаясь в смысловые единства, эти оттенки объединяются ритмом и интонацией, порождают музыкальный фон лирики поэта.

Литература

1. *Абрамович С.Д.* Библейская тема исхода в художественном мире Б. Чичибабина (стихотворение «Дай вам Бог, с корней до крон...») // Чичибабин и мировая литература. Вестник Крымских чтений Б.А. Чичибабина. Вып. 1. Симферополь: Крымский Архив, 2005. С. 3–6.
2. *Оглоблина Н.М.* «О, будь счастливой в жизни без меня!» Анализ одного стихотворения Бориса Чичибабина // Литература в школе. 2003. № 9. Ярославль. С. 23–25.
3. *Чичибабин Б.А.* Ранее и позднее / Сост. Л. С. Карась-Чичибабина. Харьков: Фолио, 2002. 479 с.
4. *Чичибабин Б.А.* В стихах и прозе. 3-е изд. Харьков: Фолио, 2002. 463 с.
5. *Чичибабин Б.А.* Стихотворения. Харьков: ТО «Эксклюзив», 2005. 284 с.
6. *Чичибабин Б.* Уроки чтения. Из писем поэта / Б. Чичибабин. Москва: Время, 2013. 256 с. (Серия «Диалог»).
7. *Эмирова А.М.* Крымская тема в поэзии Б.А. Чичибабина // Чичибабин и мировая литература. Вестник Крымских чтений Б.А. Чичибабина. Вып. 1. Симферополь: Крымский Архив, 2005. С. 60–66.

References

1. *Abramovich, S.D.* (2005). *Biblejskaya tema iskhoda v hudozhestvennom mire B. Chichibabina (stihotvorenie «Daj vam Bog, s kornej do kron...»)* [The Biblical theme of the Exodus in the artistic world of B. Chichibabin (the poem "God Grant you, from the roots to the crown...")] // *Chichibabin and world literature. Bulletin of the Crimean readings of Chichibabin*. Vol. 1. Pp. 3–6. Simferopol, Crimean Archive. (In Russian).

2. Chichibabin, B.A. (2002). *Ranee i pozdnee* [Earlier and later] / Comp. L. S. Karas-Chichibabina. 479 p. Kharkov, Folio. (In Russian).
3. Chichibabin, B.A. (2005). *Stihotvoreniya*. [Poems.]. 284 p. Kharkov, Exclusive. (In Russian).
4. Chichibabin, B. (2013). *Uroki chteniya. Iz pisem poehta* [Reading Lessons. From the poet's letters]. 256 p. Moscow, Time. (In Russian).
5. Chichibabin, B.A. (2002). *V stihah i proze*. [In verse and prose]. 463 p. 3-ed., corrected. Kharkov, Folio. (In Russian).
6. Ehmirova, A.M. (2005). Krymskaya tema v poehzii B. A. Chichibabina [Crimean theme in the poetry of Boris Chichibabin] // Chichibabin and world literature. Bulletin of the Crimean readings of Chichibabin. Vol. 1. P. 60-66. Simferopol, Crimean Archive. (In Russian).
7. Ogloblina, N.M. (2003). «O, bud' schastlivoj v zhizni bez menya!» Analiz odnogo stihotvoreniya Borisa Chichibabina ["Oh, be happy in life without me!" Analysis of one poem by Boris Chichibabin] // Literature at school. No. 9. P. 23–25. Yaroslavl. (In Russian).

Автор публикации**Author of the Publication**

Бажанова Елена Анатольевна –преподаватель, кафедра иностранных языков в сфере международных отношений, Казанский федеральный университет, ул. Кремлевская 18, 420008, 420111, Россия, Казань.

Bazhanova Elena A. – lecturer, Department of Foreign Languages in the Sphere of International Relations Kazan Federal University, 18 Kremlevskaya str., 420008 Kazan, Russia.

E mail: helene.bazhanova@gmail.com

E mail: helene.bazhanova@gmail.com

Поступила в редакцию: 10.10.2018.

Принята к публикации: 5.11.2018.

УДК 008:316.722

ОБРАЗ ДРАУПАДИ КАК СИМВОЛ ПРИЗЫВА К ДЕЙСТВИЮ В КУЛЬТУРЕ ИНДИИ

Р.Н. Сабирова, Д.В. Тябина

nrimman@yandex.ru, tbdia@mail.ru

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация. Индийские эпические произведения привлекают внимание разных людей монументальностью, обилием персонажей, богатством сюжетных линий. Количество научных трудов по индийскому эпосу велико, однако еще остается немало «белых пятен» для исследований. Затрагиваемые в статье вопросы о роли женщин в индийской культуре актуальны и в настоящее время и требуют тщательного изучения. Объектом исследования в статье является санскритский эпос «Махабхарата» (1988 и 2013 гг.). Предметом исследования является образ Драупади, главной героини произведения, в индийском эпосе и кинематографе. Используя сравнительный метод, авторы данной статьи ставят своей целью произвести анализ ее образа в кинематографе и эпике Индии, как он трансформировался в современном кинематографе, и попробовать понять, на какие запросы общества откликается подобная трансформация, образ Драупади можно охарактеризовать как действующий, динамичный, призывающей общество к активной деятельности в области человеческих отношений.

Ключевые слова: эпический, санскритский эпос, Махабхарата, Драупади, женский образ

Для цитирования: Сабирова Р.Н., Тябина Д.В. Образ Драупади как символ призыва к действию в культуре Индии // Казанский лингвистический журнал. 2018. Том 1, № 3 (3). С. 71–79.

DRAUPADI'S IMAGE AS A SYMBOL OF CALL TO ACTION IN INDIAN CULTURE

R.N. Sabirova, D.V. Tyabina

nrimman@yandex.ru, tbdia@mail.ru

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract. The monumentality, abundance of characters, and rich story (plot) lines in Indian epic works attract different layers of people. The amount of scientific papers on the Indian epic is large, but there are still a lot of «white spots» to research. The questions raised in the article about the role of women in Indian culture are also relevant at the present time and require thorough study. The object of the research in the article is the Sanskrit epos «Mahabharata» (1988 and 2013). The subject of the research is the image of Draupadi, the main heroine of the work, in the Indian epic and filmmaking. Using the comparative method, the authors of the article aim to analyze its image in cinema and epic, the way it was transformed in modern filmmaking, and try to understand what needs of society such a transformation responds to. The image of Draupadi can be described as acting, dynamic, calling on society to be active in human relations.

Keywords: epic, Sanskrit epos, Mahabharata, Draupadi, female image

For citation: Sabirova R.N., Tyabina D.V. Draupadi's Image as a Symbol of Call to Action In Indian Culcure // Kazan linguistic journal. 2018. Vol. 1, No. 3 (3). Pp.71–79.

Несмотря на многовековую историю, индийские эпические произведения до сих пор представляют интерес для исследователя. Это неиссякаемый источник индийского творчества, размышлений, работы над собой. На наш взгляд, в эпоху эмансипации и глобального «равенства»

полов женский вопрос как никогда актуален. «Махабхарата» – это огромное произведение, создававшееся целыми поколениями авторов в течение многих веков. «Махабхарата» – не только сказание о вражде двух родственных кланов и их борьбе за власть. В основную сюжетную линию вставлены дидактические и философские поучения, которые подчас занимают целые книги («Махабхарата» состоит из 18 книг). Эти поучения дополняют сюжетную линию тем, что, трактуя проблемы закона, морали, высшего долга и религиозные обязанности человека, они помогают понять и обосновать действия героев с точки зрения индуизма, основу которого составляет понятие дхармы, важнейшее для центральных частей эпоса. [Гринцер, с. 15] По мнению ученых [Гринцер, Невелева], «Махабхарата» создана как героико-дидактический эпос, в отличие от эпико-литературного произведения «Рамаяна», авторство которого приписывают легендарному мудрецу Вальмики. Эти произведения и поныне играют важную роль в социальной и духовной жизни индийского народа. Индийцы воспринимают эти произведения не как литературный шедевр, а как часть своей жизни: они поклоняются Кришне или Раме, а Драупади и Сита – идеалы женщин. Уже с самого рождения ребенок узнаёт о подвигах Рамы, верности Ситы и о великой битве на Курукшетре.

Образ главной героини санскритского эпоса «Махабхарата» многогранен. Драупади имеет несколько имен – Панчали, Кришнаа, Яджнасени, Пришата, Саирандхри и другие.

Впервые Драупади упоминается при ее чудесном рождении из жертвенного огня, она не обычная смертная, она дар богов:

«Затем восстала из середины алтаря девушка Панчали, одаренная счастливой долей, с прекрасным телом, с талией, как середина алтаря, и очаровательная. Смуглая (телом), с глазами как лепестки лотоса, с темносиними кудрявыми волосами, это была сама красавица, из бессмертных, принявшая человеческий облик. От неё на целую крошу шло благоухание, как от голубого лотоса, она являла высочайшую красоту и не было ей подобия на земле. И когда родилась эта прекраснобедрая, невидимый голос сказал: “ Эта лучшая из всех женщин, смуглая (телом), вызовет гибель кшатриев. Стройная в талии, она в надлежащее время совершит божественное дело; из-за неё наступит для кшатриев великая опасность”» [Махабхарата, 1992, с. 428–429. Кроша – 3,5 км]

Второй раз Драупади предстает перед читателем во время Сваямвары, церемонии, во время которой решается за кого выйдет замуж девушка. В этом эпизоде принцесса Панчали – это идеальная невеста. Многие цари и принцы со всей Бхараты (официальное название Индии на языке хинди) съезжаются, чтобы участвовать в испытании и получить ее в жены [Махабхарата, 1992, с. 467–468, 470] Испытание успешно проходит только Арджуна, значит ему стать мужем Драупади, но судьба приготовила первую проверку для нее. Не смея перечить матери, Арджуна и его братья женятся на Драупади. Всему этому находится объяснение, дхарма (закон) не нарушена и все остаются довольны. [Махабхарата, 1992, с. 534] А Кришнаа стала послушна всем пятерым сыновьям Притхи, тем львам среди мужей, одаренным неизмеримой силой. Они были удовлетворены ею, а она была весьма довольна теми пятью супругами, героями, подобно тому, как (река) Сарсвати – слонами.

В этих двух эпизодах рисуется идеальный, стереотипный образ эпической героини, такие же эпитеты и другие выразительные средства могут использоваться и при описании любого другого идеального эпического женского образа.

Характер нашей героини начинает раскрываться после свадьбы, когда она с любовью и заботой начинает ухаживать за мужьями и свекровью, она способна ревновать так, что даже мужья побаиваются. Ключевым эпизодом по мнению ученых считается эпизод игры в кости. По мнению Е.В. Таноновой, именно в сцене оскорбления Драупади в книге II – «Сабхапарве» ей впервые отводится активная роль в повествовании [Танонова, 138] Именно в этой сцене царица предстает совсем не как идеальная ведийская жена, она открывается нам совершенно с другой стороны, здесь ей приходится отстаивать свою честь и спасти своих мужей. Во время нечестной игры в кости с двоюродным братом, Дурьодханой, старший муж Юдхиштхира проигрывает все свое царство, своих братьев и делает последнюю ставку – это Драупади. Прежде чем принять окончательное решение, он задумывается и рассказывает о ее достоинствах:

«Не маленькая и не высокая, не слишком темная и не румяная, с глазами, воспаленными от страсти, – на нее я сыграю с тобой; на ту, чьи глаза подобны лепесткам осеннего лотоса, чье благоухание напоминает осенний лотос; кто сама наслаждается осенними лотосами; кто станом своим соразмерна с (богиней) Шри; кто может быть такой, что мужчина возжелает себе в жены из-за ее нежности, совершенства ее красоты и характера; кто ложится спать последней и пробуждается первой и наблюдает за всем, что сделано и не сделано, вплоть до пастухов и овчаров; чье лицо, когда оно покрыто потом, сияет, будто лотос или жасмин; у кого талия тонкая, как алтарь; у кого длинные волосы, медно-красные глаза и не слишком густой пушок на теле – на такую царевну Панчалы, о царь, на Драупади, с красивой талией и прелестным телом, увы, на такую ставку я сыграю, о сын Субалы». [Махабхарата, 1962, 89]

Конечно же, Юдхиштхира проигрывает, и Дурьодхана приказывает привести Драупади в зал собраний на всеобщее обозрение.

Страдая от унижений, которым ее подвергают в зале собраний, она стойко переносит испытания. Её реакция на то, что её проиграли и выволокли, полуодетую, в зал собраний не совсем та, которую ждут от идеальной ведийской жены. Для всех было бы удобней, если бы она безропотно повиновалась, а ещё лучше, если бы покончила собой. Вместо стыда, жалобной мольбы о милости, растерянности, она испытывает возмущение и жаждет справедливости и отмщения, её переполняет гнев, она подобна тому жертвенному полыхающему огню, из которого была рождена. Следует отметить, что такая реакция Драупади возникает вследствие того, что она осознает, что от мужей, попавших в ловушку дхармы, защиты она не получит. Ни один из мужей не смог вступить за нее, так как, во-первых, они сами уже стали рабами, во-вторых, дхарма (долг) не позволили им этого сделать (если бы они вступились за нее – это бы означало, что они идут против старшего брата, что строгойше запрещено). В этом эпизоде нарушаются многие законы: нельзя приводить законную жену в зал собраний и выставлять на всеобщее обозрение, нельзя касаться волос чужой жены – это приравнивается к физическому насилию,

нельзя оголять левое бедро как это сделал Дурьодхана – это приглашение к близости. Согласно заключению Я.В. Василькова появление законной жены Пандавов едва одетой в Собрании, наряду с констатацией факта порочности ее полиандрического брака, есть низведение ее на уровень «общих женщин Собрания», что, без сомнения, является смертельным оскорблением для Драупади [Танонова, 146].

Ее достойное поведение кажется вполне логичным: она рождена из огня и здесь проявляется её двойственный огненный характер (может обогреть, а может испепелить), она царица огромного государства, невестка великого рода Куру, она умна и образованна, что помогает ей не только освободить себя, но также и мужей от рабства и даже вернуть царство. Также ее освобождению способствуют два необычных явления. Первое – когда Драупади еще и попытались раздеть, то ее сари чудесным образом стало бесконечным, а второе – вой шакала, рев ослов и крики птиц, что было предзнаменованием гибели врагов, братьев Кауравов.

В этом важном эпизоде затрагиваются такие до сих пор актуальные проблемы брака (власть мужа над женой), проблема собственности и рабства.

К затаённой обиде, нанесенной Панчали в зале собраний и не получившей правового разрешения, добавятся еще страдания и испытания: во время 13-летнего изгнания ее похитит царь Джаядратха, а в последний год будет помогать Кичака.

Как было сказано выше Драупади, хоть и является верной и добродетельной супругой своих мужей и терпеливо переносит все годы изгнания, ее отличает нетипичное поведение индийской жены. Она жалуется Кришне на свою несчастную судьбу, она ведет длинную беседу с Юдиштхирой, пытаясь подвигнуть его к действию. В образе Драупади присутствуют элементы шактизма, она – динамическая, творческая сила, представляет активное начало, заставляет своих мужей действовать [Ефименко, 67] В характере Драупади показана двойственная природа Шакти: с одной стороны, благая и созидательная, а с другой – разрушающая, ее характер ближе к богиням Дурге или Кали, она жаждет мести и справедливости. Она не забыла обиды, не раз упрекнет она своих мужей в бездействии, и за каждое новое страдание она как богиня Кали будет жаждать крови. В сцене оскорбления и во время ухода в изгнание описания Драупади сходны с традиционным изображением кровожадной богини войны и смерти Кали. Среди отличительных признаков этой богини – темный цвет кожи (другое имя Драупади – Кришнаа, т. е. черная), бесстыдная нагота и растрёпанная копна волос, она приходит на поле битвы и собирает урожай из мертвых тел, своим длинным языком выпивает до капли всю кровь павших воинов. Жажда ее будет утолена – она омоет свои волосы кровью Духшасаны.

Образ Драупади динамичен. Драупади обладает неземной красотой, заботливая и нежная супруга, добродетельная, нравственная, образованная, разбирается в правовых и философских вопросах, сообразительная, остра на язык, деятельная, активная, а иногда даже напористая и агрессивная. Такую героиню нельзя обойти вниманием, о ней пишут книги, снимают фильмы. Рассмотрим, что происходит с образом главной героини в кинематографе.

В сериале «Махабхарата» (1988 г.) пропагандируется основная роль женщины – материнство и выстраивается некое триединство Женщина – Мать – Земля (Родина). Почти все герои, так или иначе, высказываются о роли и месте женщины в обществе. Например, «мать никогда не может быть плохой, право матери выше всего», «девушка сама должна выбирать себе мужа», «положение женщины высокое так как она – мать», «тот, кто не уважает женщину – не мужчина», «обязанность мужчины – защищать женщину». Этого уже достаточно, чтобы понять какие проблемы существуют в современном индийском обществе. Но почему-то все эти призывы не действуют и женщины в Индии продолжают страдать [Неру, с. 179, 381, 421]. Создатели сериала попытались приблизить образ Драупади к образу эпической героини, но при этом сделали акцент на ее активность, напористость. Она выглядит сильнее и увереннее своих мужей. Она более ревнива (например, женитьбу Арджуны на Субхадре воспринимает как оскорбление), эгоистична, высокомерна, временами вспыльчива. Сама навлекла на себя месть Дурьодханы, рассмеявшись над его неловкостью, Юдхиштхира упрекает ее, называя этот поступок безответственным. При сопоставлении эпизода в Собрании следует отметить, что Драупади в сериале заявляет о себе как о символе всего женского рода, оскорбили не только ее, но всех женщин. Сама Драупади не считает себя виноватой, она, как богиня Кали, жаждет крови своих мучителей и, не надеясь на своих мужей, сама трубит начало войны.

Говоря о главной героине сериала «Махабхарата» 2013 г., следует начать с ее рождения. Если в эпосе о ее рождении сказано буквально пару слов, а в сериале 1988 г. практически обыденное событие, то в сериале 2013 г. это целое событие, которому всячески противится царь Друпата (здесь поднимается проблема ненужности дочерей). Он соглашается принять дочь, но она должна обладать такими качествами, которыми не многие боги могут похвастаться [эп. 84 – Царь Друпата желает, чтобы его дочь познала борьбу и боль, так как они закаляют характер, чтобы увидела грязь всего мира, но сама при этом оставалась чистой, чтобы дарила людям храбрость и силу, но с ней должно происходить такое, от чего захочется расстаться с жизнью; пусть в ней отразится красота всего мира, пусть она постоянно сталкивается с несправедливостью, но сама при этом как цветок лотоса источает аромат праведности и т.д.]. Его слова звучат как благословение и проклятие одновременно, обрекая Драупади на несчастную жизнь. В том, что происходит с Драупади не только ее вина, это отказ от нее отца, противостояние Кауравов и Пандавов (демонов и богов), переход от одной юги (эпохи) к другой. Драупади как пешка в большой божественной игре. Нужна ее жертва, чтобы победила Дхарма (справедливость) [Bhattacharya, 49]. Ее образ в сериале не менее яркий, чем в эпосе, авторы постоянно подчеркивают ее огненную природу. Она есть воплощение Шакти, она рождена, чтобы стать царицей самого могущественного государства, и она обладает всеми необходимыми для этого качествами. Обратимся вновь к поворотному эпизоду эпоса – унижению Драупади в Собрании. Она понимает, что кроме Бога ее некому защитить, и она обращается с молитвой к Говинде (Кришне). Во всех киноверсиях именно Кришна делает ее сари бесконечным. В эпосе объяснения этому чуду нет. В версии 2013 г. невидимая сила срывает одежду и украшения с присутствующих в собрании и бросает все это к ногам Драупади – правда на ее стороне. В любой

трудной ситуации Кришна приходит ей на помощь, советом ли действием, он всегда рядом. Именно из его уст звучат слова о страданиях женщин и необходимости их освобождения. Если в эпосе Драупади вынуждена защищать себя и спасать мужей, то в сериале ей во всем помогает Кришна. В своих попытках получить ответы на свои вопросы она обращается к старейшинам, но ничего вразумительного она не слышит и приходит к выводу, что они просто не понимают значения Дхармы. Ее вера в Бога настолько сильна, что она сама поднимается на помост и предлагает попробовать себя раздеть. Уже в Собрании она отказывается от своих мужей, она не хочет быть частью семьи, которая подвергла ее таким издевательствам (у меня нет имени, нет мужей, нет рода, я словно огонь в сердце лесного отшельника, я как цветок, расцветший в грязи, я смерть всех грешников) – сходство с Кали, которая жаждет смерти. Она уже готова проклясть своих обидчиков, но женщины приходят на помощь. Гандхари и Кунти пытаются успокоить ее, напоминая, что главная обязанность женщины – дарить жизнь, а не обречь на смерть. И перед нами не богиня смерти, а простая страдающая женщина. Здесь же в Собрании звучат слова о предстоящей войне. Все самое важное, страшное произносится, высказаны все упреки в адрес мужей, а дальше только подготовка к войне. Драупади покидает Собрание, и никто не смеет ее остановить. Эту сцену можно охарактеризовать как обращение ко всем страдающим от лишений и оскорблений женщинам Индии.

Прекрасная Драупади имеет столь же яркий и неистовый характер как огонь, из которого она родилась. Полная противоположность Сите, главная героиня эпоса «Рамаяна», Панчали тоже считается идеалом индийской женщины (в ее честь построено более 400 храмов), но это уже «героическая жена», царица [Невелева, с. 30]. Она прекрасно образована, осведомлена об обязанностях жены, она – украшение своих супругов. Сатьябхама, жена Кришны, спрашивает совета у Панчали, как быть хорошей супругой, значит всем известно об ее добродетелях. Но она не может молча сносить оскорбления в свой адрес, она буквально требует отмщения. Она жалуется Кришне на свою несчастную судьбу, она ведет длинную беседу с Юдиштхирой, пытаясь подвигнуть его к действию.

В Индии религия является неотъемлемой частью жизни любого человека, а «Махабхарата» и «Рамаяна» почитаются как священные и авторитетные тексты, поэтому сериалы и фильмы, снятые по этим произведениям, приобретают особую популярность. Следовательно, они могли быть использованы их создателями для привлечения внимания к насущным проблемам общества, семьи, гендерным отношениям. В этих сериалах объединены традиция и новаторство. Просматривая ежедневно двадцатиминутный эпизод, зритель видит любимых, почитаемых героев, знакомый с детства сюжет, но с новыми идеями, которые заставляют задуматься. Запросы общества меняются. Если раньше «Махабхарата» и «Рамаяна» вдохновляли индийцев на освободительные движения против мусульман или англичан, и они мечтали жить как в эпоху Рама-раджья, то сейчас, когда Индия уже почти 70 лет независимое государство, вопрос положения женщины все еще актуален.

Очевидно, что образ Драупади трансформировался. Перед нами предстает самодостаточная женщина, с сильным характером, которая мужественно и стойко преодолевает

возникающие на ее жизненном пути испытания, при этом оставаясь нежными, любящими и преданными, объединяя двойственную природу Шакти.

Вероятно, ни одна феминистка настоящего времени не превзойдет Драупади в том, как она может постоять за себя. Возможно ли представить себе, что обычная, простая женщина, которую сначала пытаются раздеть на глазах безмолвствующих мужей; затем почти похищают в лесу, и ей приходится смириться с тем, что мужа оставляют в живых ее похитителя; затем пинают на глазах у царя и упрекают за то, что она посмела возмутиться; которую волокут, чтобы сжечь заживо; когда война неизбежна, наблюдать, как ее мужа просят Кришну пойти на перемирие; увидеть смерть своих родственников и детей – останется в здравом уме? Драупади не простая смертная во всех отношениях, в Индии ее почитают как *кануа* (одна из пяти дев, почитание которых избавляет от многих грехов).

Амаратья Сен в своих трудах затрагивал вопрос положения женщин в Индии. Он утверждает, что благосостояние (*well-being*) женщины напрямую зависит от ее деятельности (активности – *agency*). Женщины в широкой перспективе являются не пассивными реципиентами, получающими помощь от общества, а активными приверженцами (сторонниками) и помощниками социальных изменений. Такие изменения влияют не только на жизнь и благополучие самих женщин, но и также на мужчин и всех детей – и мальчиков, и девочек. Это крайне важное достижение влияния женского движения [Sen, 222] Женщина, работая вне дома и получая независимый доход, приобретает право голоса, как в семье, так и в обществе [Sen, 238] Активность женщины также важна в вопросе снижения детской смертности и ограничении уровня рождаемости.

Поскольку главная задача традиционной индийской жены – родить сына, Драупади дает по одному каждому из Пандавов, но не более того, и в этом иллюстрирует власть над своими чувствами и ведет аскетичный образ жизни. Поэтому, несмотря на наличие пяти мужей, Драупади является наивысшим проявлением целомудрия. Драупади не подходит под идеал традиционной индийской жены, но ее образ и в эпосе, и еще больше в сериалах подходит под идеал современной индийской женщины, который призывает женщин начать действовать и бороться за свои права и справедливость.

Литература

1. *Выдающиеся женщины Индии XX века* // Отв. редактор Т. Л. Шаумян. М.: ИВ РАН, 2002. 207 с.
2. Гринцер П.А. Великий эпос Индии. Махабхарата. Рамаяна. // Махабхарата; Рамаяна. Пер. с санскрита: С. Липкин, В. Потапова; Авт. предисл. П. Гринцер. М.: Пушкинская библиотека, АСТ, 2004. С. 5–25.
3. Ефименко В.А. Шактизм и тантра. // *Древо индуизма* / Отв. редактор И.П. Глушкова. М.: Восточная литература, 1999. С.64–95.
4. *Махабхарата*. Книга 1. Адипарва // Под ред. А.П. Баранникова. Пер. с санскр. В.И. Кальянова. М.: Ладомир, 1992. 736 с.
5. *Махабхарата*. Сабхапарва или Книга о собрании / Пер. с санскр. В.И. Кальянов. М.-Л.: Издательство академии наук СССР, 1962. 253 с.
6. *Махабхарата*. Книга третья. Лесная (Араньякапарва) // Пер. с санскр., предисловие и комментарии Я.В. Васильков, С.Л. Невелева. М.: Наука, 1987. 799 с.
7. *Махабхарата*. Виратапарва. Пер. с санскр. и комментарии В.И. Кальянов. Л.: Наука, 1967. 212 с.
8. Невелева С.Л. Махабхарата. Изучение древнеиндийского эпоса. М.: Наука, 1991. 228 с.
9. Неру Дж. Открытие Индии. В 2 кн. Кн. 1. М.: Политиздат, 1989. 460 с.

10. Танонова Е.В. Главная героиня древнеиндийского эпоса «Махабхарата» и эпоса телугу: дисс. ... канд. филол. наук. С.-Петербург, 2011. 215 с.
11. *Bhattacharya Pradip*. Panchakanya: Women of Substance. Journal of South Asian Literature, Vol. 35, No. 1/2, Miscellany (2000). Pp. 13–56.
12. *Forbes G*. The new Cambridge history of India. IV. 2. Women in Modern India. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 290 pp.
13. *Ford Jessica*. Fire: The Elemental Nature of Draupadi. Thesis / Masters of Arts / Religious Studies. Memorial University of Newfoundland. 2012.
14. *Mohanty Sachidanda*. Burden of Shakti: Female Agency and Literary Creativity in Orissa. Economic and Political Weekly, Vol. 39, No. 24 (Jun. 12-18, 2004). Pp. 2442–2444.
15. *Pal Deepanjana*. Why the new Mahabharat is an epic fail // www.firstpost.com: Latest News, Entertainment News, 17.09.2013. URL: <http://www.firstpost.com/bollywood/why-the-new-mahabharat-is-an-epic-fail-1114011.html> (дата обращения: 03.11.2018)
16. *Sutherland S.J*. Sita and Draupadi: Aggressive Behavior and Female Role-Models in the Sanskrit Epics // Journal of the American Oriental Society. 1989. Vol. 109. No. 1. P. 63–79.
17. *Sen Amartya*. The Argumentative India. Writings on Indian Culture, History and Identity. London: Penguin Books, 2006. 412 pp.
18. *Vasilkov Ya.V*. Draupadi in the Assembly-hall, Gandharva – Husbands and the Origin of the Ganikas // Indologia Taurinensia. 1989–1990 / Vol.XV–XVI. P. 387–398.

References

1. Bhattacharya, P. (2000) *Panchakanya: Women of Substance*. Journal of South Asian Literature, Vol. 35, No. 1/2, Miscellany (2000). Pp. 13–56. (in English)
2. Efimenko, V.A. (1999) *Shaktizm i tantra* [Shaktism and Tantra] // Drevo induizma [The tree of Hinduism] / Otv. redaktor Glushkova I.P. M.: Vostochnaya literatura, 1999. P. 64–95. (in Russian).
3. Forbes, G. (1999) *The new Cambridge history of India*. IV. 2. Women in Modern India. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 290 p. (in English).
4. Ford, J. (2012) *Fire: The Elemental Nature of Draupadi*. Thesis/ Masters of Arts/Religious Studies. Memorial University of Newfoundland. 2012 (in English).
5. Grincer, P.A. (2004) *Velikij hpos Indii. Mahabharata. Ramayana* [A great epos of India. Mahabharata. Ramayana] / Per. s sanskr. M.: Pushkinskaya biblioteka, AST, 2004 P. 5–25(in Russian).
6. Mahabharata. (1992) *Kniga 1. Adiparva* [Adiparva] // Pod red. A.P. Barannikova. Per. s sanskr. V.I. Kal'yanova M.: Ladomir, 1992. 736 p. (in Russian).
7. Mahabharata. (1962) *Sabhaparva ili Kniga o sobranii* [Sabhaparva or Book of the Assembly Hall] // Per. s sanskr. V.I. Kal'yanov. M., L.: Izdatel'stvo akademii nauk SSSR, 1962. 253 p. (in Russian).
8. Mahabharata. (1987) *Kniga tret'ya. Lesnaya. Aran'yakparva*. [Book three. Forest. Aranya Parva] // Per. s sanskr., predislovie i kommentarii Y.A.V Vasil'kov, S.L. Neveleva. M.: Nauka, 1987. 799 p. (in Russian).
9. Mahabharata. (1967) *Virataparva* [Book of Virata] // Per. s sanskr. i kommentarii V.I. Kal'yanov. L.: Nauka, 1967. 212 p. (in Russian).
10. Mohanty S. (2004) *Burden of Shakti: Female Agency and Literary Creativity in Orissa*. Economic and Political Weekly, Vol. 39, No. 24 (Jun. 12–18, 2004). Pp. 2442–2444. (in English).
11. Neru Dzh. (1989) *Otkrytie Indii. V 2 kn. Kn. 1* [The discovery of India]. M.: Politizdat, 1989. 460 p. (in Russian).
12. Neveleva S.L. (1991) Mahabharata. *Izuchenie drevneindijskogo eposa* [Study on ancient indian epos] M.: Nauka, 1991. 228 p. (in Russian).
13. Sen A. (2006) The Argumentative India. Writings on Indian Culture, History and Identity. London: Penguin Books, 2006. 412 p. (in English).
14. *Sutherland S.J*. (1989) Sita and Draupadi: Aggressive Behavior and Female Role-Models in the Sanskrit Epics // Journal of the American Oriental Society. 1989. Vol. 109. No. 1. P. 63–79. (in English).
15. Tanonova E.V. (2011) *Glavnaya geroinya drevneindijskogo eposa "Mahabharata" i ehposa telugu*. Dissertaciya ... kandidata filologicheskikh nauk. Sankt-Peterburg. 2011. 215 p. (in Russian).
16. Vasilkov Ya.V. (1989-1990) Draupadi in the Assembly-hall, Gandharva –Husbands and the Origin of the Ganikas // Indologia Taurinensia. 1989–1990 / Vol. XV –XVI. P. 387–398. (in English).
17. *Vydayushchiesya zhenshchiny Indii XX veka* (2002) [Great Women of India XX century] / Otv. redaktor T.L. Shaumyan. M.: IV RAN, 2002. 207 p. (in Russian).
18. Pal Deepanjana. (2013) *Why the new Mahabharat is an epic fail* // www.firstpost.com: Latest News, Entertainment News, 17.09.2013. URL: <http://www.firstpost.com/bollywood/why-the-new-mahabharat-is-an-epic-fail-1114011.html>_(accessed 03.11.2018) (in English).

Сабирова Римма Наилевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков в сфере международных отношений, Казанский федеральный университет, 420008, Россия, Казань, Кремлевская, 18.

E-mail: nrimman@yandex.ru

Тябина Диана Владимировна – старший преподаватель кафедры иностранных языков в сфере международных отношений, Казанский федеральный университет, 420008, Россия, Казань, Кремлевская, 18.

E-mail: tbdia@mail.ru

Rimma N. Sabirova – senior lecturer of Department of Foreign Languages in the sphere of International Relations, Kazan Federal University, 18 Kremlevskaya Str., Kazan, 420008, Russian Federation.

E-mail: nrimman@yandex.ru

Diana V. Tyabina – senior lecturer of Department of Foreign Languages in the sphere of International Relations, Kazan Federal University, 18 Kremlevskaya Str., Kazan, 420008, Russian Federation.

<http://orcid.org/0000-0002-5291-326>

E-mail: tbdia@mail.ru

Поступила в редакцию: 1.10.2018.

Принята к публикации: 15.11.2018.

УДК 821.161.1

«БЫТ» И «БЫТИЕ» РУССКОЙ УСАДЬБЫ В ПОЭЗИИ

Г.Р. ДЕРЖАВИНА

*И.С. Абрамовская, К. Егорова, Т. Князева**Irina.Abramovskaya@gmail.com**Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, г. Новгород, Россия*

Аннотация. В статье анализируется концепция повседневной жизни русской усадьбы, заключенная в поэзии Г.Р. Державина: сосуществование «духовного» и «телесного», философского, социального, бытового планов. Философские рассуждения о скоротечности всего сущего в лирике Державина подчеркивают значительность сиюминутного бытия. Заявлены оппозиции «город/деревня», «слава/свобода», «служба/счастливое житие», «истинное и ложное» богатство. В статье поясняются понятия, важные в эстетике Державина, – «покой», «свобода», «счастье». Выясняется, что к пониманию подлинной свободы поэт приходит через осознание необходимости улучшения «внешней» жизни через совершенствование жизни «внутренней», и тогда каждое переживаемое мгновение посредством художественного слова становится частью вечности

Ключевые слова. Поэзия Державина, русская усадьба, бытовое поведение, поэтические оппозиции, концепция повседневности, жизнестроение.

Для цитирования: Абрамовская И.С., Егорова К., Князева Т. «Быт» и «бытие» русской усадьбы в поэзии Г.Р. Державина // Казанский лингвистический журнал. 2018. Том 1, № 3 (3). С. 80–87.

"BYT" AND "BEING" RUSSIAN MANOR IN

G.R. DERZHAVIN'S POETRY

*I.S. Abramovskaya, K.M. Egorova, T.S. Knyazeva**Irina.Abramovskaya@gmail.com**Novgorod State University, Novgorod, Russia*

Abstract. The article analyzes the concept of everyday life of the Russian manor, concluded in the poetry of G.R. Derzhavin: the coexistence of "spiritual" and "physical", philosophical, social, everyday plans. Philosophical arguments about the transience of all that exists in the lyrics of Derzhavin emphasize the significance of momentary being. Oppositions "city / village", "glory / freedom", "service / happy living", "true and false" wealth are declared. The article explains the concepts that are important in Derzhavin's aesthetics: "peace", "freedom", "happiness". It turns out that the poet comes to the understanding of true freedom through the realization of the need to improve the "outer" life through the improvement of the "inner" life, and then every moment experienced through the artistic word becomes part of eternity

Keywords. Poetry Derzhavin, Russian manor, domestic behavior, poetic opposition, the concept of everyday life, life-building.

For citation: Abramovskaya I.S., Egorova K.M., Knyazeva T.S. "Byt" and "Being" Russian Manor in G.R. Derzhavin's Poetry // Kazan linguistic journal. 2018. Vol. 1, No. 3 (3). Pp. 80–87.

Идеализация сельского быта и противопоставление его ложной пышности города как особая тема входит в поэзию Г.Р. Державина постепенно, вследствие долгих раздумий о жизни в обществе, собственной судьбе. Известны факты биографии поэта, связанные со службой в армии,

с участием в подавлении пугачевского бунта, государственной службой в качестве губернатора, статс-секретаря Екатерины II, министра юстиции при Александре I. «Действительный опыт», о котором пишет Ф. Шиллер в связи с размышлениями о жанре идиллии [Шиллер, с. 440–441], стал основой переключения поэзии Державина с тем «высокой гражданственности» на темы интимные, семейные, домашние, которые, как оказалось, вовсе не исключали социальной активности. Гармоничный мир усадьбы, организованной как «единый культурно-хозяйственный комплекс (в него входили дом, сад, парк, хозяйственные постройки и пр.), “малая родина”, о которой хранили память многие поколения дворян» [Абрамовская, с. 4], не был чужд идеалам высокой культуры и гражданственности.

Рассуждения поэта об обыденных радостях укладываются в общую концепцию повседневной жизни. Осознание значительности каждого прожитого дня рождается вначале как оппозиция смерти («На смерть князя Мещерского») [Державин]:

*Едва увидел я сей свет,
Уже зубами смерть скрежещет,
Как молнией, косою блещет
И дни мои, как злак, сечет.*

Скоротечность человеческого бытия не зависит от желаний или поступков, от места в социальной иерархии. Пожалуй, никто из русских поэтов так эмоционально не сетует на «алчну смерть», ненасытная утроба которой «глочет царства», уносит в вечность «дни и годы», а жизнь человека становится подобна сну, «сладкой мечте». И вывод, к которому приходит лирический герой Державина, абсолютно «земной», он сформулирован в стихотворении «На смерть князя Мещерского» (1779):

*Жизнь есть небес мгновенный дар;
Устрой ее себе к покою
И с чистою твоей душою
Благословляй судеб удар.*

«Покой» у Державина – это вовсе не застывшая форма существования, а близкое эпикуреизму понимание свободы от бессмысленной рефлексии по поводу конечности всего сущего, понимание, необходимое для счастья человека. Однако важно соблюдение этических норм, некоей «меры» веселья, о чем заявлено в послании «К первому соседу» (1789):

*Доколь текут часы златые
И не приспели скорби злые,
Пей, ешь и веселись, сосед!
На свете жить нам время срочно;
Веселье то лишь непорочно,
Раскаянья за коим нет.*

Поэт приходит к утверждению необходимости строительства «внутренней» жизни для достижения покоя и в жизни, так сказать, «внешней» («На счастье» (1789): «Спокойствие мое во

мне!»; «Мой истукан» (1794): «Счастье нам прямое / Жить с нашей совестью в покое»). Мысль о единстве и борьбе противоположностей, высокого и низкого в существе человека, прославление духовных начал жизни и «любование прекрасной вещностью мира» [Лебедева, с. 295] постоянно соседствуют в поздней лирике Державина. Философские рассуждения о скоротечности жизни повышают эстетическую ценность картин домашнего быта, подчеркивается значительность сиюминутного бытия, воспеваются красота простых, каждодневных радостей: труда на лоне природы, пирушки с друзьями и в кругу семьи, охота.

В этот период творчества, то есть в 1780–1790-е годы Державин всё чаще рисует картины сельского помещичьего быта, находя в нем отдохновение от трудов, духовное обогащение, радость общения с близкими людьми. Так, в послании «Капнисту» (1797) дана картина семейного счастья на лоне природы. Жизнь в родном отечестве без помышлений «скакать от скук или беды» в «другие земли», довольствоваться малым, быть непритворным – вот что делает человека счастливым. Поскольку обращается Державин к поэту-единомышленнику, нет нужды углубляться в темы развитой духовной жизни. Лишь в конце послания вводится тема незавидной судьбы поэта, вынужденного находиться в Петрополе, среди «злословной черни».

Мысль о незатейливом счастье приобретает более конкретные черты в стихотворении «Похвала сельской жизни» (1798) (в рукописи стихотворение называлось: «Горация похвала сельской жизни, соображенная с российскими нравами»), где хозяин усадьбы уподоблен «смертным первородным», истинным детям природы, свободным трудом добывающим хлеб насущный и заполняющим свои дни нужными и приятными занятиями. Мотив свободы звучит всё более отчетливо: это свобода от необходимости «бить челом» господам, свобода от службы в армии и суде. Лирический герой наделен чертами умелого хозяина, занятого физическим трудом.

Но садит он в саду своем

Кусты и овощи цветущи;

Иль диких дров, кривым ножом

Обрезав пни, и плод дающи

Череня прививает к ним...

В этом стихотворении важен характерный для идиллии мотив цикличности времени, смены времен года и занятий, соответствующих каждому сезону. Особо выделен мотив супружеского счастья, подчеркивается роль домовитой хозяйки, пекущейся о детях и о порядке в доме. Разворачивается картина обильного «русского обеда» с горшком щей, копченым окороком «под дымом» и прочими яствами, в сравнении с которыми даже французские устрицы не вызывают аппетита. Однако стихотворение это – монолог откупщика, который собрался было стать поселянином, да «остался паки мещанином», «а ныне деньги отдал в рост». То есть о деревне «мечтается», это особая точка зрения, отсюда подчеркнутая идилличность изображения, лишенного ярко выраженного личностного начала.

Всё те же радости описаны в «Деревенской жизни» (1802), но уже от первого лица и речь идет «о себе». Вновь подчеркиваются оппозиции «город/деревня», «слава/свобода», «служба/счастливое житие», «истинное и ложное» богатство.

Что нужды мне до града?

В деревне я живу;

Мне лент и звезд не надо,

Вельможей не слыву;

О том лишь я стараюсь,

Чтоб счастливо прожить;

Со всеми обнимаюсь,

И всех хочу любить<...>

Богат, коль здрав, обилен,

Могу поесть, попить;

одчас и не бессилён

С Милой пошалить.

Однако одно дело высказывать поэтические хвалы деревне, когда есть выбор – служба вынуждала бывать в городе, о котором так нелестно отзывался Державин, совсем другое состояние переживал поэт, действительно получивший отставку, что произошло в начале октября 1803 года. В это время написано стихотворение «Свобода» (октябрь 1803), по существу, это прощание с прошедшим и принятие нового настоящего, свободного от ига «титла, золота, чести».

В.Ф. Ходасевич в биографии поэта писал: «До отставки он любил Званку за то, что она была красивее и богаче его собственных деревень; за то, что она лежала в ста семидесяти верстах от Петербурга, у большой московской дороги: было легко, нехлопотно убежать сюда из столицы. Но после отставки она стала дорога ему в особенности: вынужденное бездействие само собой превращалось в добровольное, отставка – в отдых. Он привыкал к положению частного человека и как бы гостя в самой России. Он звал себя отставным служивым – яд обиды старался растворить в шутке» [Ходасевич, с. 194]. Однако жизнь в Званке вовсе не походила на «отставку», она была наполнена важными делами – благодаря досугу Державин написал большой труд «Записки из известных всем происшествий и подлинных дел, заключающих в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина», создал «Объяснения на сочинения Державина относительно темных мест, в них находящихся, собственных имен, иносказаний и двусмысленных речений, которых подлинная мысль автору токмо известна; а также изъяснения картин, при них находящихся, и анекдотов, во время их сотворения случившиеся».

«Евгению. Жизнь Званская» (1807) дает наиболее полное представление о домашнем деревенском быте, в который поэт погрузился. Здесь философский, социальный, бытовой планы органично сосуществуют. Здесь каждое переживаемое мгновение посредством художественного слова становится частью вечности.

Званка превратилась для Державина в место, где он мог отрешиться от печаливших его дум и тревог по поводу не удовлетворявшей его службы, как это видно из его «Записок». Имение с 1797 г. принадлежало второй жене поэта, Дарье Алексеевне Дьяковой. С 1803 г. и до самой смерти в 1816 г. Державин лето проводил в Званке, где им было написано около 60 стихотворений, включая знаменитое послание «Евгению. Жизнь Званская», 5 театральных сочинений, «Записки» и пр. Державинская Званка была отстроена по проекту его друга Н.А. Львова, поэта и архитектора, члена Российской академии и Академии художеств, разносторонне одаренного человека. Имение, живописно расположенное на высоком берегу Волхова, включало двухэтажный господский дом с бельведером, фонтан перед домом, сад и цветник, хозяйственные постройки, ковровую и суконную фабрики, крестьянскую больницу. Сохранились изображения имения, сделанные в разные годы. Автор одного из них – Е.М. Аврамов (Абрамов), секретарь поэта, принимавший активное участие в организации праздников в Званке, а при необходимости исполнявший роль архитектора и живописца. Его акварельный рисунок вида Званки Державин подарил Е. Болховитинову [Грот, с. 642-659]. На обратной стороне автограф поэта:

На память твоего, Евгений, посещения

Усадьбы маленькой изображен здесь вид.

Гораций как бывал Мецею в восхищеньи,

Так был обрадован мурза-шиит.

А под рисунком содержатся строки, написанные Евгением в ответ:

Средь сих болот и ржавин

С бессмертным эхом вечных скал

Бессмертны песни повторял

Бессмертный наш певец Державин.

И.З. Серман точно заметил, что «в “Жизни Званской” Державин поэтически воспроизвел “вечер” своей собственной жизни. «Похвала» сельской жизни – тема традиционная для русской поэзии второй половины XVIII века – соединилась у Державина с темой элегической, с раздумьями о себе, о времени, о своем посмертном уделе» [Серман, с. 100]. Всё стихотворение, основное его содержание – описание быта званского, причем, воспроизводя распорядок одного дня, Державин дает обобщенную картину жизни в усадьбе. И жизнь эта изолирована от остального пространства, особенно от пространства города, Петербурга, в котором теснота, «затворы», «бремя роскоши», «несвобода». Званка – это свободное пространство, «вольность золотая», уединение, тишина, довольство, здравие, согласие с женой, т.е. «покой дней в останке». Завершая описание усадьбы, герой одновременно как будто завершает и описание собственной жизни. «Этим лишний раз подчеркивается тяготение усадебной жизни к полной изоляции и претензии ее на абсолютную законченность и совершенство; это исчерпывающий мир, в котором есть все, что необходимо человеку для полноценной счастливой жизни» [Веселова, с. 216]. Здесь не только труды сельские, но и кабинет с книгами, и балы («Внутри дома тешимся столиц увеселеньем»), и беседы с друзьями, и карты, и благотворительность, и заботы о собственных крестьянах (в Званке

есть больница) и прочие радости бытия. Воспроизведенный мир гармоничен, в нем душа и тело, возвышенное и бренное в полном согласии. Как точно указывает исследователь творчества Державина, быт в стихотворении поднимается до уровня поэзии, «вещественное в усадьбе не противопоставлено духовному, а наполнено им» [Державинские..., с. 122]. «Одухотворенный усадебный быт» [Там же] способствует творчеству, потому что создает ситуацию, при которой для лирического героя частная жизнь так же важна, как общественная. «Оттуда», из бытового пространства, отвлекшись от самых «низменных» утех (игры в карты, к примеру), лирический герой приходит «в святилище муз», где уподобляется древним поэтам, Горацию и Пиндару, великим лирикам античности, и творит свой поэтический миф о Званке, вмиг превратившейся в пространство чистой эстетики. Здесь он Творец.

Говоря в заключительных строфах о разрушении усадьбы, Державин вновь поднимает тему «Памятника» и памяти потомков, для которых он «весь не умрет», и поэзия

*Так в мраке вечности она своей трубой
Удобна лишь явить то место, где отзывы
От лиры моя шумящею рекой
Неслись чрез холмы, доли, нивы.
Ты слышал их, – и ты, будя твоим пером
Потомков ото сна, близ Севера столицы,
Шепнешь в слух страннику, в дали как тихий гром:
«Здесь бога жил певец, – Фелицы.*

Незадолго до смерти, 6 июля 1816 г., Державин написал акrostих:

*Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы.*

Писал поэт под впечатлением от таблицы «Река времен, или Эмблематическое изображение всемирной истории от древнейших времен по конец осьмаго надесять столетия. Сочинено Фридериком Страссом. Переведено в Санктпетербурге. 1805». Все страны изображены как реки и ручейки, впадающие в единую реку всеобщей истории. Вновь звучит скорбный мотив забвения, равенства всего сущего перед лицом смерти, и даже творчество «общей не уйдет судьбы», поглощенное вечностью. Жизненный цикл поэта замкнулся.

В элегии П.А. Плетнева «Гробница Державина» (1819) [Плетнев, с. 322] объясняется значимость присутствия известной личности в том или ином месте – имя привлекает внимание и к самому пространству, и ко всем событиям, которые с ним связаны:

О счастливый Певец счастливейших времен!

Придут, придут сюда из отдаленья

Грядущих чада лет и чуждых нам племен

Блуждать, как я, и слушать песнопенья –

И дряхлый Новгород тобою не умрет...

В развалинах отечества Вадима

Еще придут искать твоей гробницы след,

Как в Риме прах Певца Ерусалима.

Деревня Званка пережила своего певца, в середине XIX столетия в ней был открыт монастырь, который стал центром притяжения для жителей окрестных деревень и новгородцев. Сейчас на месте дома Державина стоит памятный знак, не время, а люди уничтожили постройки, не осталось даже руин, хранивших память о былом, однако Званка вошла в историю благодаря Державину, его бессмертной лире, прославившей это пространство.

Литература

1. *Абрамовская, И.С.* «Русская идиллия» в эстетике и прозе конца XVIII – первой половины XIX века. Великий Новгород, 2005. 88 с.
2. *Веселова, А.* Усадебная жизнь в стихах поэтов львовско-державинского кружка// XVIII век. Сб. 24. СПб., 2006. С. 206–218.
3. *Грот, Я.* Жизнь Державина. М., 1997. 685 с.
4. *Державин, Г.Р.* Стихотворения. Л., 1957. 469 с. Тексты стихотворений цитируются по этому изданию.
5. Державинские чтения. I. СПб., 1997. 192 с.
6. *Лебедева, О.Б.* История русской литературы 18 века. М., 2000. 415 с.
7. *Плетнёв, И.А.* Гробница Державина. Элегия // Поэты 1820–1830-х годов. Библиотека поэта. Т. 1. Л., 1972. 792 с.
8. *Серман, И.З.* Державин. Л., 1967. 119 с.
9. *Ходасевич, В.Ф.* Державин. М., 1988. 327 с.
10. *Шиллер, Ф.* Собр. соч. в 7 т. Т.6. М., 1957. 793 с.

References

1. *Abramovskaya, I.S.* (2005) «*Russkaya idilliya*» v *ehstetike i proze konca XVIII – pervoj poloviny XIX veka* ["*Russkaya idilliya*" in *ehstetike i proze the end of the XVIII – pervoj half of the XIX lid*]. Velikij 88 p., Veliky Novgorod. (In Russian).
2. *Derzhavin, G.R.* (1957) *Stihotvoreniya* [Stihotvoreniya]. 469 p. Leningrad. (In Russian). Teksty stihotvoreniy citiruyutsya po ehtomu izdaniyu.
3. *Derzhavinskie chteniya. I.* (1997) [Derzhavin readings]. 192 p. Saint-Petersburg. (In Russian).
4. *Grot, Ya.* (1997) *ZHizn' Derzhavina* [Derzhavin's Life]. 685 p. Moscow. (In Russian).
5. *Hodasevich, V.F.* (1988) *Derzhavin* [Derzhavin]. 327 p. Moscow. (In Russian).
6. *Lebedeva, O.B.* (2000) *Istoriya russkoj literatury 18 veka* [History of Russian literature of the 18th century]. 415 p. Moscow. (In Russian).
7. *Pletnyov, I.A.* (1972) *Grobnica Derzhavina. Elegiya* [The Tomb Of Derzhavin. Elegy] // *Poehty 1820–1830-h godov. Biblioteka poehta. T.1.* 792 p. Leningrad. (In Russian).
8. *Serman, I.Z.* (1967) *Derzhavin* [Derzhavin]. 119 p. Leningrad. (In Russian).
9. *SHiller, F.* (1957) *Sobr. soch. V. 7. T.6.* [Coll. CIT. in 7 t. T.6]. 793 p. Moscow. (In Russian).
10. *Veselova, A.* (2006) *Usadebnaya zhizn' v stihah poehtov l'vovsko-derzhavinskogo kruzhka* [Manor life in the verses of poets of the Lvov-Derzhavin circle] // XVIII vek. Sb. 24. Pp 206-218. Saint-Petersburg. (In Russian).

Авторы публикации

Абрамовская Ирина Сергеевна – кандидат филол. наук, доцент, Новгородский гос. университет, 173003, Россия, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41.

Authors of the publication

Irina S. Abramovskaya – Associate Professor, Candidate of Philology, Novgorod State University, 41 Big St. Petersburg Str., Velikiy Novgorod, 173003, Russian Federation.

E-mail: Irina.Abramovskaya@gmail.com

Егорова Ксения Михайловна – аспирант, Новгородский гос. университет, 173003, Россия, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41.

E-mail: ksenyu@rambler.ru

Князева Татьяна Сергеевна – аспирант, Новгородский гос. университет, 173003, Россия, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41.

E-mail: tanysoh2@yandex.ru

E-mail: Irina.Abramovskaya@gmail.com

Ksenia M. Egorova – postgraduate student, Novgorod State University, 41 Big St. Petersburg Str., Velikiy Novgorod, 173003, Russian Federation.

E-mail: ksenyu@rambler.ru

Tatyana S. Knyazeva – postgraduate student, Novgorod State University, 41 Big St. Petersburg Str., Velikiy Novgorod, 173003, Russian Federation.

E-mail: tanysoh2@yandex.ru

Поступила в редакцию: 3.11.2018.

Принята к публикации: 16.11.2018.

**ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО РОМАНА
И СПЕЦИФИКА ЕГО ПЕРЕВОДА (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА В. ПЕЛЕВИНА
«GENERATION “P”» И ЕГО ПЕРЕВОДА Э.БРОМФИЛДА)**

A.A. Kirpichnikova

kirpanna@yandex.ru

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются особенности постмодернистского романа на примере произведения Виктора Пелевина «Generation “P”», опубликованного в 1999 году и посвященного рекламе – явлению ворвавшемуся в российскую действительность в конце XX века и завоевавшему умы граждан нашей страны. Среди таких особенностей можно выделить, во-первых, идею о необходимости комбинировать различные стили: роман, в частности, полон жаргонных слов, идиом и даже научных терминов, которые вместе создают уникальный стиль произведения. Во-вторых, языковую игру, которая может быть представлена на двух уровнях: смешение стилей (особенности жанров легенды, рекламных текстов, научных текстов и даже молитвы) и разрушение образности фразеологизмов, а также создание новых устойчивых выражений, например, путем комбинации уже существующих. Более того, в романе присутствует огромное количество отсылок к другим произведениям, и в этом случае мы можем говорить об интертекстуальности. Причем отсылки могут быть как к произведениям русской литературы, так и зарубежной, а также быть явными (упоминается авторство, приводится цитата) или завуалированными. Поскольку языковая игра и интертекстуальность – понятия весьма сложные для перевода, в статье также анализируется перевод романа на английский язык, представленный Эндриу Бромфилдом.

Ключевые слова: постмодернистский роман, Виктор Пелевин, интертекстуальность, языковая игра, смешение стилей.

Для цитирования: Кирпичникова А.А. Языковые особенности постмодернистского романа и специфика его перевода (на примере романа В. Пелевина «Generation “P”» и его перевода Э.Бромфилда) // Казанский лингвистический журнал. 2018. Том 1, № 3 (3). С. 88–95.

**THE LINGUISTIC FEATURES OF POSTMODERNISM NOVEL AND ITS TRANSLATION
SPECIFICITY (THE CASE OF THE NOVEL “GENERATION “P”
BY VICTOR PELEVIN AND ITS TRANSLATION BY A. BROMFIELD)**

A.A. Kirpichnikova

kirpanna@yandex.ru

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract. The article considers the linguistic features of postmodernism novel using the example of the literary work «Generation “P” » by Victor Pelevin. Firstly, the idea about the impossibility of new style invention and the necessity of different styles combination. The novel is full of different jargon words, idioms and even scientific terms which are used all together creating unique style. It is important that in postmodernism literature good or bad words or styles do not exist; they are all equal. Secondly, the idea of language game. There are two levels of representing this idea: the mix of styles and the loss of figurativeness by phraseological units. Moreover, the novel is full of references to other stories and poems and in this case, we can speak about “rewriting” as a common method of postmodernism.

The language game and intertextuality are really difficult things to translate so the author analyses the novel’s translation by Andrew Bromfield.

Keywords: postmodernism, Victor Pelevin, language game, “rewriting”, mix of styles

For citation: Kirpichnikova A.A. The Linguistic Features of Postmodernism Novel and its Translation Specificity (The Case of the Novel "Generation "P" by Victor Pelevin and its Translation by A. Bromfield) // Kazan linguistic journal. 2018. Vol. 1, No. 3 (3). Pp. 88–95.

Одной из основных особенностей постмодернистских романов является их интертекстуальность, иными словами, постмодернистский текст соткан из сотен других текстов. В связи с этим многие исследователи отмечают, что «основной задачей переводчика в случае перевода постмодернистских текстов является распознавание разного рода типов интертекстуальных связей, их дешифровка и передача на языке перевода» [Нестерова, Попова, с. 151]. Кроме того, языковая игра, являющаяся неотъемлемой частью данного литературного направления, также может представлять сложность для переводчика.

Без преувеличения можно сказать, что постмодернистские произведения российских авторов особенно интересны для переводчиков. Во-первых, в связи с «непохожестью» русского языка ни на один европейский язык (разная грамматика, совершенно непохожие фразеологизмы и т.д.), а во-вторых, в связи с обширной культурологической базой.

Пожалуй, самым ярким представителем российского постмодернизма может считаться Виктор Пелевин, чей роман «Generation "П"» получил широкую известность за рубежом. В Англии данное произведение было впервые опубликовано в 2000 году в переводе Эндрю Бромфилда, познакомившего англоязычный мир с Булгаковым, Хармсом, Войновичем и многих другими.

«Для постмодернизма характерны тотальная ирония, игровое начало, а также эсхатологическое настроение конца тысячелетия и "déjà vu", эффект которого основан на "литературном воспоминании", т.е. на интертекстуальной стратегии, – отмечает Е.Ю. Попова. – Все вышеупомянутые особенности нашли яркое выражение в творчестве Виктора Пелевина» [Попова, с. 10].

Говоря о языковой игре, следует отметить, что она в романе Виктора Пелевина проявляется, например, в смешении стилей и вольном обращении с фразеологизмами. Устойчивые выражения неоднократно используются в сценариях и слоганах, написанных главным героем произведения – Вавилоном Татарским. Примером может служить высказывание «Род приходит, и род уходит, а земля пребывает вовеки», которое органично вписывает в рекламу кондитерского комбината, дабы подчеркнуть зыбкость существующего мира и наличие лишь ограниченного количества постоянных вещей (в оригинале к таким постоянным вещам может быть отнесена земля, в ролике – кондитерский комбинат).

Однако после того как клиент, заказавший ролик, оказывается убит, с этим изречением происходят интересные метаморфозы: «Род приходит, и род уходит, – философски подумал Татарский, – а своя рубашка ближе к телу» [Пелевин, с. 29]. Таким образом, происходит соединение цитаты про род и пословицы «Своя рубашка ближе к телу», и при этом изречение лишь усиливает смысл пословицы: свои стремления и желания всегда будут превыше стремлений и желаний остальных.

Всю суть этого слияния фразеологизмов удалось передать при переводе и Эндрю Бромфилду: *“One generation passeth away and another generation cometh”, Tatarsky thought philosophically, “but thou lookest out always for number one”*. В этом случае интересно не только само слияние фразеологизмов, но и тот факт, что они находятся в разных стилистических пластах, и это отчетливо проявляется не только в русском, но и в английском языке. Дело в том, что выражение *“One generation passeth away, and another generation cometh: but the earth abideth forever”* очень древнее и принадлежит к высокому стилю, о чем свидетельствует употребление архаичных форм *“passeth”, “cometh”, “abideth”*. Вторая же часть сочетает в себе устаревшее слов *“thou”* (you – современный эквивалент), устаревшую форму *“lookest”* и выражение *“lookoutfornumberone”*, которое дается в словарях с пометкой «разговорное».

Итак, здесь языковая игра проявляется сразу на нескольких уровнях – вольное обращение с фразеологизмами и смешение стилей, а значит, переводчику удалось передать суть оригинального текста.

Еще одним примером использования фразеологизмов в рекламе может служить высказывание *«Деньги не пахнут»*. Так, в созданной Вавиленом Татарским рекламе нового аромата Hugo Boss нарушается образность данного фразеологизма и происходит его преобразование в диаметрально противоположное высказывание: *«Деньги пахнут»*. В данном случае речь идет не о том, что не важен способ получения денег, а о доступности нового одеколора известной фирмы лишь богатым и знаменитым людям. Разрушение образности фразеологизма происходит и при переводе: *“MONEY DOES SMELL! “BENJAMIN” THE NEW COLOGNE FROM HUGO BOSS”*. В данном случае Эндрю Бромфилд ограничивается практически дословным переводом текста, поскольку само выражение *«Деньги не пахнут»*, которое приписывают императору Веспасиану, находится в общекультурном контексте и знакомо представителям любой национальности.

Значимо, что крылатое выражение, относящееся к высокому стилю, используется при рекламе одеколора – предмета бытового, повседневного, и это помогает создать некий комический эффект, подчеркнуть абсурдность общества потребления: *«Абсурдность, нелепость рекламных текстов, вписанных в не менее странную с точки зрения допостмодернистской логики сюжетно-фабульную линию, дает читателю взглянуть и понять всю абсурдность отхода от своего духовного начала в сторону неодушевленных вещей, якобы способных решить все проблемы и сделать обладателя счастливым»* [Кугаевский, с. 155].

Однако стоит отметить, что при переводе на английский язык этот контраст между повседневным предметом и использующимся при его рекламе крылатым выражением высокого стиля несколько размывается, поскольку используется грамматическая форма *“doessmell”*. Она, с одной стороны, помогает усилить эмоциональность, а с другой, может быть маркирована как разговорная в отличие от формы *“smells”*.

Разрушение образности присутствует и при использовании фразеологизма *«глухо, как в танке»*, который характеризует бесперспективное дело или вопрос/ просьбу, оставшуюся без

ответа. В романе Виктора Пелевина мы встречаем лишь первую его часть «как в танке» при описании ларька, в котором еще до прихода в рекламный бизнес работал Вавилен Татарский: «*В ларьке было полутемно и прохладно, как в танке...*» [Пелевин, с.15]. В итоге, остается лишь прямое значение, и мы видим сравнение маленького, неудобного помещения с танком. При переводе Эндрю Бромфилду не удалось передать это культурологический контекст, связанный не просто с теснотой, но и безысходностью, и перед англоязычными читателями предстает следующий вариант: “Inside the kiosk it was half-dark and cool, like inside a tank...”.

Пожалуй, одним из наиболее интересных моментов, связанных с фразеологизмами в романе «Generation “П”», может считаться создание новых высказываний. Вавилен Татарский, например, говоря об огромном количестве рекламных агентств, употребляет не общеизвестное выражение «*как грибы после дождя*», а придуманное им самим «*как гробы после вождя*» [Пелевин, с. 31]. Действительно, в Советском Союзе, существование которого началось с революции и гражданской войны, а потом было озаменовано сталинскими репрессиями, именно сравнение с большим количеством смертей, вызванным стоящими у власти людьми, было вполне понятным, а вот грибы в 90-ые годы XX века люди уже почти не собирали.

Что же касается перевода, то там данная часть текста просто отсутствует, поскольку передать исторический контекст данной фразы иностранцам представляется возможным лишь после долгого рассказа про историю России. Более того, если Виктор Пелевин при рассуждении о советской ментальности использует слово «вождь», надеясь на понимание читателя, то в переводе Эндрю Бромфилд встречается уже конкретное имя – Ленин: «*А вождь наконец-то покидал насиженную Россию. Его статуи увозили за город на военных грузовиках....*» [Пелевин, с. 31] – “*Lenin's statues were gradually carted out of town on military trucks...*” (перевод Эндрю Бромфилда).

Таким образом, при переводе языковой игры, связанной с использованием фразеологизмов и крылатых выражений, существует несколько стратегий:

1. попытаться найти аналогичный фразеологизм и произвести с ним манипуляции близкие к оригиналу (“*One generation passeth away and another generation cometh, but thou lookest out always for number one*” – «*Род приходит, и род уходит, а своя рубашка ближе к телу*»);

2. использовать дословный перевод, если крылатое выражение вписано в общекультурный контекст («*Деньги пахнут*» – “*Money does smell*”);

3. если выражение употребляется как в прямом, так и в переносном значении, можно опять же использовать дословный перевод, однако при этом теряет глубинный смысл выражения («как в танке» – тесно (прямое) и беспросветно (переносное) – “like inside a tank” (только прямое значение – «тесно»));

4. умолчание («как гробы после вождя»).

Как уже было сказано, большой интерес в романе представляет смешение стилей, а точнее даже различных жанров. Герой произведения – Вавилен Татарский – создает рекламные ролики, работает в этой быстроразвивающейся сфере. И именно сценарии этих роликов составляют большую часть романа. Вот, например, одно из «творений» Вавилена: «*Следующий кадр: две*

пачки порошка. На одной надпись «Ариэль». На другой, блекло-серой, надпись «Обычный Калибан». Голос Миранды за кадром: «Об Ариэле я услышала от подруги» [Пелевин 2011, с. 75].

Кроме роликов, создает он и рекламные слоганы, огромное количество которых также представлено в романе:

Деньги пахнут!

«Бенджамин»

Новый одеколон от ХУГО БОСС [Пелевин 2011, с. 82].

Еще один жанр, легший в основу данного произведения, - легенда. Главный герой, разбирая старые бумаги, находит записи с легендой о богине Иштар и ее загадках: «*Предание о трех халдейских загадках гласило, что мужем богини мог стать любой житель Вавилона. Для этого он должен был выпить особый напиток и взойти на ее зиккурат*» [Пелевин, с. 43]. Тут важно отметить, что в финале произведения сам Вавилон Татарский оказывается мужем Иштар.

Отрывки, посвященные легенде, изобилуют словами высокого стиля («*богиня*», «*вершина*», «*ритуал*») и даже историзмами («*халдей*», «*жрецы*»). В то же время примеры рекламных роликов и слоганов включают в себя бытовую лексику, что само по себе не удивительно, ведь на первый план здесь выходят сигареты, порошок, одеколон, спортивная одежда – в общем, все то, чем рядовой потребитель пользуется каждый день. Однако интересно, что такие немудреные слова соседствуют в рекламе с цитатами из русских и зарубежных классиков, пословицами и поговорками, и об этой метатекстуальности речь пойдет далее.

В романе Виктора Пелевина можно наблюдать также элементы таких жанров как научная статья и молитва. В одном из магазинов главный герой покупает планшетку, которая, как уверяла продавщица, может дать ответы на все вопросы. Однако надписи, появляющиеся на ней, представляют собой отрывки из научных трудов, путанные, непонятные, включающие в себя термины из самых разных областей знаний. Вот, например, что пишет планшетка на просьбу Татарского рассказать что-нибудь новое о рекламе: «*Раньше у орануса была только вегетативная нервная система; появление электронных СМИ означает, что в процессе эволюции он выработал центральную....*» [Пелевин, с. 126].

Что же касается молитвы, то именно ее произносит Вавилон, когда понимает, что ему становится плохо от наркотиков. Причем молитва эта включает в себя, как черты канонической молитвы, например древнюю форму «*воззвах*», так и сниженную лексику («*дрянь*», «*коню ясно*»).

Безусловно, стилистические особенности того или иного жанра учитываются и Эндрю Бромфилдом при переводе. Короткие и емкие фразы – при переводе рекламных слоганов; историзмы (например, “*ziggurat*”) – в легенде об Иштар, научные термины (“*exaggeration*”, “*vegetativenervoussystem*”) – в комментариях «волшебной планшетки». Особый интерес представляет отрывок с молитвой Вавилена Татарского: как и в оригинале, в переводе здесь соседствуют древние формы (“*thou*”) и жаргонные выражения (“*junk*”).

Еще один уровень, на котором в романе Виктора Пелевина проявляется языковая игра – смешение русского и английского языков, когда герои в своих диалогах используют огромное

количество иностранных слов. Действительно, после распада Советского Союза Европа и США стали для русского человека своеобразным идеалом, и английский, который раньше рассматривался лишь как бесполезный школьный предмет, неожиданно ворвался в жизнь людей. Но, к сожалению, знание языка зачастую ограничивалось лишь несколькими фразами, которые и стремились вставить в разговор.

Более того, сфера рекламы стала совершенно новой для России, и люди стремились почерпнуть знания о ней, читаю литературу, напечатанную в Европе и США. Так, настольной книгой Вавилена Татарского становится *"Positioning: a battle for your mind"*, откуда он черпает иностранные слова. Диалоги героев, таким образом, пестрят выражениями: *"free lance"*, *"cultural references"*, *"identity"*, и другими.

Значимо, что даже в самом названии романа используется английское слово *"generation"* (вместо привычного "поколение") в сочетании с русской буквой "П". Данное смешение можно трактовать как попытку показать, что поколение, к которому принадлежит Вавилен Татарский, находится между двумя мирами – "русским" и "западным".

Интересен с этой точки зрения и еще один факт: имя главного героя, Вавилен, было составлено из слов «Василий Аксенов» и «Владимир Ильич Ленин», однако несколько раз по ходу романа оно соотносится с Вавилоном, который, как известно, рухнул, потому что живущие там люди стали говорить на разных языках.

Безусловно, при переводе такого эффекта достичь очень трудно, однако Эндрю Бромфилду в определенной степени удалось добиться и отражения идеи о смешении языков. С этой точки зрения весьма показателен тот факт, что в переводе роман называется "Babylon" по аналогии с именем главного героя – Babylen (Вавилен). Однако так же – Babylon – по-английски пишется и название города Вавилона. Таким образом, в англоязычной версии романа происходит отсылка к Вавилонской башне, рухнувшей из-за того, что люди стали говорить на разных языках. Значимо еще и то, что в переводе наличие такого странного имени у главного героя объясняется несколько иначе: сложением слов "Baby Yar" («Бабий Яр» – известная поэма Евгения Евтушенко) и "Lenin". Объяснить это отступление переводчика можно достаточно просто: если брать имя «Василий», как это было в оригинале, то при транслитерации на кириллицу оно начиналось бы с "V" и не имело бы ничего общего со словом "Babylon". Параллель между «Вавилоном» и «Вавиленом», действительно, более значима для передачи основной идеи романа, чем такое незначительное отступление.

Как уже было сказано ранее, постмодернистские произведения представляют большую сложность для переводчиков из-за своей интертекстуальности. К вопросу о метатекстуальности (интертекстуальности) обращались многие исследователи как российские (А.К. Жолковский, М.Н.Липовецкий), так и зарубежные (Жерар Женетт, Мэриэл Мэйси).

Что же касается романа Виктора Пелевина *«Generation "П"»*, то здесь также можно наблюдать огромное количество отсылок к произведениям русской и зарубежной литературы. Так, уже упомянутый сценарий рекламного ролика стирального порошка Ариэль основывается на

образах пьесы Шекспира «Буря», а слоганом сигарет «Парламент» становится известная строчка из произведения А.С. Грибоедова «Горе от ума»: *«И дым Отечества нам сладок и приятен».*

Если в приведенных выше случаях Виктор Пелевин четко указывает авторство цитат, то, например, название одного из питейных заведений (да и одной из глав романа «*Generation “П”*») – «Бедные люди» – станет говорящим лишь для тех читателей, кто знаком с русской литературой и знает о существовании произведения Ф.М. Достоевского с аналогичным названием.

В целом, в произведении Виктора Пелевина упоминаются такие писатели и поэты, как Оруэлл, Чехов, Шекспир, Грибоедов, Маяковский, Аксенов, Пастернак... Происходит и обращение к киноиндустрии, упоминается, в частности Дарт Вейдер – центральный персонаж Вселенной «Звездных войн», а также музыке (происходит обращение к творчеству известной группы ДДТ).

Безусловно, упоминание данных культурных реалий имеет место и в переводе романа, а знаменитая фраза А.С. Грибоедова переводится дословно: “Sweet and dear is the smoke of our Motherland”. Однако не прямые цитаты никак не комментируются, и, например, название главы «Бедные люди» переводится просто как “Poorfolk”, что у иноязычных читателей может и не вызвать никаких ассоциаций. Более того, упоминание, например, песни группы ДДТ тоже опускается поскольку с данной культурной реалией иностранцы вряд ли знакомы.

Если же говорить о переводе цитат из русской классики, то в большинстве случаев здесь речь идет о подстрочнике, который не подразумевает передачи эмоционального состояния. В качестве примера можно привести известное четверостишие Марины Цветаевой:

*Разбросанным в пыли по магазинам
(Где их никто не брал и не берет)
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед....*

В переводе Эндрю Бромфилда оно звучит следующим образом: “*Scattered along the dusty shelves of shops (No one has bought them and no one buys!) My poems, like precious wines, will have their day*”. Можно заметить, что литературное и даже несколько высокопарное выражение «настанет свой черед» заменено вполне традиционной, современной английской фразой “*willhavetheirday*”. И так, в данном случае теряется глубина фразы, а также ощущение ожидания какого-то чуда.

Таким образом, в романе Виктора Пелевина присутствуют все приметы постмодернистского произведения: языковая игра, проявляющаяся в смешении стилей и вольном обращении с фразеологизмами, интертекстуальность – обращение к иным произведениям литературы, живописи и музыки. И Эндрю Бромфилд постарался, используя все имеющиеся в английском языке средства, передать эти особенности.

Литература

1. Жолковский А.К. Блуждающие сны: статьи разных лет. СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 512 с.
2. Кугаевский А. Художественная интерпретация товарного дискурса в романе Виктора Пелевина «*Generation “П”*» // Критика и семиотика. Вып. 9. Новосибирск, 2006. С. 144–157
3. Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм. Екатеринбург, 1997. 317 с.

4. Нестерова Н.М., Попова Ю.К. О специфике перевода постмодернистских художественных текстов (на материале произведений А.Байетт и их переводов на русский язык) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 1 (67): в 2-ч ч. Ч. 2. С. 151–157.
5. Пелевин В. *Generation «П»*. М.: ЭКСМО, 2011. 352с.
6. Попова Е.Ю. Литературные прецедентные феномены как средства экспликации постмодернистских мотивов иллюзорности и абсурдности мира в творчестве В.Пелевина // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Серия «Филологические науки». М., 2011. № 3. С. 9–19.
7. Genette G. *Palimpsestes. La Litterature au second degre*. Paris: Le Seuil, 1987. 467 p.
8. Mace M. *L'essailitteraire, devant le temps* // Cahiers de Narratologie. 2008. № 14: Prose d'idees: formesetsavoirs. URL: <http://reve1.unice.fr/cnarra/documentLhtml?id=499> (дата обращения: 20.11.2018).
9. Pelevin V. *Babylon*. London: Faber, 2001. 250 p.

References:

- Genette, G. (1987) *Palimpsestes. La Litterature au second degre*. 467 p. Paris: Le Seuil (In French).
- Kugaevskij, A. (2006) *Hudozhestvennaya interpretaciya tovarnogo diskursa v romane Viktora Pelevina «Generation «P»»* [Artistic interpretation of commodity discourse in the novel “Generation “P” by Victor Pelevin]. *Kritika i semiotika*. No. 9. pp. 144–157. Novosibirsk. (In Russian).
- Lipoveckij, M.N. (1997) *Russkij postmodernizm*. [Russian postmodernism]. 317 p. Ekaterinburg. (In Russian).
- Mace M. *L'essailitteraire, devant le temps*. Cahiers de Narratologie. 2008. № 14: Prose d'idees: formesetsavoirs. URL: <http://reve1.unice.fr/cnarra/documentLhtml?id=499> (accessed: 20.11.2018). (In French).
- Nesterova, N.M., Popova, YU.K. (2017) *O specifikе perevoda postmodernistskih hudozhestvennyh tekstov (na materiale proizvedenij A.Bajett i ih perevodov na russkij yazyk)* [On the specifics of the translation of postmodern artistic texts (based on the works of A. Bayett and their translations into Russian)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No 1 (67): in 2 vol., vol.2. pp. 151–157. Tambov, Gramota (In Russian).
- Pelevin, V. (2001) *Babylon*. 250 p. London, Faber. (In English).
- Pelevin, V. (2011) *Generation «P»*. 352 p. Moscow, EHKSMO. (In Russian).
- Popova, E.YU. (2011) *Literaturnye precedentnye fenomeny kak sredstva ehksplikacii postmodernistskih motivov illyuzornosti i absurdnosti mira v tvorchestve V.Pelevina* [Literary precedent phenomena as a means of explication of postmodernist motifs of the illusion and absurdity of the world in the work of V. Pelevin]. *Vestnik MGGU im. M.A. SHolohova. Seriya «Filologicheskie nauki»*. No. 3. pp. 9–19. Moscow. (In Russian).
- Zholkovskij, A.K. (2016) *Bluzhdayushchie sny: stat'i raznyh let* [Wandering dreams: articles from different years]. 512 p. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus. (In Russian).

Автор публикации

Author of the Publication

Кирпичникова Анна Андреевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель, Казанский федеральный университет, 420008, Россия, Казань, Кремлевская, 18.

Anna A. Kirpichnikova – Candidate of Philology, Senior Lecturer, Kazan Federal University, 18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russian Federation.

E-mail: kirpanna@yandex.ru

E-mail: kirpanna@yandex.ru

Поступила в редакцию: 10.10.2018.

Принята к публикации: 12.11.2018.

**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РОМАНА «ВЛАСТЕЛИН КОЛЕЦ» ДЖ. Р.Р. ТОЛКИНА
В РОССИИ НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА Б.Б. И Н.Б. ЖУКОВЫХ «ЭКСКУРСИЯ»**

Э.В. Шустова

leite@mail.ru

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация. В статье затрагивается вопрос диалога русской и английской национальных литератур. В частности, работа посвящена выявлению характера связи и способа взаимодействия рассказа Б.Б. и Н.Б. Жуковых «Экспедиция» с романом «Властелин Колец» Дж. Р.Р. Толкина на всех структурных уровнях. Авторы рассказа использовали это произведение в качестве базы, на основе которой создали ситуацию, возможную в условиях, заданных писателем. Исследование показало, что Б.Б. и Н.Б. Жуковы в своем рассказе следуют толкиновской традиции. На это указывают очевидные сходства в области тематики, проблематики, интерпретации образов. Отличия могут быть объяснены субъективизмом в трактовке первоисточника, а также задачами самих авторов – не только дать картину изменившегося Средиземья, но и соотнести эту картину с современной ситуацией.

Ключевые слова: Дж. Р.Р. Толкин, Б.Б. и Н.Б. Жуковы, толкиновская традиция, интерпретация, литературный диалог.

Для цитирования: Шустова Э.В. Интерпретация романа «Властелин Колец» Дж. Р.Р. Толкина в России на примере рассказа Б.Б. и Н.Б. Жуковых «Экспедиция» // Казанский лингвистический журнал. 2018. Том 1, № 3 (3). С. 97–96.

**INTERPRETATION OF “THE LORD OF THE RINGS” BY J.R.R. TOLKIEN IN RUSSIA AS
EXEMPLIFIED IN “THE EXCURSION” BY B. AND N. ZHUKOVY**

E.V. Shustova

leite@mail.ru

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract. The article touches upon the dialogue of national literatures, namely British and Russian ones. It reviews the connection between “The Excursion” short story by B. and N. Zhukovy and “The Lord of the Rings” novel by J.R.R. Tolkien on all structural levels. The authors of the short story used the novel as a base and modelled the situation which appears to be hypothetically possible in terms of “The Lord of the Rings” imaginary world. The study has shown that B. and N. Zhukovy follow the Tolkien tradition. Resemblance between issues addressed, interpretation of images indicate that. The difference can be conditioned by personal interpretation of the matter and also by the authors` aims, which are not only about representing the Middle-earth changed, but also about relating it to current situation.

Keywords: J.R.R. Tolkien, B. and N. Zhukovy, the Tolkien tradition, interpretation, the dialogue of national literatures.

For citation: Shustova E.V. Interpretation of “The Lord of the Rings” by J.R.R. Tolkien in Russia as Exemplified in “The Excursion” by B. and N. Zhukovy // Kazan linguistic journal. 2018. Vol. 1, No. 3 (3). Pp. 96–100.

Одной из важнейших теоретических проблем современного литературоведения становится проблема диалога литератур, их взаимодействия. Рассматриваются личностные и общекультурные факторы этого диалога, его механизмы, которые определяются как контактные, контрастные, конфликтные и другие связи, а также результаты этого диалога, такие, как творческое переосмысление, заимствование, подражание. Обращение к проблеме подражаний связано с

характерными для сегодняшнего этапа развития литературы явлениями различного рода «дописываний» популярных художественных произведений.

Одним из писателей, чье творчество стало питательной почвой для подобного рода «переписываний», является Дж. Р.Р. Толкин. Его произведения породили множество художественных опытов разного толка, написанных под впечатлением «Властелина Колец», «Сильмариллиона», «Хоббита» и др. Внимательные читатели скоро увидели, что в произведениях Дж. Р.Р. Толкина прописаны не все моменты жизни персонажей, и эта недосказанность, в свою очередь, провоцировала возникновение так называемых «апокрифов». Таким образом, у писателя появились подражатели и продолжатели. Множество таких вариаций возникло и на русской почве.

Среди всего этого многообразия проблематично найти такое произведение, которое наследовало бы «букву и дух» мифологии Дж. Р.Р. Толкина, органично вписывалось бы в созданный им мир; да и вряд ли сейчас кому-то под силу это сделать.

Однако «претенденты» на это есть, и одним из них, на наш взгляд, является рассказ Б.Б. и Н.Б. Жуковых «Экскурсия» (1993). Он отличается своей творческой оригинальностью, а также двойственностью, так как через описание Средиземья дается авторское видение современной нам действительности. В этом рассказе была предпринята попытка «дописывания» трилогии Дж. Р.Р. Толкина «Властелин Колец». Его произведение используется как база, на основе которой создается ситуация, возможная в условиях первоисточника. При этом не создается качественно новая картина мира, а домысливается исходная, созданная Дж. Р.Р. Толкином.

Сюжет рассказа связан с экскурсией главного героя – хоббита Рэнди – в Мордор. Он может быть соотнесен с сюжетом «Властелина Колец». В обоих произведениях присутствует мотив путешествия, только Б.Б. и Н.Б. Жуковых это развлекательная экскурсия, а у Дж. Р.Р. Толкина – поход Хранителей с целью уничтожения Кольца Всевластья.

Временной промежуток, описанный в «Экскурсии», невелик – он составляет примерно неделю. И в этом плане также можно провести аналогию с трилогией Дж. Р.Р. Толкина. Ее автор в одном из писем писал о своем произведении: «Я выхватил из мироздания крошечный кусочек, историю которого и попробовал отразить» [Толкин, 2002, с. 541]. Хотя в анализируемом рассказе нет попытки отражения исторического процесса как цепи событий, тем не менее история, изложенная в нем, является частью более крупного и глобального целого.

Действие происходит спустя довольно долгое время после низвержения Саурона и возвращения на престол наследника Исилдура. Толкиновская топонимика в большинстве своем сохранена, но за внешней оболочкой обнаруживается совершенно иное содержание. Налицо явный научно-технический прогресс, повышение роли денег, полное отсутствие веры (в смысле религии), а также изменения биологической, социальной и духовной природы жителей Средиземья. Об изменении мировоззрения жителей преобразившегося Средиземья свидетельствуют многие детали, содержание которых становится еще более рельефным при проведении параллелей с Дж. Р.Р. Толкином. Например, в трилогии и других его произведениях герои часто обмениваются талисманами. Арвен дарит Фродо жемчужину на серебряной цепочке, которая должна защитить его «от наплыва тьмы и

ужаса» [Толкин, 2002, с. 911]. В рассказе же упоминается «зеленый талисман» [Жуков, Жукова, 2004, с. 86], который устанавливает «чары понимания» [Там же]; речь идет о деньгах. Высший, сакральный смысл подменяется приземленными, меркантильными интересами.

В рассказе возникают образы, заимствованные из произведений Дж. Р.Р. Толкина. При этом Б.Б. и Н.Б. Жуковы прибегают к более полной обрисовке второстепенных персонажей с целью заполнения «лакуны» в толкиновской мифологии. Создавая свои оригинальные образы, авторы зачастую не изменяют внутреннее содержание образов Дж. Р.Р. Толкина, а стремятся к более полному их раскрытию. Это проявляется в отношении образа хоббита Рэнди, одного из главных героев рассказа, от лица которого ведется повествование. Он дал возможность последнему эльфу Средиземья (в рассказе – Келеборну) попасть в Благословенный Край. Полное имя хоббита – Эарендил, заимствованное из «Сильмариллиона». У Дж. Р.Р. Толкина история Эарендила Морехода, как и история Келеборна, единственна и исключительна по своей сути, она связана с отступлением от нерушимых законов. У Жуковых все произошедшее с героями тоже не соответствует изображенной картине мира. Ведь им обоим открывается Прямой Путь в Аман. Хоббит и эльф становятся буквально равными, более того – Рэнди занимает внимание читателя больше: если бы не он, Келеборн не смог бы попасть в Бессмертные Земли. Таким образом, к хоббиту Б.Б. и Н.Б. Жуковых подходит данная Дж. Р.Р. Толкином характеристика – героя более доблестного, «чем профессионалы» [Толкин, 2002, с. 532].

Образ эльфа Келеборна также интерпретирован в соответствии с толкиновской традицией, но при этом он внешне «адаптирован» к описываемой ситуации. Он выглядит совсем не как Владыка Лоризна эпохи Войны Кольца: «Это был высокий худой старик, голова его была увенчана буйной седой гривой давно не чесаных волос. На нем была длинная серая рубаха и серые же узкие брюки. Наряд дополняли сандалии на босу ногу и сумка через плечо – нечто вроде ягдташа» [Жуков, Жукова, 2004, с. 105]. При этом Келеборн со своим представлением о мире «не вписывается» в сложившееся общество. Например, возле Ородруина Рэнди, подумав о том, что эльф может сгореть на солнце, говорит ему об этом, однако его реакция кажется хоббиту странной. Мысли Рэнди по этому поводу таковы: «Я сообразил, что наши простейшие понятия могут быть неизвестны существу другой культуры» [Жуков, Жукова, 2004, с. 85].

Также в Средиземье, описанном в рассказе, появляется новая раса – «Сарумановы внучата» [Жуков, Жукова, 2004, с. 106] (потомки орков и дикарей, служивших Саруману), возникновение которой, по мнению авторов, закономерно.

В рассказе Б.Б. и Н.Б. Жуковых, так же, как и у Дж. Р.Р. Толкина, просматривается стремление к выходу на философский уровень осмысления современного мира. Авторы достигают этого путем изображения изменений в мировосприятии жителей Средиземья. При этом они опираются на идеи самого Дж. Р.Р. Толкина, в трилогии которого лейтмотивно звучит мысль о будущих не всегда благоприятных изменениях в обществе. Для жителей преобразившегося Средиземья IV эпохи многое осталось в прошлом. Например, проблемы войны с мировым Злом уже нет, да и сам факт того, что эта война когда-то была, уже не считается достойным внимания.

«Отношение к Войне Кольца – как к спортивному матчу. Эти победили, те проиграли, победа по очкам», – говорит один из персонажей рассказа [Жуков, Жукова, 2004, с. 90]. На первый план выходят деньги, политика и т.п.

В «Экскурсии» поднимаются вопросы веры, жизни и смерти, памяти и др. При этом некоторые из них рассматриваются на другом материале, нежели у Дж. Р.Р. Толкина. Например, память воплощается уже не в поэтически возвышенных воспоминаниях, а в сувенирах, в изобилии выставленных на продажу (фиал-лимонка, лазерные голограммы «Око Саурана» и «Костер Денетора») [Жуков, Жукова, 2004, с. 91]. Это обусловлено спецификой рассказа. Толкиновское Средиземье соотносится с реальной действительностью. Апеллируя к современному читателю, авторы вводят в рассказ реалии современного мира (экскурсия, сувениры, фальшивые реликвии и др.). Этим достигается «снижение» атмосферы Средиземья из «Властелина Колец», приближение ее ко дню сегодняшнему. Таким образом, проблемы, затронутые Дж. Р.Р. Толкином, в исследуемом рассказе рассматриваются через заимствованные образы, но в качественно иной ситуации.

Язык «Экскурсии» отличается от языка произведений Дж. Р.Р. Толкина активным использованием просторечной лексики. Это связано с тем, что авторы соотносят картину мира в рассказе, т.е. преобразившееся Средиземье IV эпохи, с современной ситуацией в России. Однако стихотворения русских поэтов XX века (Н.А. Заболоцкого, М.К. Щербакова и др.) контрастируют с языком «Экскурсии». Примечательно, что они органично вписываются в структуру всего рассказа. Стихотворения отражают мысли и настроение Келеборна. Также они соотносимы с языком трилогии, т.е. в какой-то мере воссоздают атмосферу первоисточника.

Таким образом, «Экскурсия» – это не только произведение, написанное по мотивам творчества Дж. Р.Р. Толкина, но и размышление его авторов о современности. Можно заключить, что в целом Б.Б. и Н.Б. Жуковы в своем рассказе следуют толкиновской традиции.

Литература

1. Жуков Б.Б., Жукова Н.Б. Экскурсия // *Magister Ludi*. 2004. № 6. С. 104–117.
2. Жуков Б.Б., Жукова Н.Б. Экскурсия // *Magister Ludi*. 2004. № 7. С. 84–100.
3. Толкин Дж. Р.Р. Избранные письма: Пер. с англ. К. Королева // Толкин Дж. Р. Р. Сильмариллион. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2002. С. 527–542.
4. Толкин Дж. Р.Р. Властелин Колец: Пер. с англ. В. Муравьева, А. Кистяковского. М: ЭКСМО-Пресс, Изд-во Яуза, 2002. 992 с.

References

1. Tolkien, J.R.R. *Selected Letters*: Trans. from English by K. Korolev // Tolkien, J.R.R. *The Silmarillion*. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2002. Pp. 527–542. (in Russian).
2. Tolkien J.R.R. *The Lord of the Rings*. Trans. from English by V. Muraviev, A.Kistyakovsky. М.: EKSMO-Press, Izd-vo Jauza, 2002. 992 p.(in English).
3. Zhykov, B.B., Zhukova, N.B. *The Excursion* // *Magister Ludi*. 2004. № 6. Pp. 104 – 117.(in Russian) (in Russian).
4. Zhykov, B.B., Zhukova, N.B. *The Excursion* // *Magister Ludi*. 2004. № 7. Pp. 84 –100. (in Russian).

Шустова Элина Викторовна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков для социально гуманитарного направления, Казанский федеральный университет, ул. Кремлевская, 18, 420008 г. Казань, Россия.
<http://orcid.org/0000-0001-5886-2824>

Email: leite@mail.ru,

Ellina V. Shustova – Candidate of Philology, senior lecturer of the Department of Foreign Languages for Humanities, Kazan Federal University, 18 Kremlyovskaya Str., 420008 Kazan, Russia.
<http://orcid.org/0000-0001-5886-2824>

Email: leite@mail.ru

Поступила в редакцию: 13.11.2018.

Принята к публикации: 30.11.2018.

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДИКИ И КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

УДК 378

ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ НА АКТУАЛИЗАЦИЮ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ

Е.В. Гутман

egutman@rambler.ru

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация. В статье представлены научные подходы к развитию профессиональной коммуникативной иноязычной, а также межкультурной компетенций через призму международной образовательной интеграции и роста академической мобильности студентов университета. Выделены ключевые аспекты профессиональной подготовки компетентного специалиста по дисциплине «Иностранный язык», обеспечивающие оптимальную организацию образовательного процесса и возможность участия в международных программах академической мобильности.

Ключевые слова: международная образовательная интеграция, академическая мобильность, профессиональная иноязычная компетенция, межкультурная коммуникативная компетенция, студент, университет.

Для цитирования: Гутман Е.В. Влияние международной образовательной интеграции на актуализацию проблемы развития профессиональной иноязычной компетенции студентов // Казанский лингвистический журнал. 2018. Том 1, № 3 (3). С. 103–105.

THE FORMATION OF UNIVERSITY STUDENTS PROFESSIONAL FOREIGN LANGUAGE COMPETENCE IN INTERNATIONAL EDUCATIONAL INTEGRATION

E.V. Gutman

egutman@rambler.ru

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract. The article deals with the approaches to the development of professional communicative foreign language and intercultural competences in the prism of international educational integration and the university students academic mobility. The key aspects of students professional teaching in the discipline «Foreign language», providing the optimal organization of the educational process and the opportunity to participate in international programs of academic mobility are determined.

Keywords: international educational integration, academic mobility, professional foreign language competence, intercultural competence, students, university.

For citation: Gutman E.V. The formation of university students professional foreign language competence in international educational integration // Kazan linguistic journal. 2018. Vol. 1, No. 3 (3). Pp. 103–105.

Процессы интернационализации и глобализации современной общественной жизни требуют проведения кардинальных реформ в системах профессионального образования и подготовки компетентных специалистов. Если традиционно образование было инструментом

воспроизводства и передачи от поколения к поколению интеллектуального и культурного потенциала общества, то теперь оно становится подлинным субъектом преобразований социума, механизмом общественного и культурного развития регионов и страны в целом, пространством личностного развития каждого человека [Лазарев, 2005; Синельников, 2007]. Большинство современных вузов вовлечено в международную деятельность, в ходе которой реализуются изменения структуры; модернизируется содержание образовательных программ, совершенствуются технологии, формы и методы обучения, взаимоотношения профессиональных учебных заведений и рынка труда переходят на новый уровень. Открытость современных вузов и доступ к богатому зарубежному опыту также содействуют образовательным интеграционным процессам. Качество и востребованность предлагаемых образовательных услуг рассматривается как фактор развития конкурентоспособности [Фахрутдинова, 2012]. Международная академическая мобильность однозначно признается необходимым условием продуктивного развития образования и науки, неотъемлемой составляющей деятельности высших учебных заведений, позволяющей решать следующие задачи: активизации участия в международных проектах, создания в вузе многоязычной среды, интенсификации развития импорта и экспорта образовательных услуг, интеграции в научное международное образовательное пространство [Фахрутдинова, 2012].

Ключевой задачей университетского образования является профессиональное становление специалиста, самоидентификация его личности с профессией. На стадии освоения профессии речь идет о прогрессивном профессиональном развитии, которое описывается через понятие профессиональной компетентности. К факторам, определяющим ключевые компетенции специалиста, относятся глобализация образования и академическая мобильность, расширение сферы профессиональной деятельности в связи с увеличением количества контактов с представителями иных культур; необходимость свободного владения иностранными языками и знаниями культуры страны, использование современных информационных технологий в профессиональной деятельности, потребность в постоянном повышении квалификации, новых образовательных услугах для развития конкурентоспособности специалистов на мировом рынке. В деятельности специалистов чрезвычайную важность приобретают не собственно специальные знания, но общая способность к организации коммуникации в профессиональной сфере в разнообразных социально-экономических условиях с представителями различных профессиональных сообществ и культур.

Сегодня стратегической целью в обучении иностранным языкам студентов лингвистических специальностей выступает развитие профессиональной иноязычной компетенции и способности обучаемых к межкультурному общению для профессионального и личностного взаимодействия. Для достижения данной цели необходимо: с одной стороны, обеспечить подготовку студентов к сдаче международных экзаменов, с другой стороны, обеспечить подготовку студентов к прослушиванию и изложению лекций по специальности в рамках международных студенческих обменов.

Профессиональный выбор студентов и их прагматический интерес к предмету стимулирует профессорско-преподавательский состав к созданию новых обучающих модулей, разработке программ курсов в соответствии с требованиями к сдаче международных экзаменов. Задачи изучения дисциплины формулируются следующим образом: развитие специальных умений и навыков для всех видов речевой деятельности формата международного экзамена (Listening Comprehension, Structure and Written Expression, Reading Comprehension, Test of Written English); отработка основных стратегий выполнения экзаменационных заданий (традиционный и компьютерный варианты); развитие умения понимания профессионально значимой англоязычной информации в процессе аудирования и чтения, изложения данной информации в устной и письменной форме. Курс разделен на два блока: базовый (социально-культурная и научно-популярная направленность) и профессиональный (специальная направленность).

Процесс формирования групп для обучения английскому языку начинается с входного тестирования, далее следует промежуточное и итоговое по завершению курса. Результаты тестирования показывают, что самыми сложными оказываются задания на аудирование. Студенты не готовы к заданному темпу речи, не успевают прочитать и выбрать правильные ответы. С одной стороны, мы получили очень низкие результаты по данному виду речевой деятельности, с другой стороны, у студентов существует отличная возможность посмотреть, к чему они должны быть готовы в будущем, что очень важно для мотивации обучения. Задания по аудированию представлены специально подобранными аудиотекстами научно-популярного и общепрофессионального содержания. Цель работы в данном направлении – отработка умений понимать профессионально-направленную речь носителей языка и излагать информацию письменно. Второй, специальный этап обучения, предполагает изменения в сторону увеличения доли профессиональной иноязычной подготовки с параллельной отработкой основных стратегий выполнения заданий международных экзаменов.

Настрой на профессиональное общение не только не ограничивает уровень владения иностранным языком, требуя отличного знания профессиональной лексики, но и предполагает обязательное использование иностранного языка в социально-профессиональной среде, что также подразумевает развитие межкультурной компетенции. Успешные профессиональные контакты возможны при условии хорошего знания языка, осознания экстралингвистической ситуации, понимания культуры социально-экономических отношений. Следовательно, особую актуальность приобретает формирование межкультурной компетенции у обучающихся в контексте развития академической мобильности. Целью развития межкультурной компетенции является достижение такого качества языковой личности, которое позволит ей выйти за пределы собственной культуры и приобрести качества медиатора культур, не утрачивая собственной культурной идентичности [Гетманская, 2016].

Компетентность в межкультурном общении понимается как основанная на знаниях и умениях способность осуществлять межкультурное общение посредством создания общего для коммуникантов значения происходящего и достигать в итоге позитивного для обеих сторон результата общения [Зеер, 2002].

Развитие межкультурной компетенции подразумевает под собой реализацию следующих базовых умений и способностей:

– осознание себя в чужой культурной идентичности и ее полное принятие, что предполагает освоение языка, признание социальных ценностей и повторение поведенческих шаблонов другого коммуникативного сообщества; в данном случае основная цель овладения межкультурной компетенцией состоит в изучении максимального объема информации о «чужой» культуре;

– достижение позитивных результатов при общении с резидентами иного культурного сообщества, часто и в условиях недостаточной осведомленности об основных элементах культуры визави;

– способность членов некоторой культурной общности добиваться понимания в процессе взаимодействия с представителями другой культуры с использованием компенсаторных стратегий для предотвращения конфликтов «своего» и «чужого» и создавать в ходе взаимодействия «новую межкультурную коммуникативную общность» [Садохин, 2004].

Таким образом, межкультурная компетенция определяется как практический навык создания собственного представления о культурах, сосуществующих в обществе, и способность независимо в нем существовать.

Одной из особенностей состоявшейся практики высших образовательных учреждений в области профессионально-ориентированного обучения иностранным языкам является то, что даже специалисты, имеющие высокий уровень владения иностранным языком, в ходе межкультурной коммуникации испытывают значительные затруднения в понимании смысла иноязычной профессиональной коммуникации из-за незнания социальных норм и моральных ценностей, составляющих культуру страны, отсутствия паттерн поведения, без которых эффективное взаимодействие в поликультурной среде значительно затруднено.

Современный специалист должен владеть определенным объемом не только языковых, культурологических и социокультурных знаний, но и умениями, а также способностями, позволяющими ему сообразно проявлять себя в процессе межкультурного общения [Винникова, 2017].

Одним из факторов формирования межкультурной компетенции могут являться встречи студентов с разнообразными культурами в специально организованной для них педагогами среде, привлекательной, имеющей для них определенную ценность и реальный практический опыт, в которой студенты находятся в позиции активного субъекта. Расширение коммуникативного диапазона специалиста также осуществляется с помощью академической мобильности. Болонская декларация рекомендует каждому студенту проводить семестр в некотором другом вузе, предпочтительно зарубежном.

Сегодня в обществе уровень овладения ключевыми компетенциями является показателем качества полученного образования и одним из основных критериев языковой подготовки как обязательной его составляющей. В современных условиях владение иностранными языками оказывает значительное влияние на востребованность будущих специалистов и является важным фактором их профессионального становления и социальной адаптации.

Литература

1. Винникова М.Н. Межкультурная коммуникация в процессе обучения иностранному языку как средству межкультурного общения // Иностранные языки в современном мире: материалы X Международной научно-практической конференции (Казань, 22–23 июня 2017 г.) / Казань: КФУ, 2017. С. 29.
2. Гетманская М.Ю. Образовательные программы по лингвокраеведению как средство формирования профессиональных и общекультурных компетенций в практике обучения русскому языку // Университетские чтения–2016: Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. 2016. С. 131–135
3. Елизарова Г.В. Формирование межкультурной компетенции студентов в процессе обучения иноязычному общению: Дис....д-ра пед.наук. СПб., 2001.
4. Зеер Е.Ф. Личностное ориентированное профессиональное образование // Педагогика. 2002. № 3. С. 16–21.
5. Лазарев Г. Региональный университет: пути интеграции в рамках Болонского процесса // Высшее образование в России. 2005. № 10.
6. Синельников Б. Инновационные подходы к организации научно-образовательной деятельности в техническом вузе // Высшее образование в России. 2007. № 12.
7. Садохин А.П. Межкультурная коммуникация: Учебное пособие. М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2004. С. 235.
8. Фахрутдинова А.В. Гражданское воспитание учащихся в англоязычных странах. Автореф. дис.... на соискание уч. степ. доктора пед. наук / Институт педагогики и психологии профессионального образования Российской академии образования. Казань, 2012.
9. Фахрутдинова А.В. Реформирование профессионального образования в Европе как условие повышения его конкурентоспособности // Ученые записки Казанской государственной академии ветеринарной медицины им. Н.Э. Баумана. 2012. Т. 210. С. 247–251.

References

1. Elizarova G.V. *Formirovaniye mezhkul'turnoi kompetentcii v protsesse obucheniya inoyazychnomu obscheniyu*: Dis....d-ra ped.nauk. SPb., 2001. (in Russian).
2. Fakhrutdinova A.V. *Grazhdanskoye vospitaniye uchashchikhsya v angloyazychnykh stranakh avtoreferat dissertatsii na soiskaniye uchenoj stepeni doktora pedagogicheskikh nauk / Institut pedagogiki i psikhologii professionalnogo obrazovaniya Rossiyskoy akademii obrazovaniya. Kazan. 2012. (in Russian).*
3. Fakhrutdinova A.V. *Reformirovaniye professionalnogo obrazovaniya v Evrope kak usloviye povysheniya ego konkurentosposobnosti // Uchenyye zapiski Kazanskoy gosudarstvennoy akademii veterinarnoy meditsiny im. N.E. Baumana. 2012. T. 210. P. 247–251. (in Russian).*
4. Getmanskaya M.Yu. *Obrazovatelnyye programmy po lingvokrayevedeniyu kak sredstvo formirovaniya professionalnykh i obshchekulturnykh kompetentsiy v praktike obucheniya russkomu yazyku // Universitetskiye chteniya-2016: Materialy nauchno-metodicheskikh chteniy PGLU. 2016. P. 131–135. (in Russian).*
5. Lazarev G. *Regionalnyy universitet: puti integratsii v ramkakh Bolonskogo protsesssa // Vysseye obrazovaniye v Rossii. 2005. № 10. (in Russian).*
6. Sadokhin A.P. *Mezhkulturnaya kommunikatsiya: Uchebnoye posobiye. M.: Alfa-M;INFRA-M. 2004. P. 235. (in Russian).*
7. Sinelnikov B. *Innovatsionnyye podkhody k organizatsii nauchno-obrazovatelnoy deyatelnosti v tekhnicheskoy vuzey // Vysseye obrazovaniye v Rossii. 2007. № 12. (in Russian).*
8. Vinnikova M.N. *Mezhkulturnaya kommunikatsiya v protsesse obucheniya inostrannomu yazyku kak sredstvu mezhkulturnogo obscheniya // Inostrannyye yazyki v sovremennom mire: materialy X Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Kazan. 22-23 iyunya 2017 g.) / Kazan: KFU. 2017. P. 29. (in Russian).*
9. Zeyer, E.F. *Lichnostnoye oriyentirovannoye professionalnoye obrazovaniye // Pedagogika. 2002. №3. P.16–21. (in Russian).*

Автор публикации

Гутман Евгения Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков для социально-гуманитарного направления Высшей школы иностранных языков и перевода Института международных отношений Казанского федерального университета г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18.

E-mail: Egutman@rambler.ru

Author of the Publication

Evgeniya V. Gutman – Associate professor of the English Language for Humanities Department, Institute of International Relations, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Kremlevskaya Str. 18.

E-mail: Egutman@rambler.ru

Поступила в редакцию: 1.11.2018.

Принята к публикации: 10.11.2018.

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ ИГРОВЫМИ СРЕДСТВАМИ

Е.С. Хованская, Н.В. Маклакова

katja_khovanskay@mail.ru, natalim.16@mail.ru

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация. В статье рассматривается использование грамматических игр на занятиях по английскому языку. Приведены примеры игр, описан личный опыт авторов и сделаны выводы о том, как игра влияет на мотивацию студентов и помогаем им совершенствовать свои навыки.

Ключевые слова: игра, грамматические навыки, английский язык, грамматическая компетенция.

Для цитирования: Хованская Е.С., Маклакова Н.В. Формирование грамматической компетенции студентов игровыми средствами // Казанский лингвистический журнал. 2018. Том 1, № 3 (3). С. 106–112.

FORMATION OF STUDENTS' GRAMMATICAL COMPETENCE BY MEANS OF GAME

E.S. Khovanskaya, N.V. Maklakova

katja_khovanskay@mail.ru, natalim.16@mail.ru

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract. The article is devoted to grammar games used at the English language classes. The authors describe personal experience, give examples of using the games, and explain how it affects students' motivation to study English and improves their grammar skills.

Keywords: grammar game, grammar skills, grammar competence, English language.

For citation: Khovanskaya E.S., Maklakova N.V. Formation of Students' Grammatical Competence by Means of Game // Kazan linguistic journal. 2018. Vol. 1, No. 3 (3). Pp. 106–112.

Многие слушатели, изучающие иностранный язык во взрослом возрасте, уверены, что изучение грамматики – это заучивание и тренировка различных правил и конструкций, скучная и монотонная неотъемлемая составляющая любого курса. Действительно, выработка грамматических навыков – работа долгая и трудоёмкая. Однако ее можно превратить в занимательный и веселый процесс.

Одним из наиболее эффективных приемов организации учебной деятельности по иностранному языку является игра как средство обучения. Она позволяет представить материал наглядно и ярко, таким образом сделав занятие живым и увлекательным, и способствует эффективному усвоению языкового материала.

Игра предполагает активное восприятие информации, что чрезвычайно актуально в современном контексте, где пассивное восприятие информации становится противоестественным для современного молодого человека. В преподавании необходимо интенсивно использовать вовлечение обучаемых в разнообразные творческие виды деятельности (активные и интерактивные формы обучения). И именно игра является методом, который позволяет максимальному числу обучаемых принимать непосредственное участие в ходе занятия. В рамках учебного процесса использование игровых методов отличается от традиционных методов тем, что создает необходимый психолого-эмоциональный фон, на котором строится процесс обучения. Стоит отметить и тот факт то, что игра не заменяет полностью традиционные методы обучения, но она дополняет их, позволяет достигнуть более высоких результатов там, где традиционные методы не справляются.

Сегодня существует целый ряд теорий происхождения и роли игры в обучении [Адлер, Газман, Мухиддинова, Спенсер, Холл, Эльконин, Эриксон]. Так, согласно теории компенсаторности, игра замещает, компенсирует активность, результат чрезмерной активности, возможности которой не могут быть исчерпаны в обычной деятельности. Теория предупреждения трактует игру как школу поведения, в которой упражняются только инстинкты. Концепция рекапитуляции (сокращённого повторения этапов развития человечества) утверждает, что игра помогает преодолевать инстинкты прошлого, становиться цивилизованнее. Согласно теории антиципации будущего, игра предвосхищает будущее, но работает на настоящее. Теория функционального удовольствия рассматривает игру как реализацию желаний, которые ребёнок не может осуществить в действительности. Теория отдыха считает игру способом привлечь в работу ранее бездействовавшие органы и тем самым восстановить жизненное равновесие. Многие учёные полагали, что игра возникает в свете духовности и служит источником духовного развития ребёнка. Сторонники теории подражания полагают, что игры детей возникли из их вечного стремления подражать взрослым. При этом многие исследователи источником игры считают культуру, равно как и игру источником культуры. Другие же называют источником игры общественный разум.

К особой категории следует отнести педагогическую игру, которая обладает своими четкими характеристиками: конкретной целью и соответствующими ей педагогическими результатами, которые могут быть обоснованы, выделены в явном виде и характеризуются учебно-познавательной направленностью. При этом цель приобретает форму игровой задачи, а учебная деятельность осуществляется по правилам игры и в нее вводится элемент соревновательности.

На занятиях по иностранному языку игра предстает, как правило, в виде ситуативно-вариативного упражнения, которое дает возможность для многократного повторения речевого образца в условиях, максимально приближенных к реальному общению, обеспечивая психологическую готовность к коммуникации, условия для многократного повторения и

адекватного выбора языкового материала. Игра на занятиях по иностранному языку это не развлечение, а основной способ достижения определенных задач.

В игре все равны, что создает атмосферу психологического комфорта, а это приводит к преодолению комплексов, к ощущению посильности заданий и благотворно сказывается на результатах обучения. Игровые технологии обеспечивают коммуникативно-психологическую адаптацию учащихся к миру иноязычного общения для преодоления в дальнейшем психологического барьера и использования иностранного языка как средства общения. Игра стимулирует мыслительную деятельность, она делает учебный процесс увлекательным, интересным. Положительные эмоции, получаемые студентами, благотворно отражаются на их успеваемости.

М.Ф. Стронин предлагает следующую типологию игр на уроках иностранного языка: творческие игры, фонетические игры, лексические игры; орфографические игры, грамматические игры [Стронин]. Следует учитывать, что лексический и грамматический аспекты языка существуют в тесной взаимосвязи, поэтому в процессе обучения они неразрывны. При отборе лексического и грамматического материала необходимо учитывать его коммуникативную значимость, объективную сложность, способность данной лексики и данной грамматической операции к взаимному согласованию.

Учебная игра является уникальным методическим средством, в котором реализуются четыре методические позиции, так называемые 4Cs: Critical thinking (критическое мышление), Communication (общение), Collaboration (сотрудничество), и Creativity (творчество) [Greenwood].

Игра в рамках учебного процесса в отличие от игр вообще обладает рядом особенностей. Она имеет четко поставленную образовательную цель, а результат игры – учебно-познавательную направленность [Маклакова].

Педагогическая ценность игрового метода заключается, во-первых, в том, что при решении игровой задачи актуализируются ранее усвоенные речевые умения и языковые навыки. Во-вторых, игра помогает снять скованность, потому что в игре все равны. Застенчивый и слабый слушатель может стать первым, т.к. зачастую сообразительность более важна в игре, чем знания самого предмета. В-третьих, быстрая спонтанная игра помогает расслабиться, повышает внимание и улучшает восприятие, когда студенты рассеяны или устали после утомительных упражнений. Это отличный способ «разбудить» слушателей, заставить их активно работать на уроке. В-четвертых, всегда лучше запоминается то, что приятно делать, поэтому игровой материал откладывается в памяти глубоко и надолго. Кроме того, языковой материал усваивается незаметно, а возможность говорить на иностранном языке, не испытывая трудностей, даёт слушателю чувство удовлетворения. Наконец, игры делают процесс обучения веселым, и у студентов формируется позитивное отношение к учебной деятельности. Всё вышеперечисленное усиливает мотивацию к учению, повышает усвояемость материала.

Возникает вопрос, когда играть. Мы считаем, что играть на занятиях иностранного языка можно в любое время, если это пойдет на пользу вашим слушателям.

Можно начать урок с пятиминутной игры, чтобы студентам легче было войти в учебный ритм, особенно после трудового дня или, наоборот, рано утром. Игра также поможет освежить память, заинтересовать в изучении нового материала. Спонтанная игра в середине занятия способна зарядить студентов и вернуть их к активной деятельности. Игра в конце занятия тоже очень полезна, особенно если позиционировать ее как награду. Студенты работают более усердно в предвкушении отдыха, а преподавателю это позволит закончить занятие на высокой ноте, что возможно заставит слушателей ждать следующего урока с нетерпением.

Использовать грамматические игры можно 1) перед представлением новой грамматической структуры, для «диагностики», чтобы выявить уровень владения группы данным грамматическим явлением; 2) после представления нового материала, чтобы понять насколько группа поняла и усвоила его; 3) для повторения или контроля усвоения материала.

Существует довольно много пособий издательств Cambridge, Pearson, Oxford и др., в которых представлены различные игры и раздаточные материалы. Однако не все они работают в наших условиях. Мы советуем при выборе той или иной игры придерживаться следующих правил:

1. Универсальность. Выбирайте игры, которые легко подстроить под количество, возраст и уровень знаний студентов.

2. Простота правил. Правила игры должны быть просты или знакомы слушателям. Если вы сами не можете понять правила игры со второго прочтения, скорее всего у слушателей тоже возникнут проблемы с пониманием. В идеале использовать игры, в которые слушатели играют в повседневной жизни на родном языке, например, игра крестики-нолики. Если же игра незнакома слушателям, то допустимо объяснить правила игры на родном языке, а оставшееся время потратить на саму игру. Это лучше, чем всё запланированное время отдать на объяснение правил на изучаемом языке.

3. Отсутствие дорогих и сложных материалов для игры.

Ниже мы представили несколько грамматических игр, которые являются на наш взгляд эффективными и интересными.

Крестики-нолики (с выражениями количества)

Цель: повторить выражения количества (much, many, a lot of, few, a few, little, a little, some, any)

Описание:

Much	Little	Any
Some	A lot of	Few
Many	A few	A little

Класс делится на две команды (команда X и команда O). Студент из команды X выбирает ячейку и составляет предложение, в котором используется слово из этой ячейки. Например, *I have a little money, so we can go to a café today*. Правильно составленное предложение позволяет ему занять эту ячейку своим символом. В случае ошибки ячейка остается пустой, и ход переходит другой

команде. Команды по очереди пытаются занять три ячейки по горизонтали, вертикали или по диагонали. Побеждает команда, сделавшая это первой.

Варианты:

1. Может быть выбран любой грамматический материал: времена, условные предложения, артикли, степени сравнения прилагательных и т.д.
2. Можно играть группа на группу, пара на пару или один на один, в зависимости от нужд класса.

Бинго (с неправильными глаголами)

Цель: повторение первой и второй формы неправильных глаголов

Описание:

Карта ведущего	Карта участника
take see put cut meet build beat begin go come buy write read feel fall speak forget get hit be have pay say give think bring understand	forgot spoke was thought went read cut bought had brought took got paid were wrote met fell felt forgot hit saw began built put beat came gave understood

Для игры требуется одна карта ведущего с неправильными глаголами, которые указаны в первой базовой форме, и необходимое количество карточек участников с неправильными глаголами, которые указаны во второй форме. Ведущий (преподаватель или студент) случайным образом зачитывает глаголы из своей карточки. Остальные участники игры ищут их в своих карточках и отмечают, если находят. Тот, кто первым перечеркнёт все продиктованные глаголы, кричит «бинго» и зачитывает перечеркнутые слова вслух.

Варианты:

1. Играть можно в группах из 3–4 человек.
2. Участники игры получают по 2 карточки, в одной указаны глаголы во второй форме, вторая карточка содержит глаголы в третьей форме. Выигрывает тот, кто заполнит обе карточки.
3. Формы глаголов в карточках ведущего и игроков могут варьироваться. Например, ведущий называет глаголы в третьей форме, а карты игроков содержат глаголы во второй или базовой формах.

Глухой телефон

Цель: закрепить или активизировать знания по теме «косвенная речь».

Описание:

Класс делится на группы по 3 человека. Первый задает вопрос, дает команду или произносит утвердительное предложение. Вторым участником претворяется, что не слышал его и спрашивает третьего, что сказал первый. Третий пересказывает ему, что было сказано. Преподаватель следит за тем, чтобы участники менялись и могли исполнить все роли. Последний начинает новый раунд.

Пример:

A: "I've left my notebook at home".

B: "What did he say?"

C: “He said he had left his notebook at home”

C: “Where did you go last night?”

A: “What did she ask you?”

B: “She asked me where I had been the previous night.”

Вариант:

Третий участник должен восстановить оригинальную фразу и озвучить ее.

Литература

1. *Gerngross P., Puchta H., Thornbury S. Teaching Grammar creatively.* Helbling Languages. 2006.
2. *Greenwood J. Activity Book.* Cambridge. 2004.
3. *Klippel F. Keep Talking.* Cambridge. 2001.
4. *Watcyn-Jones P. Fun Class Activities.* Longman. 2000.
5. *Wright A., Betteridge D., Buckby M. Games for language learning.* Cambridge. 2006.
6. *Адлер А. Индивидуальная психология и развитие ребенка.* М.: Институт общегуманитарных исследований, 2017. 166 с.
7. *Газман О.С. Воспитание и педагогическая поддержка детей в образовании // Народное образование.* 1998. № 6. С. 108–111.
8. *Маклакова Н.В., Хованская Е.С., Аржанцева Н.В. Учитель английского языка в современном контексте // Современные проблемы науки и образования.* 016. 3; URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=24753> (дата обращения: 17.06.2018).
9. *Мухиддинова С.А., Уралова Д.С. Роль игры в процессе изучения английского языка в школе // Молодой ученый.* 2013. № 7. С. 397–399.
10. *Спенсер Г. Основания психологии.* Т. 1, Ч. 1, 2 [Электронный ресурс] СПб.: И.И. Билибин, 1876. 712 с. Режим доступа: <http://znanium.com/catalog/product/355551>
11. *Спенсер Г. Основания психологии.* Т. 3 [Электронный ресурс] СПб.: И.И. Билибин, 1876. 679 с. Режим доступа: <http://znanium.com/catalog/product/355553>
12. *Стронин М.Ф. Обучающие игры на уроке английского языка.* М.: Просвещение, 2001. 370 с.
13. *Холл С. Инстинкты и чувства в юношеском возрасте.* СПб.: Школа и жизнь, 1920. 90 с.
14. *Эльконин Д.Б. Психология игры.* М.: Владос, 1999. 360 с.
15. *Эриксон Э. Детство и общество.* СПб.: Летний сад, 2000. 416 с.

References

1. Adler A. *Individual'naya psikhologiya i razvitiye rebenka.* М.: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy. 2017. 166 p. (in Russian).
2. El'konin D. B. *Psikhologiya igry.* М.: Vlados, 1999. 360 p. (in Russian).
3. Erikson E. *Detstvo i obshchestvo.* Spb.: Letniy sad, 2000. 416 p. (in Russian).
4. Gazman O. S. *Vospitaniye i pedagogicheskaya podderzhka detey v obrazovanii // Narodnoye obrazovaniye.* 1998. № 6. Pp. 108–111. (in Russian).
5. Gerngross P., Puchta H., Thornbury, S. *Teaching Grammar creatively.* Helbling Languages. 2006. (in English).
6. Greenwood J. *Activity Book.* Cambridge. 2004. (in English).
7. Khol S. *Instinkty i chuvstva v yunosheskom vozraste.* SPb.: Shkola i zhizn', 1920. 90 p. (in Russian).
8. Klippel F. *Keep Talking.* Cambridge. 2001. (in English).
9. Maklakova N.V., Khovanskaya, E.S., Arzhantseva, N.V. *Uchitel' angliyskogo yazyka v sovremennom kontekste // Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya.* 2016. № 3; URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=24753> (in Russian).
10. Mukhiddinov, S.A., Uralova D. S. *Rol' igry v protsesse izucheniya angliyskogo yazyka v shkole // Molodoy uchenyy.* 2013. №7. Pp. 397 – 399. (in Russian).
11. Spenser G. *Osnovaniya psikhologii.* Т. 1, CH. 1, 2 [Elektronnyy resurs]. SPb.: I.I. Bilibin, 1876. 712 p. URL: <http://znanium.com/catalog/product/355551> (in Russian).
12. Spenser G. *Osnovaniya psikhologii.* Т. 3 [Elektronnyy resurs] SPb.: I.I. Bilibin, 1876. 679 p. URL: <http://znanium.com/catalog/product/355553> (in Russian).
13. Stronin M.F. *Obuchayushchiye igry na uroke angliyskogo yazyka.* М.: Prosveshcheniye, 2001. 370 p. (in Russian).
14. Watcyn-Jones P. *Fun Class Activities.* Longman. 2000. (in English).
15. Wright A., Betteridge, D., Buckby, M. *Games for language learning.* Cambridge. 2006. (in English).

Авторы публикации

Хованская Екатерина Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для социально-гуманитарного направления Высшей школы иностранных языков и перевода Института международных отношений Казанского федерального университета г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18.

E-mail: katja_khovanskay@mail.ru

Маклакова Наталия Васильевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков для социально-гуманитарного направления Высшей школы иностранных языков и перевода Института международных отношений Казанского федерального университета г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18.

E-mail: natalim.16@mail.ru

Authors of the publication

Ekaterina S. Khovanskaya – associate professor of the English Language for Humanities Department, Institute of International Relations, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Kremlevskaya Str. 18.

E-mail: katja_khovanskay@mail.ru

Natalia V. Maklakova – Associate professor of the English Language for Humanities Department, Institute of International Relations, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Kremlevskaya Str. 18.

E-mail: natalim.16@mail.ru

Поступила в редакцию: 1.11.2018.

Принята к публикации: 10.11.2018.

УДК 81`243

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ПОДГОТОВКИ ПЕРЕВОДЧИКОВ*А.В. Агеева, М.С. Лукина**anastasia_ageeva_@mail.ru**Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия*

Аннотация. В исследовании обосновывается целесообразность анализа средств передачи специфики региональной культуры в рамках преподавания иностранного языка в языковых вузах как одного из ключевых элементов подготовки переводчика. Принцип регионализации выступает одной из основных стратегий развития образования, реализация которого обозначает новый этап становления вариативного компонента образования на территории современной России. Широкое развитие туристической и спортивной инфраструктуры в Республике Татарстан, являющейся одним из наиболее востребованных с этой точки зрения субъектов Российской Федерации, диктует определенные требования к модификации контента языкового образования за счет изучения культурной и лингвокультурной специфики региона. При этом основной целью реализации региональной составляющей в образовательной практике языковых вузов выступает обучение студентов-лингвистов основам национальной культуры через призму иностранного языка с одновременным включением его в систему мировых общекультурных и нравственных ценностей: понимания и уважения чужой культуры, толерантности и веротерпимости. Преимуществом введения региональной составляющей в практику языковой подготовки студентов-переводчиков является расширение общекультурного и лингвистического кругозора студентов, активизация и развитие навыков самостоятельной работы, совершенствование умений сравнительного анализа и синтеза материала.

На материале обучения французскому языку разработана системная характеристика методов внедрения региональных элементов культурного и цивилизационного плана в подготовку устных и письменных переводчиков. В работе также представлен сравнительный анализ практического применения различных типов аудиторной и внеаудиторной работы со студентами-лингвистами и его результаты.

Ключевые слова: высшее образование, французский язык, лингвистика, перевод, региональная культура, образовательные технологии.

Для цитирования. Агеева А.В. Региональная культурная специфика в преломлении подготовки переводчиков // Казанский лингвистический журнал. 2018. Том 1, № 3 (3). С. 113–120.

CROSS-CULTURAL SPECIFICS OF TRAINING TRANSLATION / INTERPRETING*A.V. Ageeva, M.S. Lukina**anastasia_ageeva@mail.ru**Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia*

Abstract. This study proves the feasibility of analyzing the means of transmitting a regional cultural specific character in the framework of foreign language teaching at a linguistic university as one of the key elements of training for translators and interpreters.

The principle of regionalization is one of the main strategies of education development, the implementation of which signifies a new stage in the formation of the elective component in modern Russian education. Wide development of tourism and sports infrastructure in the Republic of Tatarstan, being one of the most popular constituent entities of the Russian Federation from this perspective, dictates certain requirements to modify the content of language education through the study of cultural and linguistic specificity of the region. At the same time the main purpose of realization of the regional component in a language university educational practice is the training of Linguistics Degree students the basis of the ethnic culture through the prism of a foreign language with its simultaneous inclusion into the set of world common cultural and moral values: understanding and respect of foreign culture, leniency and religious tolerance. Owing to the introduction of the regional component in the practice of language

training for students-translators, there can be observed several advantages: wider common cultural and linguistic world view of students, development of skills for the self-guided work, perfecting of abilities for contrastive analysis and synthesis of the material.

The system characteristic of implementation methods of regional elements of cultural and humane terms for the training of students-translators/interpreters has been worked out on the basis of French language teaching. This paper also presents a comparative analysis of different types of in-class and extra-curricular activities with Linguistics Degree students and the corresponding results.

The findings may be used by foreign language teachers at secondary school and higher educational institutions, as well as by students, graduates and post-graduates researching foreign language teaching methodology.

Keywords: education, the French language, Linguistics, translation, regional culture, education technologies.

For citation: Ageeva, A.V., Lukina, M.S. Cross-cultural specifics of training translation/interpreting // Kazan linguistics journal. 2018. Vol 1, No 3 (3). Pp. 113–120.

Введение национально-регионального компонента в учебный процесс высшей школы является одним из приоритетных направлений реформирования образования. «Регионализацию образования рассматривают как средство возрождения и развития образования, она является в настоящий момент ведущей и долговременной стратегией, которая определяет пути становления целостного регионального пространства на основе взаимодействия национального, регионального, федерального и мирового опыта развития образования» [Ратнер].

Вместе с тем, в настоящее время наблюдается значительная сепарация в рамках реализации национально-регионального компонента содержания образования на республиканских и муниципальных уровнях, которая характеризуется сосредоточением внимания исключительно на социально-культурных ценностях своей этнической группы вне взаимодействия с другими этнокультурными образованиями [Белогуров].

Практика показывает, что целенаправленное использование регионального национального компонента на занятиях по иностранному языку стимулирует интеллектуальную и эмоциональную сферы личности учащихся, способствует психологической комфортности на уроке, повышению мотивации, как изучения иностранного языка, так и родной культуры, а в конечном итоге и творческой самореализации личности.

Принцип регионализации в настоящий момент выступает одним из основных фактором развития образования, реализация которого обозначает новый этап становления вариативного образования на территории современной России. Данный принцип позволяет этнорегиональным образовательным системам выступать субъектами стратегий развития в соответствии с присущими региону геоэкономическими и социокультурными особенностями [Асланова, Кудаев]. Так в Татарстане с широко развитыми туристической и спортивной инфраструктурами повысились требования к введению национально-регионального компонента содержания образования в связи с необходимостью решить сложнейшую проблему приобщения молодежи к общецивилизационным знаниям и ценностям одновременно с обеспечением её национальной самоидентификации. При этом основной целью реализации национально-регионального компонента в вузовской образовательной практике выступает воспитание и обучение человека основам национальной культуры и иностранному языку, с одновременным включением его в систему мировых общекультурных и нравственных ценностей. Поэтому чрезвычайно важно воспитывать у студентов любовь к родному краю, уважение и понимание чужой культуры и

религии, а также традиций других народов, воспитание у учащихся такие необходимые в настоящее время качества как толерантность и веротерпимость.

Государственный заказ на воспитание личности определен в основополагающих законодательных актах Российской Федерации – Конституции Российской Федерации, Законе Российской Федерации «Об образовании». Проблематика данной темы нашла свое отражение в работах многих российских и зарубежных ученых. Ценный вклад в разработку национально-регионального компонента в преподавание иностранных языков внесли такие ученые, как А.П. Кузнецова (2002), Е.В. Денисова (2002), П.А. Корниенко (2005), Ф.Л. Ратнер (2007).

Концепция культуры и культурных различий в личной и профессиональной жизни нашла свое отражение в работе Ж-М. Фэвра (2013). Французские ученые Пьер Эскудэ и Пьер Жанэн (2013) в своем труде «*Intégration des langues et des disciplines*» анализируют интеграцию языков и научных дисциплин.

Анализ теоретических работ и практической деятельности в аспекте исследуемой проблемы, а в частности преподавания иностранного языка в высшей школе с учетом национально-регионального компонента, показал, что данная область остается недостаточно изученной, что позволило нам сформировать гипотезу исследуемой проблемы: использование национально-регионального компонента в преподавании французского языка в высшей школе будет эффективно, если этот компонент образования наполняется конкретным содержанием, используется для прагматических целей, способствует самоидентификации и социализации личности студента ВУЗа в современном поликультурном обществе.

Общие цели межкультурного образования предполагают разрешение конфликтов через диалог, критическое осмысление собственной культуры и традиций, воспитание толерантности, признание равенства шансов для всех, ответственного социального поведения.

Так как для образовательной ситуации современной России характерно усиление этнизации содержания образования, возрастание роли национальной культуры в процессе социализации и интериоризации личности, именно этнокультурный фактор должен выступить основой для поликультурного образования. Ведущий принцип реализации национального в поликультурном образовании – социокультурный контекст развития личности – предполагает максимальный учет конкретных национальных реалий и определение их места и значимости в интернациональном мире. На основе данной целевой установки определяется образовательная стратегия, направленная на формирование личности, способной к активной и эффективной жизнедеятельности в многонациональной и поликультурной среде, обладающей развитым чувством понимания и уважения различных национальных культур [Шаповалов].

Данная образовательная стратегия определяет следующие образовательные задачи: глубокое и всестороннее овладение основами национальной культуры, что является непременным условием интеграции в другие культуры. Формирование представлений о многообразии национальных культур, воспитание позитивного отношения к культурным различиям, обеспечивающим условия для самореализации личности; приобщение к основам мировой

культуры, раскрытие объективных причин процесса глобализации, взаимозависимости народов в современных условиях.

Системно-структурный подход предоставил возможность комплексно рассмотреть систему преподавания регионального компонента в высшей школе и выбрать оптимальные методические приемы для изучения географии, истории и культуры страны изучаемого языка для студентов университетов.

В процессе изучения дисциплин общепрофессионального цикла была разработана и реализована в образовательном процессе интегративная программа с учетом регионального компонента, основное назначение которой заключается в формировании профессионально значимых базовых знаний и развития мотивации личности к усвоению этих знаний. Разработанная специальная учебная программа «Подготовка гидов-экскурсоводов на французском языке» максимально приближена к практической деятельности, реализует принцип профессиональной мотивации и отвечает содержанию подготовки студентов-волонтеров в условиях развитой спортивной инфраструктуры региона, позволяющей проводить спортивные соревнования международного уровня.

Таблица 1.

**Участие студентов–волонтеров по данным сайтов
www.sport-in-kazan.ru., www.kazan2015.com**

Наименования мероприятия	Количество участвующих студентов-волонтеров из вузов Казани
Универсиада в Казани 2013	15000
Чемпионат мира по фехтованию 2014	200
FINA 2015	1588
Чемпионат Европы по бадминтону 2016	200

Основополагающим критерием рекрутирования студентов-волонтеров является знание иностранных языков, особенно при наборе атташе для непосредственной работы с командами зарубежных участников.

Таблица 2.

Участие студентов во внеаудиторной работе по данным сайта www.kpfu.ru

Наименования мероприятия	Количество участвующих студентов		
	2013	2014	2015
Всероссийский конкурс «Полиглот»	200	300	400
Конкурс гид-экскурсовод на иностранном языке	80	50	30

В течение 11 лет в Казанском федеральном университете проводится Открытый Всероссийский конкурс «Полиглот» на знание иностранных языков для студентов неязыковых специальностей. Национально-региональный компонент широко используется при разработке заданий по устному переводу с русского языка на иностранный язык в номинации «Переводчик». Так, в 2015 году основной темой для устного перевода были достопримечательности Казани. Таким образом, студенты приобщались к истории, географии и культуре Татарстана. В рамках

культурной программы для участников конкурса, студентами КФУ были предложены квесты с использованием национально-регионального компонента, например квест посвященный 200-летию Казанского университета, интеграция во французскую культуру осуществлялась в контексте совместного культурного проекта с центром Эрмитаж Казань «40 минут шедевра», посвященного художникам-импрессионистам.

Что касается аудиторных занятий, то региональный компонент вводится, например, в грамматическом цикле:

пассивные конструкции: *La cathédrale de l'Annonciation a été construite en...;*

La mosquée Coul-Charif a été construite...;

L'Université a été fondée en 1804;

La visite du musée est accompagné par ...;

использование **Passé simple** при описании легенд о Казани: *Il envoya ses ambassadeurs à Kazan, mais la fière princesse refusa ses avances. Peu après, le tsar arriva avec son armée et, au terme du siège de la ville, Suumbika fut contrainte d'épouser Ivan le Terrible. Cependant, la princesse lui demanda un cadeau de mariage un peu particulier: une tour à sept étages, la plus haute de la ville. C'était méconnaître les architectes du tsar: une semaine plus tard, Suimbika grimpa en haut de la tour pour regarder une dernière fois sa ville natale et dire adieu à ses habitants. Pour rester parmi eux à tout jamais, elle se jeta dans le vide.*

использование **Futur proche:** *nous allons visiter, vous allez voir;*

повелительная форма: *Tournez à gauche regardez à droite;*

числительные: *Ce monument date du XVIème siècle; Cette magnifique mosquée date du début du XXIème siècle;*

род существительных: *un monument – une curiosité un temple - une église - une cathédrale; un château – un palais;*

Повышению мотивации изучения французского языка способствовала проектная работа студентов факультета международных отношений по созданию путеводителя по Казани на французском языке. Работа над путеводителем проводилась в несколько этапов. В начале это был сбор информации о городе. При этом приобретались такие учебные умения как внимательное восприятие предоставляемой информации, проверка ее достоверности, интегрирование знаний из различных областей (география, история и др.) в реальную ситуацию, а также развивались такие когнитивные умения как отбор информации в соответствии с поставленными конечными целями, ее обработка, перевод на французский язык, корректировка перевода в соответствии с жанром путеводителя. Следующим этапом работы была апробация подготовленного материала во время учебных экскурсий с преподавателем, а затем проведение экскурсий для французских туристов, посещающих столицу Татарстана. При выполнении этой проектной работы студенты приобретали как лингвистические, так и социолингвистические и прагматические компетенции. К лингвистическим компетенциям здесь можно отнести лексические элементы (сложные предлоги, тематические группы слов), грамматические элементы (использование пассивной конструкции

при описании исторических памятников, прошедшее время глаголов, повелительная форма глаголов и др.), семантическую компетенцию (переводческие соответствия). В социолингвистической компетенции это прежде всего знания и умения, необходимые для эффективного использования языка в социальном контексте. К ним относятся лингвистические маркеры социальных отношений (выбор и использование форм приветствия, форм общения) (Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка, 2005), умение работать в команде, развитие чувства ответственности.

Во время составления и проведения экскурсии на французском языке, участия в конкурсах гидов и издания путеводителя студенты овладели прагматическими компетенциями, состоящими из компетенции дискурса (знание правил построения высказывания) с учетом известной и новой информации, тематики, связности и целостности, логики, стиля и регистра общения, воздействия на собеседника. При составлении путеводителя особое внимание обращалось на построение текста: расположение текста на странице, аргументация, связность.

Занятия по компетенции дискурса начались на самых разных этапах изучения французского языка и стали одним из важнейших элементов обучения на более продвинутых этапах. В процессе работы над проектами у студентов увеличилась мотивация к изучению французского языка, повысился интерес к изучению истории Казани, что послужило основанием для создания молодежной организации «Клуб ЮНЕСКО по сохранению нематериального наследия»

Основной предпосылкой, которая способствовала формированию у студентов вуза критического осмысления собственной культуры и традиций, является возрастающая роль Татарстана как одного из крупных туристических и спортивных центров России, занимающего особое положение в связи с наличием развитой инфраструктуры, обслуживания, транспорта, гостиничного и ресторанного бизнеса.

Придерживаясь идеи плюрализма в культуре и обществе, принципов диалога культур и мультикультурализма в образовании, утверждая основные гуманистические ценности, можно создать условия для становления любого из вариантов межкультурного образования, соответствующего политической и культурной ситуации данного образовательного пространства. Интеграция федерального и национально-регионального компонента содержания образования на основе ценностных критериев реально возможна и желательна практически в каждой теме и на каждом учебном и внеучебном занятии (Стрелова, 2001). Необходимость обучения иностранным языкам с учетом национально-регионального компонента продиктована тем, что понимание иной культуры возможно только на основе знания своей. Умение ориентироваться в различных типах культур, адекватно интерпретировать явления и факты родной и иноязычной культур, сравнивать и делать выводы об общем и специфичном в системе культурных ценностей сопоставляемых сообществ, выходить из затруднительных положений в процессе межкультурного общения, обсуждать частные и глобальные проблемы человечества составляют суть социокультурной компетенции обучаемых, формирование которой является одной из важнейших задач языкового образования на современном этапе.

Литература

1. Асланова М.А., Кудяев М.Р. Развитие региональной системы образования Республики Адыгея с учетом современных тенденций. Майкоп: Изд-во АГУ, 2008. 177 с.
2. Белогуров А.Ю. Фактор поликультурности в контексте этнонациональной стратегии развития российского образования // Проблемы поликультурного образования: Междунарою сб. науч. ст. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2001. С. 27–31.
3. Денисова Е.В. Развитие мотивации к изучению иностранного языка с опорой на национально-региональный материал в старших классах общеобразовательной школы: дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2002. 163 с.
4. Корниенко П.А. Использование краеведческих материалов в обучении иностранным языкам (На примере Карачаево-Черкесской Республики, английский язык): дис. ... канд. пед. наук. Пятигорск, 2005. 185 с.
5. Кузнецова А.П. Реализация национально-регионального компонента содержания обучения иностранным языкам в интегрированном курсе на проектной основе: дис. ... канд. пед. наук. Москва, 2002. 285 с.
6. Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка / пер. с англ. под ред. проф. К.М. Ирисхановой. М.: МГЛУ, 2003. 261 с.
7. Ратнер Ф.Л. Национально-региональный компонент в учебных дисциплинах высшей школы РТ как фактор национальной самобытности // Глобализация и национальная самобытность. Форум языков. Казань: Экоцентр, 2007. С. 135–138.
8. Шаповалов В.К. Этнокультурная направленность российского образования: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 1997. 36 с.
9. Ageeva A.V., Abdullina L.R., Lukina M.S. Internet comments as means of developing social and cultural competence of students in linguistics major / INTED2017 Proceedings. Valencia: IATED, 2017. P. 4462–4469.
10. Fèvre, J.-M. Manuel de gestion interculturelle. Sarreguemines: Colprint, 2013.
11. Escudé P., Janin P. Intercompréhension, clé du pluralisme. Paris, CLE International, 2015.
12. Mukhametshina E.E., Solovyova E.G., Pomortseva N.P. Integrative approach to enhancing linguists' background knowledge in culture / Journal of History Culture and Art Research. Vol.6, No. 4, 2017. P. 538–545.
13. Nieto C., Booth M.Z. Cultural competence: Its influence on the teaching and learning of international students / Journal of Studies in International Education. V.14, No.4, 2010. P. 406–425.
14. Волонтеры на универсиаде. Казань 2013 / Спорт в Казани. URL: <http://sport-in-kazan.ru/volontery-na-universiade-kazan-2013> (дата обращения: 01.05.2018).
15. Волонтерская программа ЧМ–2015: цифры и факты / Официальный сайт 16-го Чемпионата мира ФИНА по водным видам спорта 2015 в Казани. URL: http://kazan2015.com/ru/news_items/3567 (дата обращения 02.02. 2018).

References

1. Aslanova, M.A., Kudaev, M.R. *Razvitie regional'noj sistemy obrazovaniya Respubliki Adygeya s uchetom sovremennyh tendencij*. Majkop: Izd-vo AGU, 2008. 177 p.
2. Belogurov, A.YU. *Faktor polikul'turnosti v kontekste ehtnonacional'noj strategii razvitiya rossijskogo obrazovaniya // Problemy polikul'turnogo obrazovaniya: Mezhdunaryu sb. nauch. st. Mahachkala: IPC DGU, 2001. P. 27–31.*
3. Denisova, E.V. *Razvitie motivacii k izucheniyu inostrannogo yazyka s oporoj na nacional'no-regional'nyj material v starshih klassah obshcheobrazovatel'noj shkoly: dis. ... kand. ped. nauk. Ekaterinburg, 2002. 163 p.*
4. Kornienko, P.A. *Ispol'zovanie kraevedcheskih materialov v obuchenii inostrannym yazykam (Na primere Karachaevno-CHerkesskoj Respubliki, anglijskij yazyk): dis. ... kand. ped. nauk. Pyatigorsk, 2005. 185 p.*
5. Kuznecova, A.P. *Realizaciya nacional'no-regional'nogo komponenta sodержaniya obucheniya inostrannym yazykam v integrirovannom kurse na proektnoj osnove: dis. ... kand. ped. nauk. Moskva, 2002. 285 p.*
6. *Obshcheevropejskie kompetencii vladeniya inostrannym yazykom: Izuchenie, obuchenie, ocenka / per. s angl. pod red. prof. K.M. Iriskhanovoj . M: MGLU, 2003. 261 p.*
7. Ratner F.L. *Nacional'no-regional'nyj komponent v uchebnyh disciplinah vysshej shkoly RT kak faktor nacional'noj samobytnosti // Globalizaciya i nacional'naya samobytnost'. Forum yazykov. Kazan': Ekocentr, 2007. P. 135–138.*
8. Shapovalov V.K. *Etnokul'turnaya napravlennost' rossijskogo obrazovaniya: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk. Moskva, 1997. 36 p.*
9. Ageeva A.V., Abdullina L.R., Lukina M.S. Internet comments as means of developing social and cultural competence of students in linguistics major / INTED2017 Proceedings. Valencia: IATED, 2017. P. 4462–4469.
10. Fèvre, J.-M. *Manuel de gestion interculturelle. Sarreguemines. Colprint, 2013.*
11. Escudé P., Janin P. *Intercompréhension, clé du pluralisme*. Paris, CLE International, 2015.
12. Mukhametshina, E.E., Solovyova, E.G., Pomortseva, N.P. *Integrative approach to enhancing linguists' background knowledge in culture // Journal of History Culture and Art Research. Vol. 6, No. 4, 2017. P.538–545.*
13. Nieto, C., Booth, M.Z. *Cultural competence: Its influence on the teaching and learning of international students // Journal of Studies in International Education. V. 14, No. 4, 2010. P. 406–425.*
14. Волонтеры на универсиаде. Казань 2013 // Спорт в Казани. URL: <http://sport-in-kazan.ru/volontery-na-universiade-kazan-2013> (дата obrashcheniya: 01.05.2018).
15. Волонтерская программа ЧМ–2015: cifry i fakty / Oficial'nyj sajт 16-go CHempionata mira FINA po vodnym vidam sporta 2015 v Kazani. URL: http://kazan2015.com/ru/news_items/3567 (дата obrashcheniya 02.02. 2018).

Авторы публикации

Агеева Анастасия Владимировна – канд. филол. наук, доцент кафедры европейских языков и культур Института международных отношений, Казанский федеральный университет, ул. Кремлевская, 18, 420008, г. Казань, Россия.

E-mail: anastasia_ageeva@mail.ru

Лукина Марина Сергеевна – канд. филол. наук, доцент кафедры европейских языков и культур Института международных отношений, Казанский федеральный университет, ул. Кремлевская, 18, 420008, г. Казань, Россия.

Authors of the Publication

Anastasia V. Ageeva – Candidate of Philology, Associate professor, Department of European Languages and Cultures, Institute of International Relations, Kazan, Russia. Kazan Federal University, 18 Kremlevskaya str., 420008, Kazan, Russia,

E-mail: anastasia_ageeva@mail.ru

Marina S. Lukina – Candidate of Philology, Associate professor, Department of European Languages and Cultures, Institute of International Relations, Kazan Federal University, 18 Kremlevskaya str., 420008, Kazan, Russia.

Поступила в редакцию: 1.11.2018.

Принята к публикации: 11.11.2018.

УДК 81`243

**ВНЕДРЕНИЕ СИСТЕМНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДА ПРОЕКТОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ
ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ ВУЗА**

Н.Ф. Плотникова, Н.Г. Сигал

plotnikova.nailya@list.ru, Natalya.Sigal@ksu.ru

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация. Системно-деятельностный подход в образовательном процессе представляет собой образовательные технологии, методы и приемы, которые использует преподаватель с целью формирования студентов, как личностей с активной жизненной позицией, владеющих профессиональными компетенциями, способными адаптироваться к постоянно меняющимся условиям современного общества. Преимущества проектного метода заключаются в оптимизации процесса обучения, развитии навыков самостоятельной работы студентов, интегрированном подходе приобретения знания из различных областей, практическом применении полученных знаний, выдвижении новых идей.

Ключевые слова: образование, студенты, метод, проект, системно-деятельностный подход.

Для цитирования: Плотникова Н.Ф., Сигал Н.Г. Внедрение системно-деятельностного подхода с использованием метода проектов при обучении иностранному языку студентов вуза // Казанский лингвистический журнал. 2018. Том 1, № 3 (3). С. 121–124.

**IMPLEMENTATION OF SYSTEM-PERFORMANCE APPROACH USING
A PROJECT METHOD WHEN TEACHING A FOREIGN LANGUAGE TO UNIVERSITY
STUDENTS**

N.F. Plotnikova, N.G. Sigal

plotnikova.nailya@list.ru, Natalya.Sigal@ksu.ru

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

Abstract. The system-activity approach in the educational process is an educational technology, methods and techniques that the teacher uses to form students, as individuals with an active lifestyle, possess professional competencies that can adapt to the ever-changing conditions of modern society. The advantages of the project method are in optimizing the learning process, developing students' independent work skills, an integrated approach to acquiring knowledge from various fields, the practical application of the knowledge gained, the promotion of new ideas.

Keywords: education, students, method, project, system-activity.

For citation: Plotnikova N.F., Sigal N.G. Implementation of system-performance approach using a project method when teaching a foreign language to university students // Kazan linguistic journal. 2018. Vol. 1, No. 3 (3). Pp. 121–124.

К исследованиям, направленные на рассмотрение вопросов о системно-деятельностном подходе, относятся работы Б.Г. Ананьева, Б.Ф. Ломова, Л.С. Выготского, Л.В. Занкова, А.Р. Лурия, Д.Б. Эльконина, В.В. Давыдова и др. Основной принцип деятельностного подхода состоит в том, что обучающиеся самостоятельно участвуют в исследовательской деятельности, что предполагает поиск необходимой информации, выявление способов решения проблемы,

отработку в речи грамматических и лексических структур. Обучающиеся получают знания «не в готовом виде, а добывая их сами, осознают при этом содержание и формы своей учебной деятельности, понимают и принимают систему ее норм, активно участвуют в их совершенствовании, что способствует активному успешному формированию его общекультурных и деятельностных способностей, общеучебных умений» [Сухов]. Задача преподавателя заключается не только во введении или отработке материала, в его доступном объяснении, но и в организации самостоятельной исследовательской работы студентов. Отношения, складывающиеся между педагогом и студентом «освобождают педагога от роли всезнайки, но заставляют принять не менее трудную роль организатора процесса познания» [Петровский].

Проектная деятельность обучающихся является одним из методов развивающего обучения, направлена на выработку самостоятельных исследовательских умений (выдвижение проблемы, сбор и обработка информации, проведение экспериментов, анализ полученных результатов), способствует развитию творческих способностей и логического мышления, объединяет знания, полученные в ходе учебного процесса и приобщает к конкретным жизненно важным проблемам. При использовании проектного метода, находят применение такие формы работы как: тематические образовательные проекты; олимпиады, конкурсы; тематические конференции [Плотникова].

В рамках системно - деятельностного подхода на уроках иностранного языка всё чаще практикуется метод проектной деятельности, интенсивные методы, проблемный метод, модульное обучение, групповая работа, которые дают преподавателю возможность включить студентов в реальное общение, насыщенное иноязычными контактами, опирающиеся на исследовательскую деятельность, на совместный труд и увидеть реальные результаты своего труда [Кудрявцева].

Преимуществами проблемного метода обучения являются следующие моменты: самостоятельное добывание знаний путем собственной творческой деятельности; высокий интерес к учебному труду; развитие продуктивного мышления; прочные и действенные результаты обучения. К недостаткам проблемного метода следует отнести: слабую управляемость познавательной деятельностью учащихся; большие затраты времени на достижение запрокированных целей; недостаточный уровень языковой подготовки от дельных групп; нехватка времени на тщательное изучение той или иной темы [Петерсон].

Использование системно – деятельностного подхода на уроках иностранного языка заключается в реализации познавательной и практической деятельности обучающихся на уроках с использованием разнообразных приёмов, формы и методов организации учебно-воспитательного процесса.

Использование проектного метода в процессе обучения английскому языку позволяет студентам практически использовать свои речевые навыки и умения, а также развивать такие качества как любознательность, ответственность, уважение к близким, взаимопонимание и ряд других. В качестве примера авторы исследования предлагают рассмотреть фрагмент урока по теме: «What do you like in your city?», проведенного среди студентов 1 курса для неязыковых специальностей. К уроку были подготовлены различные наглядные пособия, а именно фотографии, иллюстрации, макет города, аудио и видео материалы. Каждая группа получила

задание выступить по предложенным темам с использованием различных форм передачи информации (фотогазета, видеофильм, выступление с докладом).

1. Advantages of living in the big cities.
2. Disadvantages of living in the big cities.
3. What do you like in your native town?

Поскольку роли были заранее распределены между студентами, это дало им возможность психологически настроиться, обдумать манеру поведения и речи. Для каждой группы были подготовлены и распределены вопросы для дальнейшего обсуждения темы.

1. Обосновать значимость и актуальность выбранной темы.
2. Почему многие люди не представляют свою жизнь в небольших тихих городах?
3. Почему многих людей пугает жизнь в крупных городах?
4. Что вам нравится в вашем городе?

В ходе проведения занятий преподаватель выдвигал следующие задачи:

1. определить общую цель – научить каждого в отдельности и всех вместе;
2. распределить роли в каждой группе (подводящий итоги, поддерживающий каждого в процессе обучения, развивающий идеи);
3. постоянно следить за уровнем знаний каждого члена команды;
4. проверять индивидуально работу каждого участника, либо выбрать одного члена группы для проведения тестирования;
5. наблюдать за работой всей группы;
6. обсудить результаты совместной работы группы.

Использование проектной методики нацеливает участников команды на развитие определенных исследовательских навыков. Участники проекта получают возможность осуществлять творческие замыслы в рамках заданной темы, самостоятельно добывать и анализировать необходимую информацию. Работа в проектной работе способствует творческому успеху студентов, позволяет им продемонстрировать определенный уровень своего интеллектуального развития, преодолеть страх и испытать психологическое единение, гордость за то, что они сообща добились успеха [Marjan Laal].

Проведенный цикл занятий позволил авторам исследования выявить преимущества обучения студентов в проектных группах:

- Все активны, работают над заданием все без исключения;
- Четко представляют себе общую цель;
- Обсуждают, высказывают свое мнение, слушают друг друга, задают себе вопросы «Почему ты так думаешь?»:
- Учатся оказывать поддержку друг другу «А как ты это понимаешь?», возникает чувство, что «я не один»;
- Высокий уровень любознательности, желание познать больше и передать эту информацию другим заинтересованным членам группы.

Таким образом, использование проектного метода в процессе обучения позволяет развивать творческие способности студентов, умения, навыки сотрудничества в результате взаимодействия преподавателя и студента [Plotnikova, Kondrateva]. А также в процессе выполнения проекта, обучающиеся самостоятельно приобретают знания, получают опыт в познавательной и учебной деятельности, а также формируют исследовательские навыки, что позволяет им ориентироваться в потоке информации, анализировать ее, обобщать, делать выводы и заключения.

Литература

1. Сухов В.П. Системно-деятельностный подход в развивающем обучении школьников: монография. Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. 155 с.
2. Петровский А.В. Некоторые аспекты разработки стратометрической концепции групп и коллективов. Вопросы психологии. 1976. № 6. С. 38.
3. Плотникова Н.Ф., Андреева Ю.В. Использование метода проектов на уроке английского языка. Казанский вестник молодых ученых, 2018. Т. 2, № 2(5). С.40–45.
4. Кудрявцева Н.Г. Системно-деятельностный подход как механизм реализации ФГОС нового поколения. Справочник заместителя директора, 2011. №4. С. 20.
5. Петерсон Л.Г., Кубышева М.А., Кудряшова Т.Г. Требования к составлению плана урока по дидактической системе деятельностного метода. М.: Школа 2000 АПК и ППРО, 2008. 48 с.
6. Laal Marjan, Azadeh Sadat Naseri, Mozghan Laal, Zhina Khattami-Kermanshahic. What do we achieve from learning in collaboration? Procedia – Social and Behavioral Sciences 93, 2013. Pp. 1427–1432.
7. Plotnikova N.F., Kondrateva I.G. Development of Integrative Skills in Higher Education Students // Helix, 2018. Vol. 8 (1). Pp. 2877–2883.

References

1. Suhov, V. P. (2004) *Sistemno-deyatelnostnyj podhod v razvivayushchem obuchenii shkol'nikov: monografi*. Ros. gos. ped. un-t im. A.I. Gercena. SPb.: Izd-vo RGPU im. A.I. Gercena. 155 p. (In Russian).
2. Petrovskij, A.V. (1976) *Nekotorye aspekty razrabotki stratometricheskoj koncepcii grupp i kollektivov*. Voprosy psihologii. No. 6. Pp. 38. (In Russian).
3. Plotnikova, N.F., Andreeva, Yu.V. (2018) *Ispol'zovanie metoda proektov na uroke anglijskogo yazyka*. Kazanskij vestnik molodyh uchenyh. T. 2. № 2 (5). Pp. 40–45. (In Russian).
4. Kudryavceva, N.G. (2011). *Sistemno-deyatelnostnyj podhod kak mekhanizm realizacii FGOS novogo pokoleniya*. Spravochnik zamestitelya direktora. № 4. Pp. 20. (In Russian).
5. Peterson, L.G., Kubysheva, M.A., Kudryashova, T.G. (2008). *Trebovaniya k sostavleniyu plana uroka po didakticheskoj sisteme deyatelnostnogo metoda*. M.: SHkola, 2000. APK i PPRO. 48 pp. (In Russian).
6. Marjan Laal, Azadeh Sadat Naseri, Mozghan Laal, Zhina Khattami-Kermanshahic. (2013). *What do we achieve from learning in collaboration?* Procedia - Social and Behavioral Sciences 93. Pp. 1427 – 1432. (In English).
7. Plotnikova, N.F., Kondrateva, I.G. (2018). *Development of Integrative Skills in Higher Education Students*. Helix. Vol. 8 (1). Pp. 2877–2883. (In English).

Авторы публикации

Плотникова Наиля Фагимовна – кандидат педагогических наук, доцент, Казанский федеральный университет, 420008, Россия, Казань, Кремлевская, 18.

E-mail: plotnikova.nailya@list.ru

Сигал Наталья Германовна – кандидат педагогических наук, доцент, Казанский федеральный университет, 420008, Россия, Казань, Кремлевская, 18.

E-mail: Natalya.Sigal@ksu.ru

Authors of the publication

Nailya F. Plotnikova – Candidate of pedagogics, Associate professor, Kazan Federal University, 18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russian Federation.

E-mail: plotnikova.nailya@list.ru

Natalia G. Sigal – Candidate of pedagogics, Associate professor, Kazan Federal University, 18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russian Federation.

E-mail: Natalya.Sigal@ksu.ru

Поступила в редакцию: 1.11.2018.

Принята к публикации: 17.11.2018.

УДК 81

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ПОРТФОЛИО ПРИ ИТОГОВОЙ ОЦЕНКЕ ЗНАНИЙ
СТУДЕНТОВ ПО КУРСУ «АКАДЕМИЧЕСКОЕ ПИСЬМО»
НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Е.Г. Линючкина

evalinyu@mail.ru

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация. Данная статья описывает использование технологии портфолио для оценки знаний студентов по курсу «Академическое письмо». Портфолио является прекрасной альтернативой другим существующим методам оценки, так как благодаря данному методу студенты представляют свои достижения в наглядной и креативной форме, а преподаватель может объективно оценить знания студентов по курсу «Академическое письмо», полученные в течение семестра, и общий уровень владения английским языком. Портфолио включает основные термины курса, их определения и примеры различных типов академического письма, выполненные студентами.

Ключевые слова: портфолио, зачет, академическое письмо.

Для цитирования: Линючкина Е.Г. Использование технологии портфолио при итоговой оценке знаний студентов по курсу «Академическое письмо» на английском языке // Казанский лингвистический журнал. 2018. Том 1, № 3 (3). С. 125–12.

**THE USE OF A PORTFOLIO TECHNOLOGY FOR THE FINAL TEST
OF KNOWLEDGE OF STUDENTS ON THE COURSE “ACADEMIC WRITING”**

E.G. Linyuchkina

evalinyu@mail.ru

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract. As the title implies the article describes the portfolio technology and its use as a final test of knowledge on the course “Academic writing”. Portfolio is a good alternative to the other existing forms of final test because it gives a chance to the student to show his or her knowledge vividly, to express his creativity and at the same time allows the lecturer to estimate both the level of English and the mastered knowledge of the paragraph and essay’s writing. Portfolio includes all the terms of the course, their determinations and examples of different types of academic writing produced by the students.

Keywords: Portfolio technology, final test, academic writing.

For citation: Linyuchkina E.G. The use of a portfolio technology for the final test of knowledge of students on the course “Academic writing” in English Language // Kazan linguistic journal. 2018. Vol. 1, No. 3 (3). Pp. 125–12.

It's no secret that the standard procedure of examination or test is not always the best way to test the student's knowledge of a particular subject. This concerns particularly the applied disciplines such as Academic Writing. By means of an oral quiz or test it is impossible to adequately assess the range of knowledge and skills of students on the subject, including the correct use of grammar, vocabulary and punctuation of a foreign language, a plan of the essay, the organization and structure of the text, the

correct selection of types of evidence and paragraphs, etc. In our view, the most appropriate way to test students' knowledge and skills in this specialty is the method of a portfolio.

Recently, the method of portfolio is beginning to spread in the pedagogical practices of foreign and Russian lecturers and school teachers. The term portfolio appeared in 15th-16th century and meant a folder with the works of artists or architects, collected for admission to the Academy of Fine Arts. Later, in the 19th century the same word denoted an album with photos. And only in the second half of the 20th century, the term portfolio assumes one of the present meanings – a collection of individual educational achievement. The term first appears in the US, then Europe and Japan, and only in the 90s of the last century it finally comes to Russia.

A common understanding of the term "portfolio" has not yet been developed, although most of the work on its study, development and implementation has been ongoing for over 20 years. E.E.Fedotova, T.G.Novikova, A.S.Prutchenkova, Varvus K. should be noted among the researchers of this concept. In 2004, by order of the Russian government guidelines for construction of various models and the use of portfolios of pupils of secondary school were developed. Earlier there was also developed the Russian version of the language portfolio, based on the "Common European Framework of Reference for Languages." Although most of the works on the use of the method of portfolio develop its use in secondary schools, we consider it appropriate to use it in high school as well.

It is common practice to distinguish between two basic types of portfolio according to its goal: portfolio of the achievements of the student, which includes specially selected works, and thematic, subject portfolio. Thematic portfolio is a collection of works of the student in a subject made for a semester or a whole course. Portfolio of the student on the course "Academic Writing" allows the student to combine all the tasks carried out during the course in one work and submit it to the instructor during the pass to demonstrate all the skills acquired during the course.

The course Academic Writing is based on the textbook "Academic Writing From Paragraph to Essay" by Dorothy E Zemach, Lisa A Rumisek. As part of the course, students gradually learn information about the preparation to the process of writing an academic article, paragraph structure, the types of paragraphs, and the structure of an essay, the use of modal verbs, adjectives, and introductory structures and so on. Each chapter contains at least one creative task offering the student to write a part or a whole essay of academic nature.

Type of assesment announced to the students at the beginning of the semester encourages their motivation for a thorough and conscientious implementation and checking of homework. Later homework can be included into the final portfolio and is submitted to the teacher at the pass. Moreover, general literacy of the texts written by the students is also checked during the semester, this allows the students to make the final product more literate in terms of grammar, style, punctuation and spelling, which is beneficial to both students and teachers.

We assume that the portfolio on the subject of Academic writing should contain not only extracts from the essays and full academic texts written by students, but also the core sample of theoretical

material on the subject. Thus, during the preparation of the portfolio the student will have to revise all the definitions and terminology used in the course.

At the pass, the student presents his work to a lecturer in a written or printed form. Portfolio allows not only to evaluate the work done by the student, but also to check the independence of its performance and the knowledge of the course by means of posing additional questions.

Definitions of the main terms and sample essays and paragraphs can be presented together or in different parts of the portfolio. The following definitions are studied during the course and are to be presented in the portfolio: *topic, paragraph, essay, pre-writing, drafting, reviewing, revising, proofread, brainstorming, making a list, freewriting, mapping, topic sentence, supporting sentence, concluding sentence, main idea, details, explanation, example, types of paragraph: descriptive, process, opinion, problem, comparison\contrast; introduction, main body, conclusion, thesis statement, outline, unity, coherence*. The definitions for the abovementioned terms are given and students are able to show their understanding of the terms by underlining them in their own texts. Moreover, grammatical structures used and studied during the course can also be mentioned in the portfolio and underlined in the paragraphs and essays written by the students to enhance their work. These are conditional structures, comparative and contrasting structures, using adjectives, using prepositions, transitions, modal auxiliaries, connectors of cause and effect.

Though the named terms, structures and other theoretical information are to be present in the portfolio, the form of it still gives each student a unique possibility to show not only his or her knowledge and skills but also his or her creativity making preparation of the portfolio an interesting task.

The following example is a part of the portfolio of the first-year master student of ecology. Another advantage of the use of the portfolio technique is that the student is able to choose the topic for his works according to his main specialty and thus develop his skills in writing based on the topic and vocabulary best known by one. The example of part of the portfolio on Academic writing devoted to the problem of soil pollution (with original grammar):

[Soil pollution with crude oil and oil products has become an important problem of ecology (The topic sentence). {At first petroleum products that infiltrate into the soil degrade its physical and chemical properties such as soil texture, soil reaction (pH), cation exchange capacity and etc. Then the color of the soil becomes darker, its structure is degrade and the plant cover is disturbed because morphological properties of the soil also change. As a result of soil degradation is erosion, degradation, cryogens. Transformation of petroleum hydrocarbons leads to the formation of very toxic compounds with carcinogenic and mutagenic properties.} (Supporting sentences, means of support - details) Therefore (introductory construction), these soils can't use in agriculture. To solve this problem have been developed the methods of recultivation of soils.(The concluding sentence)] – (The Introduction)

[The main sources of pollution by hydrocarbons are the oil pipelines and oil fields. Large areas of land are exposed to pollution from oil spills in these areas. Therefore (introductory construction), now scientists need (modal auxiliaries) to devote much attention for studying of the processes of natural

bioremediation and the development of methods for remediation of polluted soils with a view to return them to agriculture.

There are biological, chemical and mechanical methods for liquidation of oil pollution of soil.

Mechanical method of remediation is the removal of soil to landfill for decomposition. Chemical methods of remediation are divided into burning, fire management, soil leaching and drainage of the soil. Biological recultivation must (modal auxiliaries) comprise bioremediation and phytoremediation. The complex of these activities restores productivity and economic value of contaminated land. After recultivation of the soil its physical, chemical and biological properties are restored because the level of concentration of oil products is reduced.] (The main body)

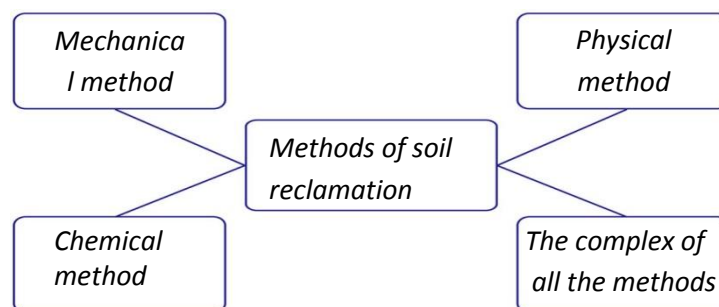
*[There are thousands of accidents of oil spill that happen every year on the territory of the Russian Federation which lead to decrease soil productivity. Of course (introductory construction), there are methods of soil reclamation, but it is not always possible to restore the original fertility, restore soil biota and completely eliminate the effects of man-made pollution. **Therefore** (introductory construction), to maintain a favorable biological environment, we should (modal auxiliaries) pay more attention to this issue.] (The conclusion)*

Portfolio is a unique method, which can present all the different stages of writing, including pre-writing techniques such as freewriting:

Soil pollution is a big problem. It affects its texture, pH, etc. Soil can't be used in agriculture. The main sources of pollution by hydrocarbons are the oil pipelines and oil fields. Different decisions of the problem can be found. Accidents of soil damage occur very often and we have to take care of it.

Making a list: -Soil pollution.-Texture, soil reaction (pH), cation exchange capacity.-erosion, degradation, cryogens.- biological, chemical and mechanical methods for liquidation of oil pollution of soil problems of soil reclamation

Mapping:

Outline of the essay can also be present in the portfolio of the student to make his work full:

1. Introduction – Soil pollution has become an important problem of ecology.

2. Main body:

- The main sources of pollution
- methods for liquidation of oil pollution of soil: mechanical, chemical, physical.

3. Conclusion – we have to pay attention to the problem of soil pollution.

Portfolio presents the whole range of works of the student during the semester in one paper and thus is a good alternative to the commonly used types of final test for the course of Academic writing.

Литература

1. *Dorothy E. Zemach, Rumisek Lisa A. Academic Writing From Paragraph to Essay.* Macmillian. 2003.
2. *Загвоздкин В.К.* Портфель индивидуальных учебных достижений – нечто большее, чем просто альтернативный способ оценки. Школьные технологии. 2004. № 3. 32–36 с.
3. *Старовикова И.В.* Использование технологии портфолио для организации независимых студентов. Вестник Омского Университета, № 4 (66). 2012.
4. *Ушакова А.В.* Развитие идеи портфолио в практике образования в России. URL: <http://aspirantura-olimpiada.narod.ru/index/0-103>, (дата обращения: 12.01.2016).

References

1. *Dorothy E. Zemach, Rumisek Lisa A. Academic Writing From Paragraph to Essay.* Macmillian. 2003. (in English).
2. *Starovikova I. V. Using technology portfolio for the organization of independent students.* Vestnik Omskogo Universiteta. Vol. № 4 (66). 2012. (in Russian).
3. *Ushakova A.V. Development of the idea of portfolio in the practice of Russia education.* URL: <http://aspirantura-olimpiada.narod.ru/index/0-103>, (data obrasheniya: 12.01.2016) (in Russian).
4. *Zagvozdkin V.K. Individual portfolio of academic achievements - something more than just an alternative method of evaluation. School technology.* 2004. №3. P.32-36 (in Russian).

Автор публикации

Линючкина Ева Григорьевна – старший преподаватель, Казанский федеральный университет, ул. Кремлевская, 18, 420008, г. Казань, Россия.

E-mail: evalinyu@mail.ru

Author of the Publication

Eva G. Linyuchkina – Senior Lecturer, Kazan Federal University, 18 Kremlevskaya str, 420008, Kazan, Russia.

E mail: evalinyu@mail.ru

Поступила в редакцию: 29.10.2018.

Принята к публикации: 15.11.2018.